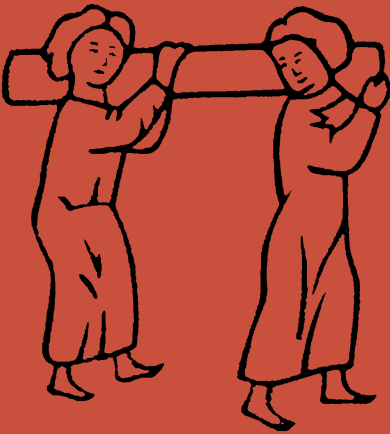

**КОГДА
КАК
ВОЗНИК
КНЕВ**

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

М. Ю. БРАЙЧЕВСКИЙ

**КОГДА И КАК
ВОЗНИК
КИЕВ**

«НАУКОВА ДУМКА»
КИЕВ-1964

Сколько лет Киеву — «матери городов русских»? Когда и при каких обстоятельствах он возник? Как Киев стал крупнейшим городом восточных славян и столицей древнерусского государства? На все эти вопросы автор отвечает на основе использования огромного количества самых разнообразных источников — археологических материалов, письменных документов, литературных и фольклорных произведений.

Работа является первой попыткой монографического освещения вопросов происхождения и ранней истории города Киева.

Рассчитана на историков и на широкий круг читателей, интересующихся историей нашего города.

Ответственный редактор
кандидат исторических наук *Е. М. АПАНОВИЧ*

ВВЕДЕНИЕ

Дважды орденоносная столица Советской Украины город-герой Киев является одним из старейших городов нашей страны. Возник он в седой глубине веков, задолго до появления первых письменных документов по истории восточных славян. История Киева самым тесным образом связана с историей Руси в целом и является ее неотъемлемой частью. Поэтому все историки Руси не могли пройти мимо нее. Однако отношение к ней отдельных исследователей было разным. И прежде всего это справедливо относительно изучения проблемы возникновения Киева.

В работах дворянских историков XVIII в. представления о начале истории Киева базировались исключительно на летописной легенде об основании города тремя братьями-полянами: Кием, Щеком и Хоривом. Никаких сомнений относительно достоверности этой легенды не возникло; мнения расходились лишь в вопросе о дате события и об этнической принадлежности ее действующих лиц. Так, В. Н. Татищев считал их сарматами; Г. В. Байер, Г. Ф. Миллер, И. Райнегс — готтами; М. Щербатов — гуннами; И. Н. Болтин — аvaraми и т. д.

Зато Ломоносов решительно высказался в пользу славянского происхождения основателей Киева, тем самым подтверждая глубокие корни восточнославянской государственности. Мысль о славянстве Кия, Щека и Хорива поддерживал и наиболее выдающийся представитель дворянской историографии в России — Н. М. Карамзин.

Однако в первой половине и середине XIX в. в связи с распространением норманистской концепции интерес к проблеме происхождения Киева ослабевает. Тенденция начинать историю Руси с 862 года (т. е. с года мифического приглашения варяжских князей) сыграла свою роль: все, что относилось к более древним временам, выпадало из поля зрения исследователей. Это характерно и для дворянских историков Украины (Д. Н. Бантыш-Каменский, Н. А. Маркевич); однако, как ни странно, тенденция эта захватила и некоторых представителей антинорманизма, например М. А. Максимовича.

В буржуазной историографии второй половины XIX в. наметились две основные тенденции. Преобладающая часть исследователей, стоявших на норманистических позициях, провозгласила Киевскую легенду «этимологическим» или «эпонимным» мифом. Соответственно с этой точкой зрения, впервые четко сформулированной С. М. Соловьевым, летописный рассказ о Кие, Щеке и Хориве был попыткой летописца объяснить появление топонимических названий древнего Киева. Это мнение получило большое распространение: его подерживали Н. В. Заревский, В. А. Дорн, Н. П. Дашкевич, А. А. Шахматов, Д. И. Багалей и многие другие. Хотя оно и возникло как попытка примирить летописные сведения с классическим норманизмом, но в конце XIX в. к нему настолько привыкли, что и антинорманисты считали целесообразным пропагандировать ее на страницах своих трудов. В частности эту мысль поддерживали представители украинской буржуазно-националистической историографии, в том числе и М. С. Грушевский.

Однако наряду с этим в трудах некоторых историков, таких как Н. И. Костомаров и В. Б. Антонович, делались попытки реабилитации летописной легенды и отыскания в ней реального исторического ядра. В частности, названные авторы утверждали, что эта легенда отражает тот исторический факт, что Киеву предшествовало несколько более древних поселений, послуживших основой возникновения более позднего города. Костомаров даже считал Кия исторической личностью.

Нетрудно заметить, что характерной чертой всех трудов, касавшихся проблемы возникновения Киева, до конца XIX в. было стремление решить эту проблему на основании лишь летописных данных, которые, однако, не дают достаточного материала для правильной постановки и тем более — решения этой проблемы.

Первые, правда, не очень удачные, попытки расширить круг источников делались начиная со середины XIX в. Прежде всего обратились к иностранным источникам, которые, однако, не смогли внести что-либо принципиально новое в разработку вопроса. Поэтому результатом этих попыток были гипотетические построения, очень далекие от действительности. Так, обращение к скандинавским источникам вызвало к жизни невероятную гипотезу о том, что Киев в IV в. н. э. был столицей готского государства — известным городом на Днестре (Данпарстадом). Эту гипотезу, несмотря на ее полную несостоятельность, поддерживали многие исследователи (А. А. Куник, Ф. К. Браун, Г. Вигфуссон, Н. П. Дашкевич, А. Н. Веселовский, Н. И. Петров, Ю. А. Кулаковский, Ф. Брун, В. С. Иконников, А. И. Соболевский, А. Л. Погодин, К. Шероцкий, И. Стеллецкий и др.).

Попытки расширить имя Киева «Σαμβατάς», названное Константином Багрянородным, привели к не менее фантастическим гипотезам относительно аварского, хазарского, венгерского, армянского и т. д.

происхождения этого слова и, следовательно, об участии всех этих народов в ранней истории Киева. Также не имели положительных результатов и попытки связать с Киевом некоторые названия городов вдоль Днепра, упоминаемых Птолемеем. Более серьезное значение имело изучение восточных источников, в частности арабских (труды А. Я. Гаркави, Д. А. Хвольсона и др.), но, к сожалению, сведения этих источников не идут вглубь далее IX—X вв.

Настоящий прогресс в изучении начальной истории Киева связан с развертыванием археологических исследований на территории города, начавшихся в конце XIX в. Большое значение имели, в частности, неоднократные находки римских монет в древней части города, которые еще в 80-х годах XIX в. дали возможность В. Б. Антоновичу и некоторым другим ученым утверждать о существовании в первые века н. э. на территории Киева значительного торгового центра.

Важное значение для правильной постановки проблемы возникновения древнерусских городов, в том числе и Киева, имело усиление интереса к изучению экономической истории восточных славян, характерное для историографии конца XIX — начала XX в. (работы Н. Я. Аристова, М. В. Довнар-Запольского, В. О. Ключевского, Н. А. Рожкова и др.). Эти исследователи подготовили почву для постановки вопроса о древнерусских городах как центрах ремесла и торговли, а тем самым о роли экономики в процессе их возникновения. К сожалению, недооценка уровня хозяйственного развития древней Руси, отрицание его земледельческой основы, игнорирование данных о развитии восточных славян в эпоху до создания Руси (в частности археологических) очень мешало успешному продвижению вперед этого в общем прогрессивного направления.

Только марксистской историографии оказалась под силу правильная постановка проблемы возникновения Киева.

Советские историки рассматривают эту проблему как непосредственную и неотъемлемую часть общей проблемы происхождения древнерусских городов. Дав правильную социально-экономическую характеристику Киевской Руси как феодальному государству (работы Б. Д. Грекова, С. В. Юшкова, М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова и др.), успешно разрабатывая вопросы хозяйственного развития древнерусского общества, советские историки сумели правильно понять и социальную сущность процесса появления древнерусских городов.

Советская историография базируется на марксистском учении о городах как центрах ремесла и торговли. В основу кладутся социально-экономические моменты: общественное разделение труда, развитие ремесленного производства и обмена, концентрация ремесла и торговли в отдельных населенных пунктах, которые в конце концов и перерастают в города.

Решающей предпосылкой в процессе образования городов было отделение ремесла от сельского хозяйства. Большое значение в освещении этого процесса имело, в частности, капитальное исследование Б. А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси», в котором установлена дата начала отделения ремесла от земледелия — рубеж новой эры.

Правильная теоретическая постановка вопроса о социально-экономической сущности древнерусских городов дала возможность советским историкам верно осветить и пути их возникновения (труды Б. Д. Грекова, С. В. Юшкова, М. Н. Тихомирова, Н. Н. Воронина и др.). Это дает хорошую отправную точку для исследования начальной истории отдельных городов, которое, однако, сейчас только начинается.

Так и решение проблемы возникновения Киева также приходится искать в сфере социально-экономического развития. Залогом успеха должно быть внимательное изучение тех источников, которые могут пролить на нее свет. Прежде всего следует подчеркнуть достижения советской археологии. Систематические раскопки, проводившиеся на территории Киева в советское время под руководством С. С. Гамченко, В. Г. Ляскоронского, С. Магуры, Т. Н. Мовчановского, М. К. Каргера, В. А. Богусевича, В. К. Гончарова и др. (недавно подытоженные в двухтомной монографии М. К. Каргера «Древний Киев»), представили новый важный материал, давший возможность совсем по-новому подойти к пониманию начала истории нашего города. Особенно большое значение имело обнаружение древнейшего киевского городища, построенного в начале второй половины I тысячелетия н. э., а также выявление дофеодальных слоев в нескольких пунктах старого города.

Это дало возможность вполне точно выделить в летописной легенде о Кие, Щеке и Хориве реальное историческое ядро и тем самым подтвердить правильность высказанной еще во второй половине XIX в. мысли, что созданию города Киева действительно предшествовало существование целого гнезда более древних поселений. Вместе с тем стало ясным, что летописная легенда представляет упоминание о вполне реальном событии: создании древнейшего Киевского городища-замка.

Эта точка зрения, сформулированная украинскими археологами (Т. Н. Мовчановский, И. О. Иванцов), получила широкое признание в литературе, причем не только в археологической (М. К. Каргер, Н. Н. Воронин и др.), но и исторической (Б. Д. Греков, В. В. Мавродин и др.). В последнее время ряд важных работ, посвященных летописной легенде, опубликовал Б. А. Рыбаков, который, в частности, установил время создания древнейшего киевского городища.

Таким образом, вопрос о возникновении Киева был сдвинут с места, на котором он застрял в начале XIX в., и намечились пути для его решения. Однако задача эта, вполне назревшая и опирающаяся на под-

готовленную всем развитием советской исторической науки почву, до сих пор еще остается неразрешенной, а целый ряд вопросов — пока еще не разработан.

Проблема возникновения Киева имеет несколько аспектов: экономический (возникновение города как центра ремесла и торговли), социальный, политический, культурный, топографическо-градостроительный (развитие городской территории Киева).

Разработка темы о возникновении Киева имеет большое значение и в плане разоблачения тех теорий, которые появляются в современной буржуазной литературе. В работах, издающихся за рубежом, пропагандируются норманистские взгляды (Г. Вернадский, А. Стендер-Петерсен, Т. Арне, Г. Пашкевич и др.), возрождается готская теория, которую особенно поддерживают западногерманские авторы (Э. Штурмс). Много фальсификаторских произведений выходит из-под пера историков буржуазно-националистического толка.

Как показывает практика, все эти теории буржуазной науки разлетаются в прах при объективном научном изучении источников. Следовательно, наилучшим способом критики норманистской, готской и подобных им теорий является по-настоящему научная, методологически правильная разработка тех проблем, которые становятся ареной деятельности современных буржуазных идеологов.

Среди этих проблем находится и проблема возникновения Киева, непосредственно связанная с проблемой ранней истории Руси, перехода древнерусского общества от первобытнообщинного строя к классовому, происхождения древнерусского государства, т. е. именно с теми вопросами, которые наиболее извращаются современной буржуазной историографией.

Между тем до сих пор нет ни одной специальной работы, посвященной вопросу о возникновении Киева и начале его истории. Думаем, что необходимость создания такой книги давно назрела и является актуальной задачей советской историографии.

Глава I

ДРЕВНЕЙШИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Развитие человеческого общества имеет сложный и многоплановый характер: истории каждой страны присущи миграции и переселение отдельных племен и целых народов, в процессе которых конкретные населенные пункты возникают, развиваются и исчезают, а на месте исчезнувших появляются новые. Поэтому нередко возникновению того или иного города или села предшествуют более древние поселения, не имеющие к нему никакого отношения, кроме того, что существовали когда-то на его территории. Историю каждого города нельзя отождествлять с историей его территории.

История Киева может служить иллюстрацией этому. Возникновению города предшествовало большое количество поселений или стоянок, относящихся ко всем эпохам, пережитым обществом в Среднем Приднепровье. Начало заселения территории современного Киева относится к древнему каменному веку (палеолиту), когда человек впервые появляется в этой области.

Кирилловская стоянка

Древнейшими следами человеческой жизни на территории Киева является известная Кирилловская стоянка, исследованная в районе улицы Фрунзе (прежняя Кирилловская) выдающимся украинским археологом В. В. Хвойкой [216; 28]¹. Эта стоянка имела два слоя, древнейший из которых относится к верхнему палеолиту (приблизительно 15—20 тыс. лет тому назад).

Природные условия Среднего Приднепровья в то время коренным образом отличались от современных. Это был конец ледниковой эпохи, когда современный ландшафт только формировался. Суровый континентальный климат создавал нелегкие условия жизни. Сухие степи чередовались с небольшими лесными массивами, которые жались

¹ Цифрами в квадратных скобках обозначены номера в списке цитированной литературы и — там, где нужно — страницы цитированных работ (курсивом).

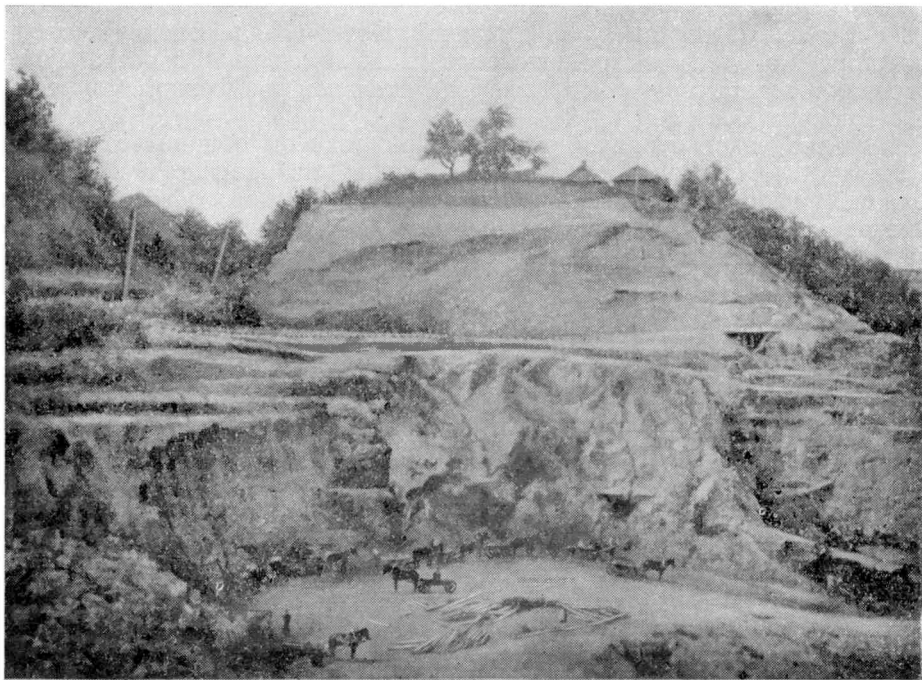

Рис. 1. Кирилловская палеолитическая стоянка в Киеве.

к относительно низменным местам, защищенным от постоянных северных ветров. К потоку будущего Днепра приходили на водопой холодолюбивые животные: мамонт и шерстистый носорог, бизон и северный олень, дикая лошадь и множество мелких животных — заяц, песец, росомаха и т. д.

Вслед за стадами животных двигались первобытные группы палеолитических охотников, которые не знали других видов производства, кроме охоты и собирательства.

Эпоха верхнего палеолита — время завершения процесса возникновения человеческого общества. Для него характерно появление современного физического типа человека (*Homo sapiens*) и завершение формирования первобытнообщинного строя в виде наиболее примитивной родовой организации. Главным звеном общества была экзогамная родовая община, состоявшая из нескольких десятков человек и ведшая общее хозяйство.

Необходимость передвижения за стадами животных обуславливала относительно подвижный образ жизни. Поэтому для эпохи верхнего палеолита характерны временные стоянки, продолжительность существования которых, однако, была значительной, во всяком случае — не сезонной.

Именно такой стоянкой первобытной родовой общины охотников и была Кирилловская стоянка. Жители ее избрали для поселения подножье небольшого мыса правого берега Днепра, обеспечивавшее некоторую защиту от холодных ветров. Остатки очагов свидетельствуют, что жители стоянки хорошо владели огнем. При раскопках было найдено множество древесного угля, а также пережженных костей крупных животных. Очевидно, кости тоже служили топливом.

В процессе раскопок удалось обнаружить остатки примитивных жилищ, построенных из дерева, шкур и больших костей мамонта. В последние годы аналогичные жилища были хорошо исследованы в Добраничевке возле Переяслава-Хмельницкого, в Фастове, в Мезине на Десне [228; 229; 230]. Они, безусловно, имели постоянный характер.

Главным занятием жителей стоянки была охота, доказательством чему служит большое количество костей. При раскопках обнаружены останки не менее 67 мамонтов; кроме того, найдены кости носорога и других животных. Естественно, охота на крупных животных была для палеолитических людей, вооруженных дубиной и камнем, делом нелегким. Приходилось применять коллективные облавы. Животных загоняли на высокие обрывы, падая с которых они разбивались на смерть, или в такие места, где они становились сравнительно легкой добычей: в болота, вязкие места, зимой — в глубокие снежные сугробы.

При раскопках стоянки найдено множество изделий из кремня и кости. Среди этих находок были заготовки, незаконченные изделия, отходы производства и сырье: обработку кремня и кости производили непосредственно на стоянке ее жители. Найдены и готовые изделия — орудия (резцы, скребки и др.), которые применялись для обработки дерева, шкур, разделки туш и т. д.

Особый интерес представляют находки, отражающие идеологические представления палеолитического человека, — древнейшие памятники изобразительного искусства. Верхний палеолит характеризуется развитием первых примитивных религиозных систем — анимизма (обожествление человека предметов окружающего мира), тотемизма (обожествление животных) и магии (вера в возможность влияния на ход событий с помощью определенных действий и обрядов). Это была первая попытка человека объяснить окружающий мир и активно влиять на него.

Среди вещей, найденных на Кирилловской стоянке, есть несколько больших обломков костей с вырезанными на них довольно сложными

рисунками [111; 44; 45]; их содержание понять нелегко, но нет сомнения, что они имеют непосредственное отношение к тем примитивно религиозным представлениям, оформление которых приходится именно на эпоху верхнего палеолита. Эти рисунки представляют важный памятник древнейшего искусства.

Протасов Яр Следы другой палеолитической стоянки были обнаружены в урочище Протасов Яр вблизи Байкового кладбища [77; с. 40; 104; 188; с. 151]. К сожалению, систематических раскопок на этом месте не проводилось.

Урочище Протасов Яр было молодым глубоким оврагом (теперь он засыпан), прорезавшим северо-восточный склон так называемой Батыевой горы — возвышения правого берега реки Лыбедь. Остатки палеолитической эпохи были обнаружены во время строительства железной дороги. Они встретились в самом устье оврага, у подножия Батыевой Горы, на глубине свыше 15 м от современной поверхности. По своему характеру находки подобны кирилловским: здесь также обнаружены остатки очагов в виде тонких прослоек угля и пепла; найдены кости ископаемых животных, кремневые изделия, обломки кремневого сырья. Несмотря на скромный характер этих находок, их достаточно для вывода, что и в этом месте в эпоху верхнего палеолита существовала стоянка первобытных охотников, подобная Кирилловской.

Стоянки эпохи эпипалеолита Следующая эпоха в развитии человеческой общности называется эпипалеолитической (XV—XII тысячелетия до н. э.). Это период, переходной от палеолита к новому каменному веку (неолиту).

В это время в Среднем Приднепровье устанавливается ландшафт, близкий к современному. Климат того времени напоминал климатические условия современной лесостепной полосы. Одновременно формируется рельеф; появляется первая терраса Днепра. Степные просторы постепенно отступают перед лесными массивами. Вместе с этим исчезают холодолюбивые животные — мамонт, носорог, северный олень; вместо них появляются типичные представители современной фауны лесостепной Европы: медведь, волк, благородный олень, заяц, лисица и др.

В связи с изменениями в ландшафте меняется и характер основной деятельности первобытного человека. Вместо коллективных форм охоты на крупных стадных животных типа мамонта или носорога развивается индивидуальная охота на мелких нестидных животных, требующая других методов и других орудий. Главным оружием охотника становится лук со стрелами — одно из выдающихся изобретений первобытного человека. Одновременно начинает развиваться рыболовство. В связи с этими изменениями вместо многолюдных и сравнительно длительных стоянок с долговременными жилищами появляются

маленькие кратковременные стойбища с небольшими легкими сооружениями.

Характерным примером стоянки времени эпипалеолита можно считать верхний горизонт Кирилловской стоянки [216]. Площадь стоянки небольшая: в длину не более 30 м. Никаких следов долговременных жилищ тут не обнаружено: характерным типом сооружений были временные шалаши, наиболее соответствовавшие полукочевому быту эпипалеолитических охотников [72, с. 612]. Состав фаунистических остатков, обнаруженных на стоянке, заметно отличается от остеологического материала нижнего горизонта. Тут встречены кости волка, медведя (?), гиены, а также льва.

Заметно изменился и характер кремневого инвентаря [28]. Найдено много отходов производства; среди вещей попадались правильной формы пластинки, скребки, резцы пластинки с затупленным краем и т. п. Преобладающее большинство орудий имеет небольшие размеры и приближается к так называемым микролитам, представляющим наиболее характерный признак инвентаря эпипалеолитической эпохи. Попадались и настоящие микролиты — орудия вкладышевого типа, применявшиеся как детали (вкладыши) для деревянных или костяных оправ больших сложных орудий.

На северной окраине современного города, вблизи Днепровской водопроводной станции (ДВС), обнаружена стоянка позднеэпипалеолитической эпохи (так называемая свидерско-тарденуазская стадия) [195; 196]. Она была расположена на краю высокого (более 20 м) правого берега Днепра. Культурные остатки были обнаружены на выдуве площадью около 100 м², в центре которой находился небольшой очаг. Вокруг очага концентрировалась основная масса находок, состоявшая из кремневых орудий, кусков кремня со следами обработки, обыкновенных обломков необработанного кремня, кальцинированных костей, а также пережженных кусков гранита. Среди кремневых изделий, найденных на стоянке, очень интересны два наконечника стрел, свидетельствующие о применении жителями стоянки лука.

Еще одна стоянка эпипалеолитической эпохи обнаружена на противоположной, южной окраине Киева, около бывшего села Чапаевка, в урочище Перетичок [195]. Она занимала часть песчаных дюн в пойме р. Вита, окруженных заболоченной равниной. Это также был временный лагерь первобытных охотников и рыболовов, носивший, по всей вероятности, сезонный характер.

Начало неолитической эпохи совпадает с окончательным завершением формирования современного ландшафта Среднего Приднепровья. В области социально-экономического развития общества это была эпоха наивысшего подъема родового строя. Род представляет собою органи-

**Неолитические
стоянки**

зацию кровных родственников, которым не разрешается вступать в брачные отношения и которые ведут общее хозяйство, основанное на коллективной собственности всего рода на орудия и средства производства и на его продукцию. Род — универсальная общественная организация, в масштабах которой развивалась вся общественная жизнь — и трудовая деятельность, и потребление, и духовная жизнь, и проблема отношений с другими аналогичными общественными организациями и т. д. Родословная велась по материнской линии, а во главе рода стоял избранный вождь, большей частью кто-то из ближайших родственников старшей женщины — родоначальницы. Экзогамность рода требовала постоянного общения нескольких родов, связанных между собой родственными отношениями; соседние роды объединялись в фратрии, а фратрии — в племена, иногда достигавшие значительных размеров.

Племя — это наивысшая форма общественной организации первобытнообщинного строя в его развитом виде. Образование союзов племен знаменует уже начало его распада.

Хозяйственное развитие в эпоху неолита отмечается некоторыми важными достижениями. Изобретение топора сделало возможным строительство лодок и тем самым освоение водной стихии (рек и озер). В связи с этим рыболовство выдвигается как очень важная (иногда — важнейшая) отрасль хозяйства; особенного развития достигают формы массового лова рыбы при помощи сетей. Одновременно человек начинает приручать животных и выращивать некоторые полезные растения.

Конец неолитической эпохи отмечен настоящей революцией в области экономики — переходом от присваивающих к воспроизводящим формам производства: от охоты, рыболовства, собирательства, в процессе которых человек только брал у природы то, что последняя давала ему в более или менее готовом виде, к скотоводству и земледелию, представлявшим уже активное вмешательство человеческого труда в воспроизводящие процессы природы.

Поселения раннеолитической эпохи по своему типу еще очень похожи на эпипалеолитические стоянки. Это были временные стойбища охотников и рыболовов. В результате развития рыболовства связь неолитических стоянок с рекой становится более непосредственной: преобладающая часть их располагается в поймах или на первых надпойменных террасах речных долин, на песчаных дюнах около самой воды. Такие стоянки известны по всей долине Днепра, в том числе на территории современного Киева: в районе Совок, на Соломенке, на Лысой Горе, в Пирогово, возле Чапаевки, в районе Оболони, на Приорке, на Никольской Слободке, в Вигуровщине и т. д. [11; 17; 60; 177; 196; 197; 220].

Характерным примером неолитических стоянок могут быть три стоянки в районе Никольской Слободки, расположенные на песчаных дюнах низкого левого берега Днепра [605; 177].

Здесь обнаружено несколько ям и очагов, часть которых относится к неолитической эпохе, а часть к поздним периодам (энеолит, эпоха бронзы и раннего железа, раннеславянская эпоха). Найденный во время раскопок вещественный материал неолитического времени состоит из кремневых изделий (скребки, пластинки, острия, наконечники стрел, нуклеусы, отжимники и т. д.), еще очень напоминающих эпипалеолитические формы, и обломков глиняных сосудов — древнейших в Среднем Приднепровье. Последние отличаются необычайной примитивностью. В большинстве случаев это обломки простых по форме горшкообразных сосудов с плоским дном, а также остродонных сосудов, изготовленных из грубообработанной глины с растительными примесями. Иногда в верхней части сосуда в процессе формирования применялись растительные бечевки, которые должны были стягивать сосуды и не давать им разваливаться. Обжигались сосуды просто на костре и довольно плохо. Все это свидетельствует о весьма несовершенной технике гончарного производства, которое в то время только-только зарождалось. Орнамент представляет собой оттиски штампов, прочерченные и проглаженные черточки и линии, которые образовывали разные, иногда довольно сложные композиции.

Интересной стоянкой является неолитическая стоянка возле бывшего села Чапаевки [196], расположенная на песчаной террасе при впадении р. Виты в Днепр. Здесь было обнаружено жилище в виде полуземлянки, имевшее углубленную в землю часть прямоугольной формы с округлыми углами. Размеры углубленной части составляли до 3 м длины и 2—2,5 м ширины; глубина ее не превышала 0,4 м. В центре находился очаг, который обогревал жилище и служил для приготовления пищи. В заполнении жилища и вокруг него найдены обломки неолитической посуды, кремневые орудия и отходы производства кремневых вещей, а также довольно редкая для эпохи неолита вещь — глиняное прясло, что свидетельствует о возникновении ткацкого производства. Последнее дало возможность человеку заменить шкуры животных, бывшие до того единственным материалом для изготовления одежды, тканями.

Уникальную находку представляет собой черепок, в глине которого обнаружен отпечаток зерна культурного ячменя [198]. Этот ячмень, который, вероятно, выращивался жителями стоянки, является древнейшим свидетельством хлеборобства у неолитического населения Восточной Европы еще в IV—III тысячелетии до н. э. Следовательно, стоянка около Чапаевки имеет, по сравнению с другими стоянками неолитической эпохи, некоторые специфические черты, указывающие на опре-

деленные сдвиги в развитии среднеднепровских неолитических племен. Жители этой стоянки, начавшие переходить к земледелию, строили постоянные жилища. Полукочевому охотничьему быту приходил конец: земледельческое производство требовало оседлости. Следовательно, это уже не стоянка, а поселение в собственном смысле слова — одно из древнейших в Среднем Приднепровье.

Пещеры

Начало перехода среднеднепровских племен к оседлому образу жизни приводит к заселению пещер и превращению последних в более или менее постоянные жилища.

Освоение пещер под жилища известно с очень древних времен и было распространено уже в эпоху среднего палеолита. Но такие жилища встречаются главным образом в районах с горным ландшафтом, где существовали естественные пещеры. На территории УССР пещеры, заселенные палеолитическим человеком, в частности, известны в Крыму.

Заселение пещер в районе Киева относится к более позднему времени, не ранее поздненеолитической эпохи. Эти пещеры являются характерной чертой Киевского культурно-исторического ландшафта и известны на большой площади от Курневки и Приорки на севере до Лысой горы и еще дальше на юг [5; 7].

В некоторых пещерах проведены археологические раскопки. В частности, исследованию были подвергнуты пещеры, выкопанные в так называемых Кирилловских высотах, над Смородинским спуском. В них были обнаружены следы продолжительного заселения: остатки каменных очагов, обломки глиняной посуды поздненеолитической эпохи, кремневые ножи, наконечники копий, каменные молотки, обломок каменной «пилы», кости животных, частично расколотые, кости рыб, речные ракушки и т. д. [5, с. 248—250].

Аналогичные пещеры известны во многих районах современного Киева: в районе Печерска, на Зверинце, на Лысой горе и т. д. Известны они за пределами города — как вверх, так и вниз по Днепру. Не все эти пещеры существовали с эпохи неолита, многие из них возникли значительно позже, но в некоторых были обнаружены и остатки жизни очень древних эпох. Такие находки, например, обнаружены в пещере, расположенной вблизи бывшего Цепного моста и обследованной проф. Иванишевым [11, с. 31], а также в некоторых лаврских пещерах.

Конеч неолитической эпохи был озаменован обозначением так называемой трипольской культуры, представляющей собой блестящую страницу в культурно-историческом развитии Среднего Приднепровья.

Эпоха трипольской культуры носит название энеолитической (медно-каменной) и представляет собой переходной период от каменного века к бронзовому. В это время впервые металл — медь — становится

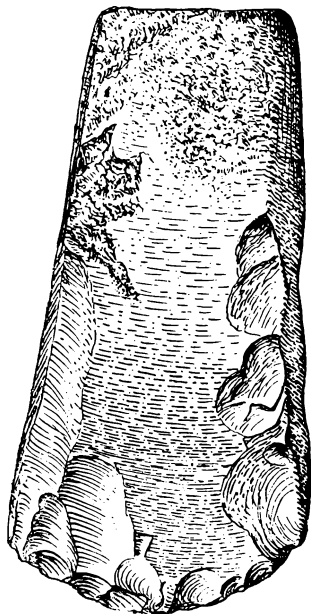

Рис. 2. Шлифованный каменный топор с Замковой горы.

товый характер (статуэтки человека или животных). Хозяйство трипольских племен имело земледельческо-скотоводческую основу. Им были известны просо, ячмень, пшеница; разводились все основные виды домашних животных: крупный и мелкий рогатый скот, свинья, лошадь, а также пернатые и ручные животные — собака. Развивалось ткацкое и гончарное производство, домостроительство. Главным сырьем для изготовления орудий труда оставался камень, а также дерево, кость и рог.

Впервые поселения трипольской культуры были открыты В. В. Хвойкой на территории Киева [216], хотя название свое культура получила от местечка Триполье на Киевщине, в районе которого были исследованы наиболее характерные ее памятники.

На поселении, расположенном над усадьбой № 81 по улице Фрунзе, принадлежавшей

известным человеку, но он еще не применяется как материал для изготовления орудий труда, а используется лишь для украшений и для некоторых сакральных вещей (жертвенные ножи и др.). Поэтому трипольский период еще нельзя относить к эпохе бронзы.

В области социально-экономического развития трипольская культура характеризуется окончательным переходом к воспроизводящим формам хозяйства: земледелию и скотоводству. Вместе с тем трипольские племена переходят к вполне оседлому образу жизни; временные стойбища заменяются большими постоянными поселениями, существовавшими на протяжении жизни многих поколений. Эпоха трипольской культуры — конец подъема и начало разложения родового общества.

С культурной точки зрения трипольские племена достигли высокого развития. Поражает, в частности, техническое и художественное совершенство трипольских сосудов, в ос-

м д л д у
 красками или украшенных разнообразными видами прорезанного и рельефного орнамента. Большое распространение приобрела глиняная скульптура, имевшая, безусловно, куль-

Рис. 3. Сосуд трипольской культуры с монохромной росписью.

известному украинскому художнику С. И. Свитославскому, было раскопано 12 полуземлянок. Они имели опущенную в землю часть глубиной до 0,4 м, длиной 3—5 м и шириной около 2—2,4 м. Наземной частью жилища были стены на деревянном каркасе, плетенные из хвороста и обмазанные глиной. Перекрытием, вероятно, служила крыша, покрытая насыпной землей или обложенная дерном. В жилищах находились ямы, к которым вела лестница с несколькими ступенями, а внутри ямы — глиняная печь с полукруглым сводом и дымоходом или очаг. Иногда стены обмазывались глиной и обжигались. Раскопками обнаружены и двойные жилища, состоявшие из двух подобных углублений, соединенных переходом шириной до 0,7 м и перекрытых одной крышей.

Вещественный материал состоял из керамики, орнаментированной отпечатками штампов или шнура, либо расписанной в один цвет; орудий производства (кремневые скребки, ножевидные пластинки, проколки, каменные топоры с шлифованным лезвием, роговые мотыги, костяные проколки, глиняные прясла). Интересной находкой является литейная формочка для изготовления плоских медных топориков; она свидетельствует о том, что, по крайней мере, некоторые медные вещи изготовлялись жителями поселения. Из предметов вооружения найдены кремневые наконечники для стрел.

Памятником идеологических представлений трипольского времени являются типичные глиняные статуэтки, встречающиеся при раскопках каждого поселения трипольской культуры и представляющие собой предметы культа, а вместе с тем и памятники древнейшего изобразительного искусства. В большинстве своем они изображают женские фигурки и, очевидно, связаны с образом богини матери — прародительницы, источника всего живого.

Большое количество костей домашних животных свидетельствует о развитии скотоводства.

Второе поселение поздне трипольского времени было расположено недалеко от описанного выше, на горе Юрковице [16]. Здесь были обнаружены углубления (очевидно, от жилища) и ямы, заполненные ракушками, костями животных и обломками битых сосудов трипольского типа, а также остатки глиняной обмазки от очагов или печей. Типичное поздне трипольское поселение было обнаружено и частично исследовано на Сырце [74].

Поселения трипольской культуры на территории Киева обнаружены еще во многих местах: на Андреевской или Старокиевской горе (ныне территория Исторического музея); в районе улицы Б. Подвальной, возле Окружного Дома офицеров, в Корчеватом, Пирогово, в районе Чапаевки и др. [178; 220; 110]. Таким образом, территория современного Киева уже в эпоху трипольской культуры была заселена довольно густо.

**Могильники
софиевского типа** Хуже обстоит дело с исследованием могильников трипольской культуры, которые и теперь почти неизвестны исследователям.

Зато в Среднем Приднепровье, на окраине Киева, обнаружено несколько массовых могильников типа переходных от трипольской культуры к культуре эпохи бронзы. Один из таких могильников исследован на южной окраине левобережной части Киева — в хут. Красном [63].

Этот могильник расположен на надпойменной террасе левого берега Днепра, занимая большую песчаную дюну длиной 75 м и шириной около 50 м. Раскопками обнаружено 195 погребений с обрядом трупосожжения, причем остатки сожженного находились либо в урне, либо просто в земляной ямке. Количество урновых и безурновых погребений почти равное (101 урновое погребение и 94 — без урн). Часть погребений сопровождалась вещевым инвентарем, состоявшим из керамики, орудий труда, украшений и предметов вооружения.

Керамика представлена в основном сосудами банкообразной или горшкообразной формы разных размеров. Некоторые из них пропорционально приближаются к кувшинам без ручки или крышкам. Кроме того, попадаются широкогорлые амфоры, ковшки с одной ручкой, миниатюрные сосуды с крышкой и т. п.

Сосуды орнаментированы отпечатками веревочки, наколами, а чаще всего — рельефными шишечками или ушками. Следы росписи краской обнаружены лишь в одном случае. Керамика Краснохуторского могильника многими чертами напоминает позднетрипольскую, хотя в общем представляет уже новый, более поздний тип. При погребениях найдено много кремневых изделий: ножевидные пластины, зачастую ретушированные; пластинчатые кинжалы; наконечники стрел; скребки; топорики с полированным лезвием и т. д. Обнаружены также шлифованные топорики проушного типа, изготовленные из кристаллических пород камня (гнейс, кристаллический сланец и т. п.).

Интересны изделия из меди: четырехгранное шило, пластинчатые браслеты, бусы-пронизи, изготовленные из спирально закрученных узеньких пластинок, трубочки-пронизи, скрученные из широкой пластинки, несколько медных кинжалов, имевшие, вероятно, ритуальное значение, а также два наконечника дротиков. Прочие предметы очень немногочисленны: костяная проколка, несколько янтарных бусинок.

Сохранность погребений дала возможность установить план раскопанной части могильника. Оказалось, что погребения сосредотачивались на небольшой площади около 100 м².

Аналогии Краснохуторскому могильнику известны как на юг от Киева (с. Софиевка Бориспольского района), так и на север (Чернин Вышедубечанского района) [75; 76; 181; 90]. По имени с. Софиевки

культурный тип, представленный в этих могильниках, назван софиевским.

Наличие в погребениях, к тому же в большом количестве, разнообразного оружия является очень важным показателем общественного развития позднетрипольских племен. Эти находки являются древнейшим на наших землях свидетельством военной деятельности местного населения. До сих пор наконечники стрел или дротиков представляли вооружение охотников. Но кинжалы и особенно боевые топоры Краснохуторского могильника были принадлежностью воина. Развитие земледелия и скотоводства, начало медной металлургии приводило к накоплению в руках отдельных родов или общин богатств в виде продуктов сельскохозяйственного производства, скота, металла, которые нужно было охранять. Война ради обогащения путем захвата чужого имущества становится явлением обычным. Особенно характерной она была в следующую эпоху — эпоху бронзы.

Поселения эпохи бронзы

Начало эпохи бронзы в Среднем Приднепровьи относится к рубежу III и II тысячелетия до н. э. В это время общество переходит на новый этап исторического развития, который Ф. Энгельс называл средней ступенью варварства [71, с. 21—22].

В это время происходит первое крупное общественное разделение труда: скотоводческие племена отделяются от земледельческих. Вместе с тем они переходят к кочевому образу жизни, что было продиктовано интересами основной отрасли их производства. Металл — бронза — становится распространенным материалом для изготовления орудий труда и вооружения, хотя и на этом этапе не полностью вытесняет камень. Залежи меди и олова имеются далеко не всюду. Древнейшими очагами палеометаллургии выступают Малая Азия, Эгеида (островная Греция), Прикарпатье, Кавказ. Отсюда металл распространяется на огромных пространствах, стимулируя развитие межплеменной торговли, вызванной началом общественного разделения труда.

Быстрое развитие земледельческого и особенно скотоводческого производства обуславливает накопление богатства в руках отдельных родов и племен. Стремление, с одной стороны, сберечь свои собственные богатства, а с другой — овладеть чужими приводит к тому, что война становится обычным повседневным явлением, превращаясь в источник приобретения материальных благ. Именно в этот период формируется тип пастуха-воина, столь характерный для «варварской» эпохи.

Основой общественной организации становится отцовский род, что также является результатом развития земледельческо-скотоводческого производства и накопления богатства. Основное богатство этой эпохи — скот — принадлежал мужчине, и он стремился передать его в наследство своим сыновьям. Для этого нужно было, чтобы муж не переходил

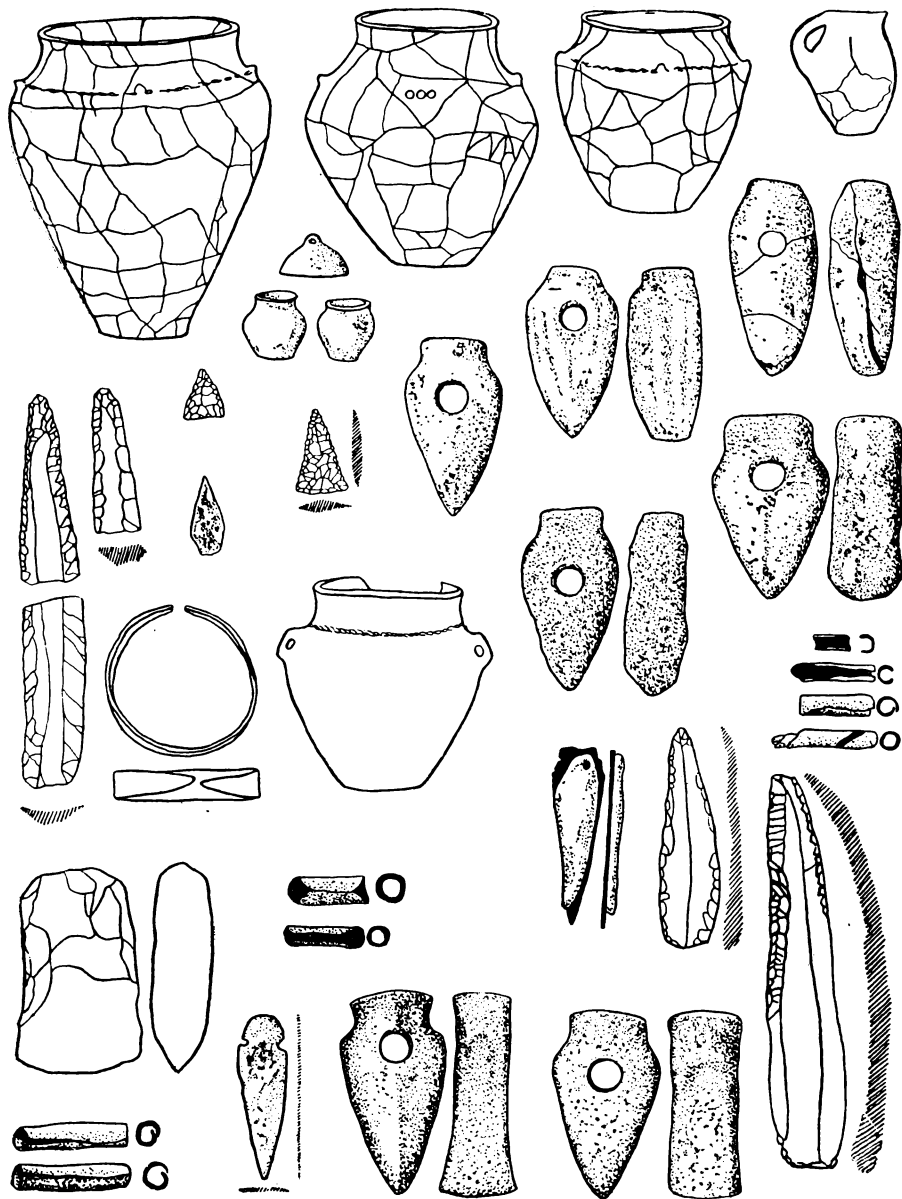

Рис. 4. Предметы из Краснохуторского могильника.

в род жены, а оставался в своем. Так свершилась замена материнского рода патриархальным — событие, которое Ф. Энгельс назвал «всемирно-историческим поражением женского пола» [71, с. 51].

Эпоха бронзы на территории Среднего Приднепровья хронологически совпадает с временными изменениями в климатическом режиме страны в сторону увеличения засушливости (так называемый суббореальный, или ксеротермический климат). В связи с этим происходят изменения в характере ландшафта: лесная растительность отступает на север, в районе Киева преобладает степной ландшафт. находка на одном из киевских поселений костей сайги — типичного степного животного — подтверждает это довольно очевидно. Земледелие в Среднем Приднепровье в это время было возможно лишь вдоль рек, в долинах которых сохраняется растительность — роши и остатки лесных массивов.

Район Киева был одним из тех районов, где и в это время существовала оседлая жизнь. Остатки поселений II и первой половины I тысячелетия до н. э. обнаружены на территории современного Киева во многих местах. Большинство из них жалось к воде, что было вызвано засушливым климатом. Весь низкий берег Днепра от Староселья до Красного хутора был занят сплошной цепью поселений эпохи бронзы, расположенных на песчаных дюнах и террасах берега реки. Одним из них является поселение у Никольской Слободки, обнаруженное на берегу Русановского пролива Днепра, вблизи пристани². Здесь попадаются обломки сосудов, характерных для эпохи бронзы, украшенных орнаментом в виде оттисков веревочки, геометрических узоров, образованных черточками и насечкой, пальцевых защипов и пр. Керамика и др. предметы (глиняные прясла, грузила) попадают непосредственно на пляже пролива, куда они вымываются из обрыва первой надпойменной террасы.

Аналогичные поселения обнаружены и в других местах левого берега, а также на Трухановом острове [88, с. 28].

На высоких кручах правого берега Днепра в пределах Киева поселения эпохи бронзы известны в нескольких пунктах. Одним из них является Замковая гора (иначе — Киселевка), где обнаружен культурный слой эпохи бронзы толщиной около 0,4 м [160, с. 149]. Вещевой материал поселения состоял из керамики двух типов. Первый из них представлен обломками сосудов, украшенных врезанными или прочерченными линиями, узорами из отпечатков штампов; второй — обломками сосудов, украшенных рельефными полосами, которые в свою очередь образуют разные композиции. Иногда рельефный орнамент сочетается с орнаментом в виде пальцевых защипов (вмятин). Можно

² Разведка автора (неопубл.).

отметить небольшой сосуд банкообразной формы, украшенный оттисками в виде полумесяца, нанесенными зазубренной черепашкой Upio. Кроме керамики, найдены два каменных шарика (очевидно, песты к зернотеркам) и много костей животных. Поселения на Замковой горе относятся к среднему периоду бронзы (так называемая катакомбная культура).

Аналогичные поселения существовали в Киеве еще в нескольких местах, но исследования их еще не производились.

Отметим также находки отдельных предметов эпохи бронзы, которые являются интересным добавлением к материалу поселений. Так, на Подоле были найдены два бронзовых браслета, на Старокиевской горе — бронзовый втульчатый топор (кельт) и пр. [88, с. 28]. На горе над Крещатиком, напротив ул. Ленина, при случайных обстоятельствах найден характерный топорик из пиррофиллитового сланца с просверленным отверстием для рукоятки³. Такие топорики были предметом вооружения и символом власти.

Начало железного века

Где-то около VIII—VII вв. до н. э. племена Среднего Приднепровья впервые познакомились с железом, а в VII—VI вв. оно входит в быт довольно основательно. В это время вновь устанавливается влажный (так называемый субатлантический) климат, сохранившийся до настоящего времени. Одновременно в Среднее Приднепровье возвращается присущий ему лесостепной ландшафт, столь удобный для земледелия.

Овладение железом — этим наиболее совершенным материалом для изготовления орудий и оружия — произвело целую революцию в производстве. Началась эпоха, которую Ф. Энгельс назвал эпохой железного плуга, железного топора и меча [71, с. 149].

Развитие производства в эту эпоху определяется началом пашенного земледелия, пришедшего на смену мотыжному и подсечному. Сначала применяется деревянная соха, и лишь где-то около IV—II вв. до н. э. в лесостепной полосе Восточной Европы появляется рало с железным наконечником. Переход к пашенному земледелию резко увеличил производительность труда, что влекло за собой ускорение социальной дифференциации общества, быстрое накопление богатств, начало эксплуатации человека человеком в наиболее примитивной форме патриархального рабства, и как результат — распад родовой организации, переход к территориальной общине и начало разделения общества на богатых и бедных.

Начальная пора железного века представлена в Среднем Приднепровье памятниками так называемого чернолеского типа (от названия «Черный Лес» в нынешней Кировоградской обл.), датированных VIII—

³ Хранится в музее истории Киева.

VII вв. до н. э. На территории Киева следы поселений данного типа обнаружены в двух местах.

Городище в Хотове датируется находкой скифского бронзового наконечника стрелы, характерного для VI в. до н. э.

Остатки городища чернолеской эпохи открыты на территории больницы им. Павлова (бывш. Кирилловские богоугодные заведения), на ул. Фрунзе. Как выяснилось, древнерусское городище (к которому относится и сохранившаяся до наших дней Кирилловская церковь XII в.) возникло на месте более древнего городища начала раннежелезного века. В 1959 г. здесь при земляных работах были обнаружены следы жилищ полужемляночного типа; найдены обломки характерной керамики чернолеского типа, а также — фрагменты каменных зернотерок. Культурный слой, в частности, был обнаружен и под фундаментами Кирилловской церкви⁴.

Другое поселение чернолеского времени располагалось на территории нынешнего старого Байкового кладбища. Следы его являются обломки керамики, найденные при копке могил⁵.

Эпоха развитого раннего железа в Среднем Приднепровье называется скифской. В это время племена нашей страны впервые упоминаются в письменных источниках. Греческие писатели V—IV вв. до н. э. нашу родину называли Скифией, а ее население — скифами, независимо от происхождения и этнической принадлежности. Среди них были собственно скифские племена — скотоводы иранского происхождения, пришедшие в Северное Причерноморье с юго-востока.

Но были здесь и местные племена, преимущественно земледельческие, не имеющие к скифам, с этнической точки зрения, никакого отношения. В Среднем Приднепровье, по сообщению Геродота [Herod., IV, 17, 21], жили племена скифов-пахарей, а также (возможно) невра и будинов. Существует мнение о славянской принадлежности этих племен [199, 200].

Археологическими памятниками этих племен являются крупные городища, открытые поселения и курганные могильники, густо разбросанные по всей лесостепной полосе. Два «скифских» городища, в частности, расположены на южной окраине Киева.

Одно из них находится в пределах современной городской черты — между Феофанией и бывшим селом Хотовым [110, 153]. Оно расположено на участке невысокого плато, возвышающегося над долиной р. Вита, с одной стороны очерченного склонами долины, а с двух — склонами боковых оврагов. С напольной стороны городище защищено валом и рвом, а при въезде — курганоподобными насыпями, которые,

⁴ Сообщение В. Д. Дяденко, которому приношу искреннюю благодарность.

⁵ Сообщение В. Д. Дяденко.

очевидно, были фундаментами деревянных башен. То, что жителям поселений, подобных Хотовскому городищу, приходилось укреплять места своего обитания, свидетельствует не только о постоянной военной опасности, но и о наличии определенной общественной организации, способной обеспечить осуществление больших и сложных работ по строительству фортификаций.

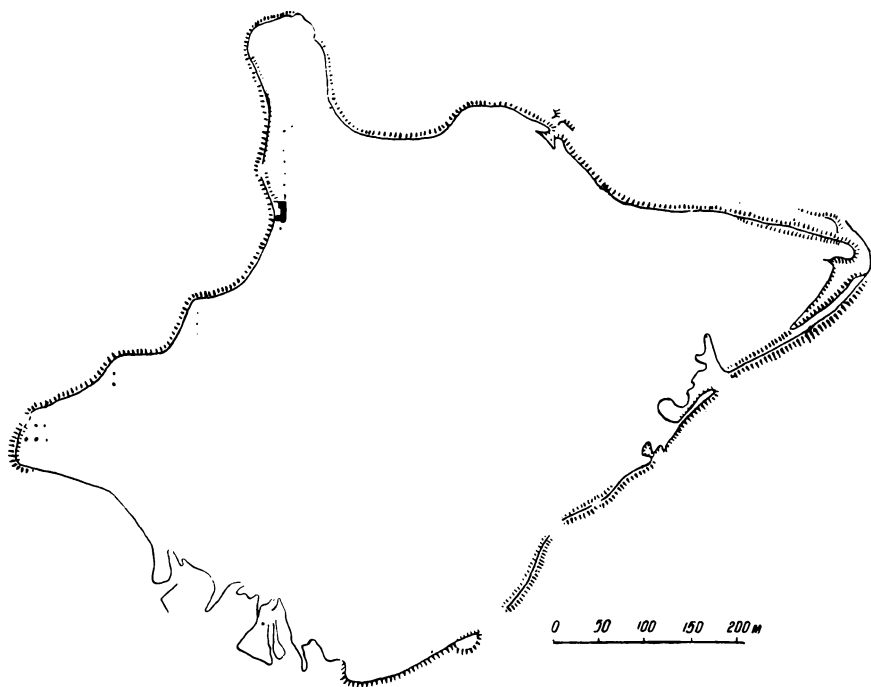

Рис. 5. План Хотовского городища.

Раскопками Хотовского городища обнаружены остатки наземных жилищ — развалы обожженной глины от стен (некоторые куски имеют отпечатки деревянных конструкций каркаса) и глинобитных печей. Вещественный материал представляют обломки глиняных сосудов, главным образом — фрагменты лепных сосудов банкообразной формы, украшенных лепными валиками с защипами, проколами, защипами по краю венчика. Попадались также и обломки лощеных мисок с загнутыми внутрь краями, характерных, скифского типа, черпаков с ручками, больших сосудов с конической верхней частью. Найдено много костей животных как домашних (крупный и мелкий рогатый скот, лошадь,

свинья, собака), так и диких (олень, лось, дикая свинья, заяц), свидетельствующих о развитии скотоводства и охоты. Обломки сосудов греческого происхождения являются свидетельством торговых сношений жителей городища с античными городами Причерноморья.

Но вместе с тем среди материала, полученного раскопками, попались предметы (керамика), характерные и для более позднего времени — IV—III вв. до н. э. Таким образом, городище существовало зна-

...рез к време...е...
 средственно подходит к периоду зарубинецкой культуры, памятники которой будут темой следующей главы.

Возможно, с Хотовским городищем связана находка коринфской монеты V в. до н. э. близ Феофании [203, с. 20].

Точное место этой находки неизвестно, можно предполагать даже, что она происходит непосредственно с территории городища. Но если эта монета встретилась и за чертой укрепления, все равно она, надо полагать, попала в землю не без участия жителей нашего поселения (в V в. до н. э. оно, во всяком случае, существовало). Эта монета является важным памятником торговли местных племен Киевщины с античным миром 2,5 тыс. лет тому назад.

Вторым городищем скифского периода, расположенным в районе Киева, является Ходосовское городище. Оно также находится на южной окраине города, близ с. Ходосовка, и относится к типу так называемых больших скифских городищ [110, с. 46—47].

Наряду с памятниками типа Хотовского и Ходосовского городищ в Среднем Приднепровье в период эпохи раннего железа существовали неукрепленные поселения, носящие название поселений подгорцевского типа [62] — по имени с. Подгорцы, южнее Киева, где впервые обнаружен подобный материал.

Следы таких поселений известны и на территории современного Киева. В частности, несколько подобных поселков, расположенных на песчаных выдувах низкого левого берега Днепра, обнаружены близ хут. Красного на юго-восточной окраине города [61]. Характерная керамика подгорцевского типа в небольшом количестве встретилась на Замковой горе, хотя ни конкретных сооружений, ни хорошо выраженного культурного слоя здесь обнаружить не удалось [226, с. 101]. Особенно следует отметить глиняный светильник античного производства, найденный на этой горе [88, с. 29]. Он представляет собой низенькую

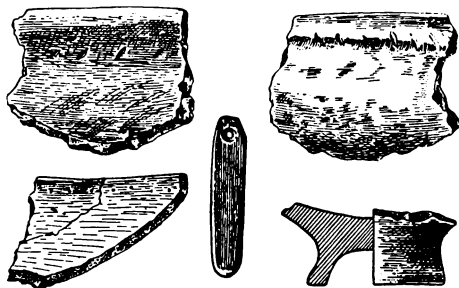

Рис. 6. Предметы с Хотовского городища.

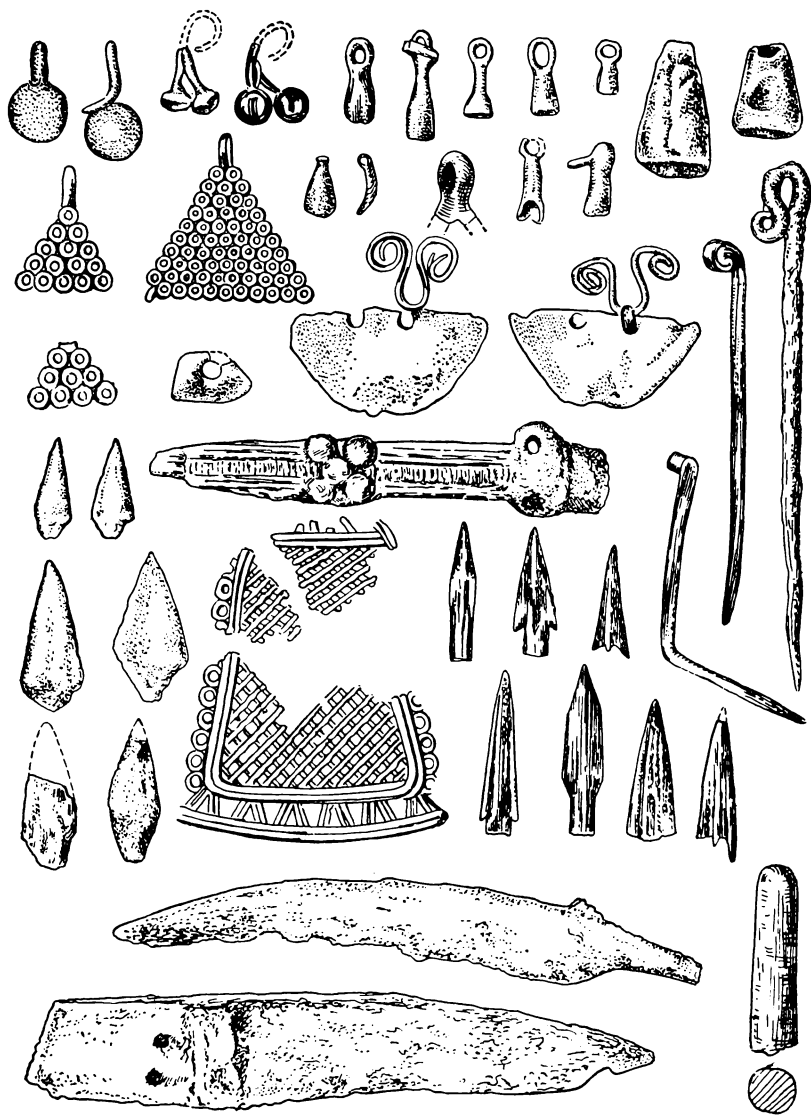

Рис. 7. Предметы подгорцевского типа.

плоско-сферическую плошку с одним рожком для фитиля и горизонтальной ручкой дугообразной формы. Дата этого светильника — V—IV вв. до н. э. Он также является свидетельством торговых сношений населения территории Киева с греческими колониями во второй половине I тысячелетия до н. э.

Керамика скифского типа была найдена также на Кирилловских высотах, в усадьбе художника Свитославского [176, с. 155]. Остатки этой же эпохи отмечены на Кристеровой горке, тоже в районе Куреневки [103, с. 58]. Возможно, к той же эпохе относились урны, найденные близ Иорданской церкви на Куреневке и на левом берегу Днепра возле Никольской Слободки [187, с. 307—308].

Необходимо также отметить значительное количество случайных находок отдельных вещей эпохи раннего железного века, зафиксированных в разных районах Киева. Особенно часто встречались бронзовые трехгранные наконечники стрел — одна из характернейших примет скифской культуры. Находки отдельных предметов скифского времени известны на Старокиевской горе, близ Софиевского собора, на Приорке, в Киево-Печерской Лавре, на Лысой горе и т. д. [88, с. 30]. В необозначенном ближе месте найдена медная булавка скифского типа [139, с. 198]. Эти находки могут быть серьезным дополнением к имеющимся данным о заселении территории современного Киева в раннежелезную эпоху.

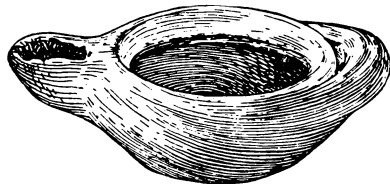

Рис. 8. Античный светильник с Замковой горы.

Рассмотренные древние памятники на территории современного Киева, охватывающие время от палеолита до III в. до н. э., свидетельствуют о заселении этой территории на протяжении всего означенного времени. Нет сколько-нибудь значительного периода в истории Среднего Приднепровья, который не был бы так или иначе представлен на территории нашего города.

Следовательно, археология Киева раскрывает перед нами полную картину истории среднеднепровских племен — от первого появления человека в эпоху верхнего палеолита и до времени, когда начинается история славянского Киева — «матери городов русских».

Однако было бы неверно думать, что все рассмотренные памятники отражают последовательную историю самого Киева, т. е. того населенного пункта, который существует сегодня. Они не представляют непрерывной исторической традиции развития; это история не одного и того же поселения, а большого количества поселений, которые на определенном этапе развития прекратили свое существование.

Докиевские поселения

Ни в одном месте не найдено полной совокупности археологических наслоений, отражающих непрерывное существование конкретного поселения (или поселений) от эпохи раннего железа (либо более древней) до средневековья.

Следовательно, рассмотренные выше памятники не только не могут считаться городом Киевом, но и теми поселениями, на базе которых возник город. Они представляют предысторию Киева и их необходимо рассматривать как докиевские. На территории нашего города они предшествовали появлению тех поселений, развитие которых уже может считаться непосредственной частью истории Киева.

Глава II

НАЧАЛО ИСТОРИИ КИЕВА

Эпоха рубежа
новой эры

Рубеж новой эры представляет в истории Киева значительный этап: именно в эту эпоху на территории города появляется ряд поселений, которые можно считать основой его возникновения. Эти поселения тоже не были еще городом, но их история является неотъемлемой частью истории Киева, поэтому их, в отличие от более древних докиевских поселений, условно называем «про-токиевскими».

На рубеже новой эры в Среднем Приднепровье была распространена зарубинецкая культура (по имени с. Зарубинцы Переяслав-Хмельницкого района, где впервые обнаружены ее памятники). Носителями ее были предки земледельческих племен, живших в этой местности в предыдущую, скифскую эпоху. Процесс возникновения зарубинецкой культуры был сложным: ее генетической основой послужили как памятники «скифской» культуры типа Хотовского городища [204], так и памятники подгорцевского типа [62]; кроме того, в ее образовании принимали участие некоторые западные элементы (так называемая по-морская культура) [108].

Основной отраслью производства зарубинецких племен было земледелие, свидетельством которого являются находки сельскохозяйственных орудий (серпов и зернотерок), а также остатков зерна или отпечатков зерен и соломы культурных злаков на глиняной обматке. Второе место в системе хозяйства принадлежало скотоводству, имевшему оседлый характер. Зарубинецкие племена занимались также охотой, рыболовством, собирательством; хорошо знали обработку металла, дерева, кости, камня. В некоторых пунктах были найдены остатки производства (литейные формочки, шлак и пр.). Зарубинецкие племена находились на стадии территориальной общины; именно общинными поселениями были известные нам поселения зарубинецкой культуры. Имущественное неравенство внутри общины было слабо выражено.

Этническая принадлежность зарубинецкой культуры не вызывает сомнений: ее носителями была восточная часть тех славянских племен,

которые в источниках I—II вв. н. э. выступают под именем венедов. Впервые это имя, кажется, упоминается еще в V в. до н. э. Геродотом (в форме «энеты»), впрочем, это упоминание недостоверно. Более ясно высказываются писатели начала новой эры — Плиний, Тацит, Птолемей [Plin. NH, IV, 97; Tac. Germ. 46; Ptol., III, 5, 7], а также некоторые поздние источники [Iord., 34, 119].

Зарубинецкая культура датируется временем от II в. до н. э. до II в. н. э., а в некоторых районах своего распространения (северных) — и более поздним временем. Эта эпоха и может быть определена в качестве венедской.

Во II в. н. э. формируется черняховская культура (от с. Черняхов Кагарлыцкого района, где были исследованы первые памятники культуры). Ее носителями была, очевидно, южная часть славянских племен (от Силезии до Среднего Приднепровья), известная в письменных источниках под именем антов и склавинов. Правда, по поводу этнической принадлежности черняховской культуры существуют разногласия (некоторые исследователи считают, что кроме славян носителями ее могли быть и другие народы: сарматы, фракийцы, готы и т. д.), однако большинство специалистов склонно все же считать ее в основном славянской [124, с. 5—6].

Черняховская культура отличается высоким для своего времени уровнем развития. Археологический материал рисует довольно сложную хозяйственную деятельность черняховских племен: пашенное земледелие, скотоводство, охоту и проч. Важным фактором хозяйственного развития черняховских племен было отделение некоторых видов ремесла от сельского хозяйства: прежде всего добыча и обработка железа, гончарство, ювелирное дело. Развивались также обработка дерева, кости, камня, ткацкое производство и т. п. Широкого размаха достигла торговля, в частности с Римской империей, о чем свидетельствуют многочисленные находки римских монет.

В социально-экономическом отношении развитие черняховских племен поставило их на грань окончательного распада первобытнообщинного строя и образования классового общества. Общественное разделение труда, накопление значительных богатств в руках отдельных представителей общества, усугубление имущественного неравенства и связанное с этим выделение общественной верхушки, наконец, начало эксплуатации человека человеком в форме архаического рабства — все это обуславливало постепенную ликвидацию общинной системы и выдвигало новые формы общественной организации, характерные для классового общества. Антский и склавинский союзы племен во главе с царями (рексами) и вельможами, многих из которых мы знаем по именам, были политическими организациями — зародышами будущего государства.

Черняховская культура на территории Восточной Европы охватывала в основном лесостепную полосу: Среднее Приднепровье, Побужье, Южную Волынь, Приднестровье и Северное Прикарпатье. Генетической основой ее были более древние памятники зарубинецкого, пшеворского и липицкого типа. В Среднем Приднепровье черняховская культура сменила собой культуру зарубинецкую около II—III вв.; памятники, объединяющие черты обеих культур, являются отражением процесса перерастания одной в другую.

Но на территории лесной полосы, в Верхнем Приднепровье, памятники черняховской культуры нам неизвестны: там культурное развитие и в первой половине, и даже в середине первого тысячелетия нашей эры сохраняет зарубинецкие традиции. Район Киева расположен на границе лесной полосы и лесостепи; в культурном отношении он также занимает промежуточное место. С одной стороны, памятников черняховского типа в чистом виде здесь не находим; следовательно, территория современного города не входит в ареал их распространения. Памятники первой половины и середины I тысячелетия н. э., расположенные на территории Киева, сохраняют в основном зарубинецкие традиции, но, вместе с тем, в них ясно выступают и черняховские элементы — обломки характерной гончарной керамики, некоторые типы украшений, попадающиеся рядом с материалом зарубинецкого типа. В этом соединении культурных элементов проявляется местоположение Киева на границе между южной и северной группами славянских племен.

Важнейшим среди протокиевских поселений является поселение на Старокиевской, или Андреевской горе, т. е. на той горе, где в IX—XIII вв. была расположена центральная часть столицы древней Руси. Археологическое исследование этого поселения представляет большие трудности, поскольку территория его, занятая в последующие эпохи интенсивно застроенными городскими кварталами, много раз перекапывалась, а это плохо отразилось на состоянии древних культурных слоев. По сути от последних остались незначительные участки в некоторых местах, случайно оставшиеся неповрежденными.

Впрочем, остатки культурного слоя времени рубежа новой эры и первой половины I тысячелетия н. э. на Старокиевской горе в процессе археологических раскопок встречаются систематически. Этот слой характеризуется типичной зарубинецкой керамикой, в том числе обломками сосудов с темно-лощеной поверхностью. Находки этого рода имели место еще при первых исследованиях, проведенных здесь в 1907—1908 гг. В. В. Хвойкою [215, с. 65]. В 1913—1914 гг. была также найдена керамика зарубинецкого типа [176, с. 153]. Попадались подобные находки и позже, при исследовании этой территории в советское время.

В своей совокупности они, безусловно, свидетельствуют о наличии здесь остатков поселения зарубинецкой культуры.

Старокиевская гора представляет собой выступ плато высокого берега Днепра, ограниченный с востока крутым склоном в сторону Подола, а с севера и частично с запада — к Кожемяцкому яру. Таким образом, площадка Старокиевской горы является естественным городищем, хорошо защищенным с трех сторон.

С поселением на Старокиевской горе связано и кладбище, расположенное здесь же. Несколько погребений, обнаруженных в разное время,

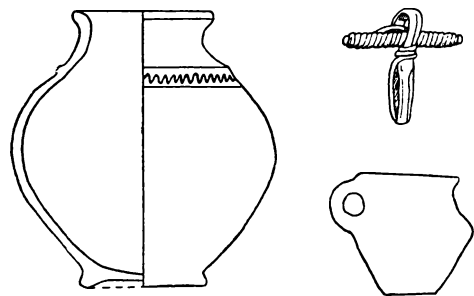

Рис. 9. Находки со Старокиевской горы: сосуд черняховского типа (из погребения), фибула первых столетий новой эры, сосуд зарубинецкой культуры.

п, едставляют остатки некрополя, насчитывавшего вначале, очевидно, значительное количество могил, но сильно пострадавшего от более позднего могильника VIII—X вв., а также от земляных и стон ельных раб..

В 1907—1908 гг. во время раскопок В. В. Хвойки была найдена небольшая кружка зарубинецк т . . . черной . . . ощенной поверхностью (очевидно, погребальная урна). Здесь же было обнаружено второе погребение с трупосождением, сопровождавшееся пятью глиняными сосуда-

ми (в их числе одна урна) [215, с. 65; 176, с. 153—154].

Еще одно погребение было обнаружено в 30-х годах. Скелет лежал в вытянутом положении, головой на запад, в обыкновенной грунтовой яме на глубине более 2-х метров от современной поверхности. При скелете был найден сосуд, изготовленный на гончарном круге (нечто среднее между горшком и вазой), костяной гребешок с выгнутой спинкой, бронзовая фибула — литая, одноштитковая. Это погребение на основании фибулы датируется временем не ранее III—IV вв. Найденный в нем сосуд имеет аналогии в памятниках липицкого типа, распространенных в Приднестровье на рубеже новой эры, и черняховской культуры. К характерным вещам последней принадлежит и гребешок.

Наконец, четвертое погребение находилось в непосредственной близости от вышеописанного (на расстоянии 0,5 м на запад от него). Оно оказалось детским и было почти безынвентарным: при нем обнаружено только несколько бусинок (сердоликовые, стеклянные, пастовые) и два небольших медных колечка. Скелет ребенка лежал головой на запад в обыкновенной грунтовой яме на глубине около 2-х м от современной

поверхности. Бедность этого погребения не дает возможности более точно определить его век [93, с. 249—251; 92, с. 83—86].

Хронология описанных погребений показывает существование некрополя начиная от рубежа новой эры на протяжении всей первой половины I тысячелетия н. э.

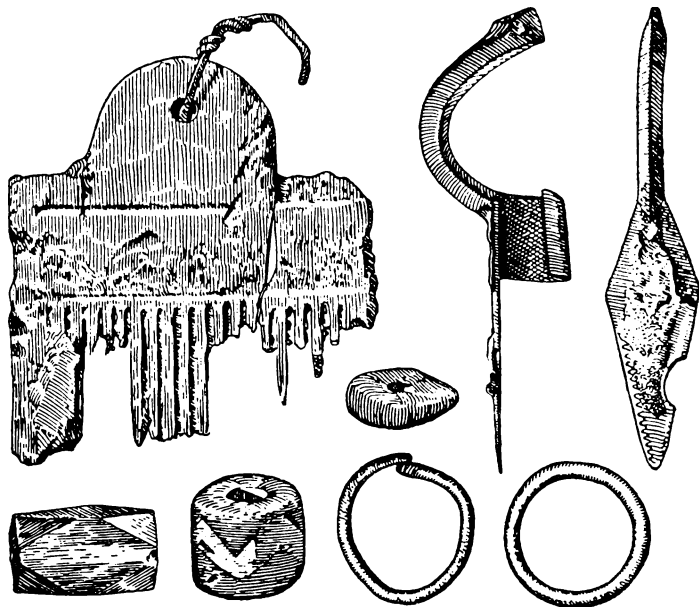

Рис. 10. Инвентарь погребения первых столетий новой эры, раскопанного на Старокиевской горе.

Среди находок, попадавшихся на Старокиевской горе и связанных с поселением и кладбищем первых веков новой эры, имеется немало интересных, даже уникальных. Среди них отметим римские монеты, найденные на территории поселения. Одна из них была чеканена в правление императора Адриана [115, с. 31], вторая принадлежала имп. Фаустине [114].

Уникальной является бронзовая бляшка римского производства [93, с. 251; 92, с. 85] неправильной овальной формы. На лицевой стороне бляшка имеет рельефное изображение человеческого лица в пятилучевой короне, прикрепленного к ней с помощью штифтика. По краю бляшки проходит узкий бордюр, заполненный темно-синей эмалью; остатки эмали красного цвета сохранились между лучами короны.

Следует еще отметить бронзовую арбалетную фибулу с подогнутой ножкой и фаянсовым корпусом [215, с. 65], датированную первыми столетиями новой эры. Два последних предмета найдены на территории могильника и, очевидно, происходят из разрушенных погребений.

Несколько интересных находок было обнаружено вокруг Старокиевской горы — в соседних районах Старого города. Так, возле Золотых ворот (т. е. на южной стороне участка плато, часть которого представляет и Старокиевская гора) была найдена очень потертая медная

Рис. 11. Бляшка с изображением головы в зубчатой короне, найденная на Старокиевской горе.

римская монета конца I — начал V вв. н. э. [34, с. 142]. В том же районе, на ул. Свердлова, на склоне плато к Крешатой долине был найден клад римских монет в небольшом горшке. Его разобрали по рукам и археологам он остался неизвестным; лишь несколько лет тому назад автору удалось увидеть одну монету из этого клада, находящуюся в частной коллекции. Это была римская монета Констанция II [34, с. 141].

Во время раскопок 1909 г. на территории усадьбы митрополита (теперь территория Софиевского заповедника) была найдена камея поздне-римского производства (IV в. н. э.) [128, с. 121] с рельефным изображением Венеры и 2-х купидонов. Изображение имеет довольно варварские черты: голова непропорционально велика, лицо

передано грубо, формы тела подчеркнута натуралистические. К сожалению, условия этой интересной находки остаются неизвестными.

Отметим еще одну находку римской монеты — денария императора Александра Севера, обнаруженную на Владимирской горке, около стены Михайловского златоверхого монастыря [176, с. 157]. Михайловская гора (ныне Владимирская горка) в древности была отделена от Старокиевской глубоким оврагом (ныне засыпанным), проходившим в районе современной Советской площади. Но, учитывая небольшое расстояние между усадьбой монастыря и комплексом на Старокиевской горе, а также то, что на самой Владимирской горке следов культурного слоя первых столетий новой эры пока не обнаружено, можно думать, что и эту находку следует так или иначе увязывать с тем же поселением.

Замковая гора

Вторым протокиевским поселением, возникновение которого относится ко времени, близкому рубежу новой эры, является поселение на Замковой горе, расположенной рядом со Старокиевской горой.

Замковая гора (иначе — Киселевка, или Фроловская гора) является столовой горой, т. е. останцем плато, возвышенным над уровнем Днепра на 80 м и со всех сторон отделенным от других круч правого

берега реки. От Старокиевской горы ее отделяет овраг, соединяющийся с урочищем Гончары (ныне ул. Ладо Кецховели), с северо-востока она ограничена крутыми склонами в сторону долины Днепра и Почайны, с северо-запада — Глубочицкой долиной и с запада — Кожемяцким оврагом — долиной пересохшего ручейка Киянки (приток Глубочицы). Таким образом, эта гора представляет собой место, хорошо защищенное природой.

В результате раскопок, неоднократно проводившихся на площадке горы, обнаружена свита напластований, относящихся к разным эпохам [117; 116; 160; 24; 22]. Общий массив их достигал почти 5 м толщиной и состоял из пяти или шести основных прослоек. Нижняя прослойка, о которой уже говорилось, относится к эпохе бронзы. Непосредственно над ней залегал культурный слой зарубинецкой культуры, датированный временем, начиная от рубежа новой эры. Находки эпохи раннего железа (о них также уже говорилось) ясно выраженного культурного слоя не образовывали.

Начиная от рубежа новой эры на Замковой горе имеем бесперывное наслоение культурных пластов, являющихся свидетельством непрерывного заселения горы в течение всего времени от эпохи зарубинецкой культуры до позднего средневековья.

Культурный слой зарубинецкой культуры охватывает толщу около 0,8 м. Если начало процесса его аккумуляции можно датировать рубежом новой эры (точнее — двумя последними столетиями до новой эры), то конец его приходится на середину I тысячелетия. Различить отдельные пласты для V—VII вв. и для более раннего времени невозможно. Некоторое время говорили даже о смещении или нарушении культурных слоев Киселевки. Однако в действительности, очевидно, идет речь о непрерывности процесса культурного развития, сохранении давних традиций и продолжительности существования поселения. Материал середины I тысячелетия н. э. будет предметом специального рассмотрения; сейчас нас интересуют находки эпохи рубежа и первых столетий новой эры.

Керамика зарубинецкого типа, найденная на Замковой горе, представлена обломками обеих, характерных для этой культуры, групп. Первая из них — обломки столовой посуды, изготовленной из тщательно перемешанной глины, с лощеной поверхностью черного или темно-коричневого цвета. Формы этой посуды зачастую отличаются сложным профилем с острыми ребрами. Вторую группу представляют обломки кухонной посуды — более грубой и примитивной, изготовленной из плохо обработанной глины с грубыми примесями, простой банкообразной формы. Часть из них украшена зашипами. Среди этой группы находок отметим обломки тарелок или сковородок, представляющих характерную черту славянской культуры в течение всего I тысячелетия н. э.

Интересной находкой являются два обломка античной амфоры с так называемыми двустольными ручками, хорошо датированные позднеэллинистическим временем (последние столетия до новой эры). Они свидетельствуют о наличии торговых сношений жителей поселения с Северным Причерноморьем.

Керамика черняховского типа, изготовленная на гончарном круге, тонкостенная, представлена в раскопках 1940 г. лишь пятью облом-

Рис. 12. Римская монета (ас) с Замковой горы.

ками, из числа которых четыре происходят от одной посуды темно-серого цвета; пятый обломок является куском сосуда светло-серого цвета, относящегося к типу столовой серо-лощеной керамики; на поверхности его по матовой полосе нанесен пролощенный орнамент в виде зигзагообразной линии. Естественно, пять черепков не представляют самостоятельного культурного слоя, тем более, что керамика зарубинского типа в большом количестве встречалась не только ниже уровня, где была найдена черняховская керамика, но и выше его. Между тем они датируют слой временем не ранее II—III вв. н. э., подчеркивая непрерывность существования киселевского поселения от рубежа новой эры на протяжении первой половины I тысячелетия н. э.

Остатков монументальных сооружений периода двух последних столетий до новой эры и первых столетий новой эры на Замковой горе обнаружить не удалось, хотя интенсивность обнаруженного материала не оставляет сомнений относительно наличия здесь жилищ этого времени.

Сведения о раннеславянском поселении на Замковой горе дополняются несколькими случайными находками, в частности римских монет, неоднократно попадавших здесь [115, с. 31]. В послевоенные годы, например, была найдена редкостная монета республиканского времени (которые вообще на территории восточнославянских земель попа-

даются очень редко) — медный ас, чеканный в 200 г. до н. э. Спурием Афранием. На аверсе изображен двуликий Янус, а на реверсе — нос корабля. Надпись S. AFRA фиксирует имя монетария [88, с. 33]. Эта монета, надо полагать, связывается с начальным периодом существования раннеславянского поселения и свидетельствует о его возникновении на протяжении двух последних столетий до новой эры.

Подол Третьим районом современного Киева, давшим неоспоримые следы человеческой жизни в первые столетия новой эры, был Подол. Систематические раскопки на Подоле, однако, не проводились; все то, что имеем сегодня из археологии Подола, — результат случайных находок при строительных и земляных работах (при закладке фундаментов, прокладывании канализации и других коммуникаций, при рытье погребов и ям и т. д.). Но таких находок, в конце-концов, набралось довольно много, и они представляют важный источник для изучения истории этого района в первые столетия новой эры.

подавляющее большинство этих находок представляют клады и отдельные находки римских монет. Они насчитываются десятками, причем попадают в разных районах плоской части города. К сожалению, большая часть их не получила научной фиксации, а сами монеты разошлись по рукам и были утеряны.

Н. Леопардов, киевский коллекционер и любитель старины, отметил, что ему «неоднократно были предлагаемы в разное время, разными продавцами римские денарии I—II вв., каждый раз небольшими количествами, даже еще не очищенные от напыля и осадков ржавчины, с объяснением, что они были найдены на Подоле или при возделывании огородных грядок, или при рытье канав для фундаментов при постройках и пр.» [109, с. 28]. В. Г. Ляскоронский — археолог и историк, интересовавшийся проблемой находок римских монет и собиравший сведения о них, — пишет, что ему «приходилось несколько раз видеть серебряные и медные римские монеты, которые доставали ученики гимназии (Подольской. — М. Б.) у рабочих-землекопов или покупали там же, на Подоле, в небольших магазинах, куда попадали монеты либо с территории Киева, либо с его окраины» [115, с. 31].

В 90-х годах прошлого столетия во время прокладывания на Подоле канализаций рабочие находили значительное количество монет, относящихся ко времени Константина Великого и его сыновей (IV в.) и к более раннему периоду. Эти монеты были найдены в разное время и в разных местах [115, с. 30]. В 1890 г. также при прокладывании канализационных труб была найдена римская монета (ближе не определена) вместе с бронзовым сосудом, грубо орнаментированным [136, с. 136—139]. В 1893 году нумизматическим музеем Киевского университета была получена римская монета Филиппа Араба (III в. н. э.),

также найденная при прокладке канализации [115, с. 30]. Наконец, во время канализационных работ на Подоле была найдена еще одна медная римская монета, чеканенная при императоре Константине Великом [115, с. 30].

Некоторые находки римских монет, встретившиеся в районе Подола, имеют более подробные топографические обозначения. Так, при рытье русла р. Глубочица (так называемая Канавка), протекавшей по одноименной долине и впадавшей в Почайну, была найдена монета императора Константина I [115, с. 30]. В этом же районе (Глубочица) была найдена бронзовая римская монета императора Волюзиана (III в. н. э.) [92, с. 179]. Вблизи Введенской церкви во время рытья погребца (по другим сведениям — во время ремонта церкви) была найдена золотая восточноримская монета императрицы Евдоксии (V в. н. э.) [4, с. 32; 15]. На ул. Ладо Кецховели, проходящей по Кожемяцкому оврагу, была найдена римская монета императрицы Салонины (середина III в. н. э.) [115, с. 30].

Выдающимся памятником является знаменитый Оболонский клад. В 1876 г. на Подоле, в районе впадения Глубочицкого ручья в Почайну, в урочище Оболонь, в усадьбе Магурина проводились земляные и строительные работы. Во время закапывания свай на глубине около 2 м от современной поверхности грунта был найден клад — около 200 медных монет, которые разошлись по рукам. Позже киевским любителям старины А. С. Роговичу и К. В. Болсуновскому удалось собрать 59 экземпляров, из числа которых 57 попало в нумизматический кабинет Киевского университета, а 2 остались в частном собрании Болсуновского. Хронологически клад четко делился на две части; первую составляли монеты центральной римской чеканки, выпущенные между 306 и 366 гг. н. э.: при Максимине Дае — 1 монета, Константине Великом — 3, Констанции II — 9 и Прокопе — 1; вторую часть — монеты, чеканенные в малоазийском городе Антиохии Писидийской в середине III в. н. э.: при Филиппе Арабе — 3 монеты, Траяне Деции — 1, Волюзиане Гале — 28, Эмилиане — 5, Галлиане — 7 [8; 15; 59; 9].

Эта вторая половина клада представляет особый интерес. По своему содержанию она выразительно отличается от подавляющего большинства других кладов и отдельных находок римских монет на восточнославянских землях, содержащих в основном серебряные монеты центральной чеканки конца I—II вв. н. э. (даже поздние клады IV—V вв. в основном состоят из монет I—II вв.). Малоазийские монеты III в. представляют на территории восточнославянских земель чрезвычайную редкость, а монеты Антиохии Писидийской — маленького и ничем не примечательного города, расположенного в глубине Малой Азии, — вообще больше ни разу не встречались. Обращаем внимание также на весьма узкий хронологический диапазон монет, охватывающих отрезок времени

всего лишь около 30 лет; если же взять основную массу монет (40 экз. из 44), то этот диапазон сократится вдвое. Подавляющее большинство антиохийских монет — 28 экз. — принадлежит Волюзиану — императору, ничем не выдающемуся, который никогда не управлял самостоятельно и был лишь соправителем своего отца Требониана Гала. Монеты Волюзиана представляют собой большую редкость; в частности, и в Восточной Европе, кроме двух находок в Киеве, они не попадались больше ни разу.

Полагаем, что получить в столь большом количестве монеты Волюзиана, к тому же чеканенные лишь в Антиохии Писидийской, можно было очень скоро после их выхода в свет и где-то поблизости места чеканки. Более позднее время в писидийской части клада представлено лишь несколькими монетами Эмилиана и Галлиена. Незначительное количество монет последнего (7 экз.) при относительной продолжительности его царствования заставляет думать, что эта часть клада была вывезена из Малой Азии во время правления именно этого императора.

В середине III в. севернопричерноморские племена осуществляют несколько смелых морских походов против малоазиатских владений Римской империи. В частности, в 264 г. «скифы» (так греческие и римские писатели называли все население прежней Скифии, в том числе и славян) прорвались вглубь Малой Азии — вплоть до Каппадокии, захватили там ряд городов (возможно, среди них была и Антиохия), а дальше вышли к Вифинскому побережью (SHA, Gallieni duo, XI, 1—2; Sync., 716]. Вероятно, именно тогда одним из участников похода были вывезены монеты, составляющие писидийскую часть Оболонского клада.

Есть основание считать, что среди племен, принимавших участие в походе 264 г., были бораны [157, с. 65; 159, с. 109] — племена Среднего Приднепровья, по мнению многих исследователей тождественные летописным полянам [207, с. 49; 168, с. 15—16]. Если это так, появление Оболонского клада на территории Киева становится вполне закономерным явлением [32].

Таким образом, Оболонский клад отражает историю не торговли восточных славян с Римом, как подавляющее большинство других находок римских монет, а военно-политических стычек наших предков с римлянами, в процессе которых они вместе с другими племенами Северного Причерноморья проникали далеко в глубь римских владений.

Топография находок римских монет в нижней части Киева не ограничивается собственно Подолом: они известны и дальше на север — в районе Куреневки. В частности, большой клад римских монет был найден около нынешней больницы им. Павлова [115, с. 29—30]. Состоял он из 350 серебряных монет, среди которых было 25 денариев конца I—II вв. н. э., чеканенных при императорах Веспасиане, Домициане, Траяне, Адриане, Сабине (жене Адриана), Антонине Пие, Фаустине

Старшей (жене Антонина), Марке Аврелие, Люцилле (жене Люция Вера), Коммоде.

Многочисленные находки римских монет в нижней части Киева — на Подоле и Куреневке, естественно, неслучайны, а связаны с определенными поселениями (или одним большим поселением). Еще В. Б. Антонович подчеркивал значение киевских находок римских монет как свидетельство заселения по крайней мере некоторых районов будущего Киева в первые столетия н. э. [11, с. 36—37; 8, с. 244]. В частности, Оболенский клад он расценивал как «древнейшее из известных поныне письменных свидетельств, относящихся к истории Киева» [8, с. 244]. К подобным выводам приходили и другие исследователи. В. С. Иконников считал, что древнейший Киев первых столетий новой эры находился именно на Подоле, где Почайна впадала в Днепр [84, с. 165]. К такой мысли был склонен и Н. П. Дашкевич (64, с. 239—240) и др.

Но в распоряжении ученых конца XIX в. не было тех сведений, которые имеются в распоряжении науки сейчас. Кроме находок римских монет, в то время вообще никаких материалов, древнее IX—X вв., не существовало. Однако сейчас следы поселений эпохи рубежа новой эры и первых столетий обнаружены в нескольких пунктах Подола и Куреневки. Так, на правом берегу Почайны были обнаружены остатки поселения зарубинецкой культуры, расположенного на песчаных дюнах [176, с. 155]. Здесь были собраны обломки керамики зарубинецкого типа. Отметим, что остатки этого поселения обнаружены недалеко от места находки Оболенского клада. В бывшей усадьбе С. И. Свитославского по ул. Фрунзе (Куреневка) были обнаружены вместе с материалами скифской эпохи и времен Киевской Руси материалы зарубинецкого типа: обломки керамики и фрагмент бронзовой шпильки [176, с. 155].

В недавнее время еще одно поселение зарубинецкой культуры обнаружено на Кирилловских высотах над карьером кирпичного завода при пересечении современных улиц Фрунзе и Нижне-Юрковской. Здесь собрана керамика, по своему характеру определяемая в качестве ранне-зарубинецкой. Очевидно, данное поселение возникло еще во II—I вв. до н. э.¹

И хотя поселения эти не подвергались раскопкам, их материал является важным фактом, подтверждающим заселенность Подола и Куреневки в эпоху около рубежа новой эры и первых столетий.

Топография находок римских монет на территории древнего Киева обнаруживает еще одно место их сосредоточения — в районе современной Львовской площади. Этот район можно считать северо-западным концом того плато, восточной частью которого является Старокиевская гора. Здесь сходились начала двух оврагов — один в направлении на восток вли-

¹ Сообщение В. Д. Дяденко.

вался в долину Днепра и Почайны (по нему сейчас проходит ул. Смирнова-Ласточкина), второй шел в западном направлении по трассе нынешней Павловской улицы. Это место играло важную роль в обороне Старокиевского плато; во времена Ярослава Мудрого здесь были построены Львовские ворота. Естественно, что и в более давние времена это место привлекало внимание человека.

С районом Львовской площади связывается одна из крупнейших находок римских монет на территории современного города [115, с. 31—34]. Летом 1874 или 1875 г. во время строительства Кудрявской бани был найден огромный клад монет, находившихся в металлическом сосуде, «наподобие ведра» (очевидно, римская ситугла). По свидетельству очевидцев, этих монет было не менее пуда, что в пересчете на обычный вес денария (3,4 г) составит свыше 4000 экземпляров. Но монеты были разных размеров: кроме серебряных денариев здесь были большие медные или бронзовые монеты — медальоны с изображением портретов императоров и латинскими надписями вокруг. Такие медальоны выпускались во II—IV вв. главным образом как коммеморативные медали и дарились в знак императорского благоволения тем «варварским» князьям и военачальникам, которые признавали номинальное главенство Рима. Находки их на территории славянских земель попались неоднократно и свидетельствуют об участии славянской верхушки в политических событиях римской истории указанного времени [30].

Место находки клада 1874—1875 гг. приходится на самое начало оврага или долины, вдоль которой проходит ныне Павловская улица. Это место было очень удобным для поселения и, наверное, клад был действительно связан с поселением начала новой эры.

Три бронзовые римские монеты были найдены в усадьбе Догматырского, расположенной в самом начале ул. Воровского, как раз напротив бани. Надо полагать, что обе находки связаны с одним и тем же поселением.

На противоположной стороне плато, в районе более позднего Кудрявца, над оврагом, вдоль которого ныне проходит ул. Смирнова-Ласточкина, также попадались находки римских монет. В разное время здесь были найдены бронзовые монеты Юлии Мамеи (III в.), Константина Великого либо его сыновей (IV в.) и Феодосия Великого (рубеж IV и V вв.). Последняя — одна из самых поздних римских монет, найденных на территории современной УССР [34, с. 142].

Немного дальше на северо-запад, в сторону верховья Глубочицы, вблизи современного Покровского монастыря в воронке от взрыва снаряда была найдена римская республиканская монета Спурия Афрания, чеканная во II в. до н. э. [173]².

² Не исключено, что речь идет о той же самой описанной выше монете, найденной на Замоквой горе, но с неточным определением места находки [34, с. 143].

Таким образом, находки римских монет, обнаруженные в районе Львовской площади и Кудрявца³, хронологически охватывают большой отрезок времени от II в. до н. э. до конца IV в. н. э., причем фиксируют этот отрезок довольно подробно: здесь имеем монеты II в. до н. э., I в. н. э., II в. н. э., середины III в. н. э., начала IV в., рубежа IV и V вв. Это свидетельствует о непрерывности существования поселения на протяжении всего указанного времени. Следями его является гончарная сероглиняная керамика черняховского типа, найденная на Львовской площади [176, с. 155]. Такая керамика появляется у восточных славян во II в. н. э. и доживает до середины I тысячелетия.

Позднее, во времена Киевской Руси, здесь находился район, известный под названием Копырьев конец.

Печерск

Старокиевская гора, Замковая гора, Подол, Кудрявец — четыре района, заселенные от времени рубежа новой эры, топографически тесно связаны между собой. Можно считать, что именно это гнездо поселений и послужило позже главным ядром города Киева. Между тем, поселения этого же времени существовали и в некоторых других местах.

В частности, определенные следы поселения данного времени были обнаружены в районе Печерска — одного из древнейших районов Киева.

Так, при раскопках фундаментов церкви Спаса на Берестове были найдены обломки чернолощенной лепной керамики зарубинецкого типа [137, с. 184; 97, с. 480; 176, с. 155]. Находки эти действительно свидетельствуют о наличии в районе Берестова остатков культурного слоя рассматриваемой эпохи. Керамика зарубинецкого типа была найдена на перекрестке ул. Кирова и Крепостного переулка в связи со строительством Дома офицеров.

В районе Печерска и Липок попадались и находки римских монет — это надежный показатель древнейших протокиевских поселений на территории современного города. Так, во время прокладывания Александровской улицы (ныне ул. Кирова) напротив Первомайского сада были найдены две серебряные монеты II в. — Фаустины Младшей и

³ В литературе упоминается еще один клад якобы римских монет, найденный в том же районе, на современной Некрасовской улице. Источником является та же статья В. Г. Ляскоронского [115, с. 34—35], где приведено изображение единственной монеты из этого клада, ставшей известной исследователям. Некрасовский клад фигурирует в работах М. К. Каргера [93, с. 246—247] и В. В. Кропоткина [105, с. 258]. Между тем, как показано О. М. Зографом (рец. на статью В. Г. Ляскоронского, рукопись в архиве ИА АН УССР), эта монета является поздней подделкой и к настоящим римским монетам никакого отношения не имеет. Рецензия Зографа, к сожалению, не была своевременно опубликована, но опровержение находки было дано мною в одной из статей в 1953 г. [30, с. 51—52], однако М. К. Каргер в своей монографии 1958 г. повторил свою ошибку без каких-либо комментариев [92, с. 77—78].

Коммода [150, с. 85; 4, с. 41; 15, с. 9]. В Киевском историческом музее сохраняются обломки характерного сероглиняного кувшина черняховского типа, найденного в Первомайском саду; очевидно, обе находки так или иначе связаны друг с другом.

Во время строительства жандармских казарм возле здания старого «Арсенала» был найден клад римских монет, состоящий из 80 экземпляров бронзовых и двух серебряных. Последние были денариями Августа (27 г. до н. э.— 14 г. н. э.) и Геты (нач. III в. н. э.) [15, с. 10; 96, с. 3—4].

Отметим, кстати, и последнюю по времени находку, которая связывается с западным склоном плато Липок. В 1962 г. при рытье канавы на усадьбе школы № 77 (по ул. Дарвина) была найдена посудинка черняховского типа. Это — мисочка, изготовленная на гончарном круге из серой глины, хорошо обработанной, без грубых примесей; имеет лощеную поверхность. Форма приближается к биконической, с округлым перегибом туловища; дно — на кольцевой ножке⁴. Место находки — склон в сторону долины небольшого ручья, когда-то протекавшего вдоль Кловской долины и современной Бассейной улицы и впадавшего в Крещатицкий ручей, — очень удобно для поселения.

Эти находки значительно дополняют археологические сведения о заселении района Печерска и Липок по крайней мере в I в. н. э. Однако подобные находки известны и дальше на юге. В районе Выдубецкого монастыря была найдена медная монета императора Константа, сына Константина Великого [115, с. 39]. Конечно, одной находки монеты для категорических выводов недостаточно: она могла иметь случайный характер; лишь многократные находки могли бы быть основанием для более или менее определенных утверждений. Но так или иначе эту монету следует рассматривать как вещь, связанную с раннеславянскими поселениями, расположенными где-то в районе Печерска или еще далее на юг (Зверинец).

Корчеватский могильник

Поселения зарубинецкой культуры, расположенные дальше на юг, за долиной р. Лыбедь, пока неизвестны, но обнаружен и исследован большой Корчеватский могильник, который, безусловно, был связан с каким-то поселением [174; 175]. Расположенный на Багриновой горе — высоком обрыве коренного правого берега Днепра в районе бывшего с. Корчеватое — этот могильник был обнаружен в карьере кирпичного завода, находящегося у подножия горы. Он представлял собой типичное поле погребений. Раскопками обнаружено 101 погребение, из числа которых 80 было с трупосожжением и лишь 13 — с трупоположением; кроме

⁴ Видел у В. Д. Дяденко.

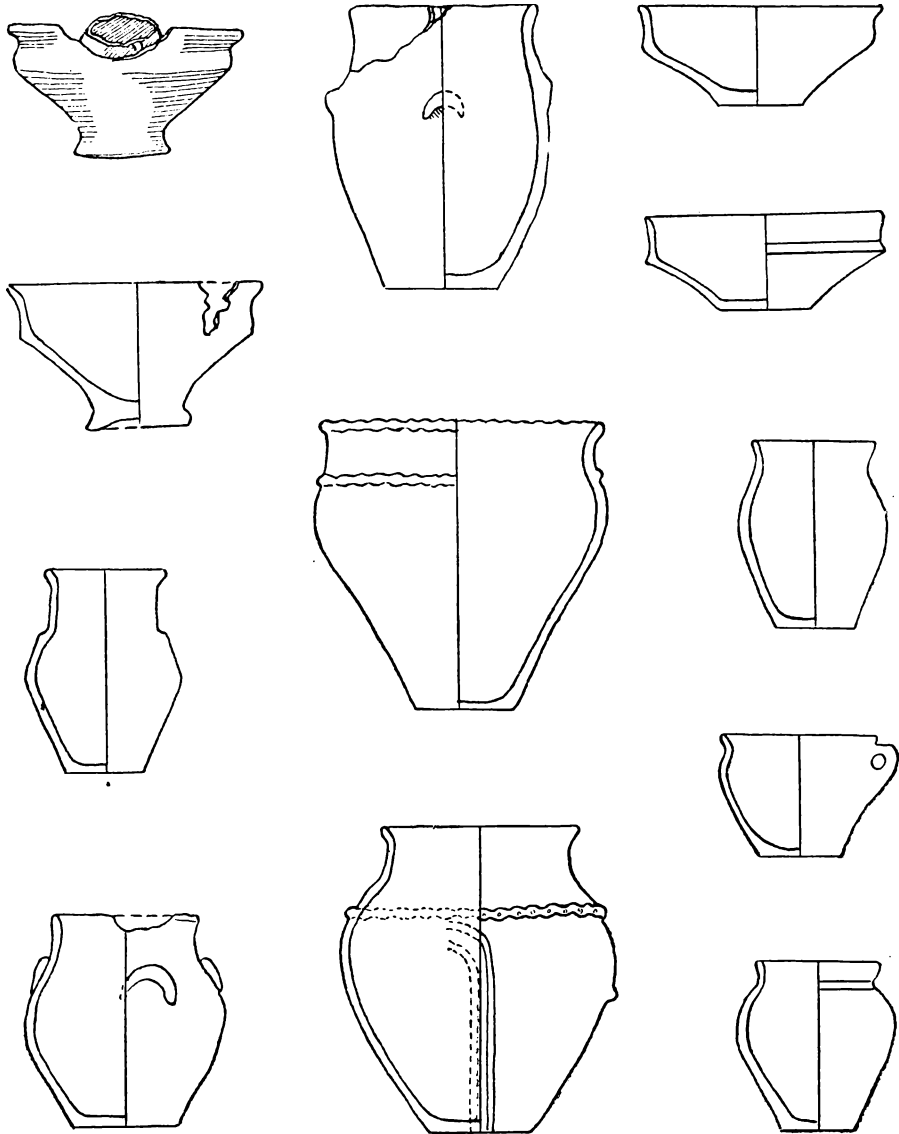

Рис. 13. Керамика Корчеватского могильника.

того, в восьми местах были обнаружены кенотафы, т. е. погребения без покойника.

Погребения с трупосожжением представлены двумя типами: иногда прах покойника помещался в урнах, в других случаях — просто в ямках, около которых ставились ритуальные сосуды (приставки). Сжигание происходило на стороне — следов его в виде угля, кусочков пережженной земли, пепла и других признаков костра не встречено. Погребения с труположением содержали скелеты, лежащие на спине в вытянутом положении.

В большинстве погребений был обнаружен тот или иной инвентарь, состоящий из керамики и немногочисленных металлических изделий. Глиняная посуда, как и всегда, составляла преобладающее большинство находок. Всего было найдено 195 сосудов, принадлежавших главным образом к группе чернолощеной «парадной» посуды и отличавшихся тщательным исполнением. Чаще всего попадались широкогорлые кувшины без ручек или крынки, иногда украшенные на плечиках налепами в виде полумесяца («псевдоушки»), а также миски с остропрофилированным силуэтом. Кроме того, встречались банкоподобные сосуды, кубки характерного зарубинецкого типа, сосуды, напоминающие своей формой амфоры и т. д. Большой интерес представляет уникальный сосуд с двумя высокими шейками.

Наряду с этим попадалась посуда иного типа, которую условно можно назвать кухонной, — толстостенная, изготовленная менее тщательно из хуже обработанной грубой глины. Попадались обломки банкообразных и горшкообразных нелощенных сосудов, украшенных наlepным валиком с зашипами, наколами с горошинами на противоположной стороне (так называемый жемчужный орнамент), зашипами по венчику. Эта керамика близко напоминает сосуды скифской эпохи, связывая таким образом культуру Корчеватского могильника с культурой приднепровских земледельческих племен скифского времени. Вся посуда изготовлена вручную без помощи гончарного круга.

Особо следует отметить привозную двуручную амфору, напоминающую фазоские амфоры последних столетий до новой эры.

Кроме посуды, в погребениях в более или менее значительном количестве попадались фибулы, которых всего было 24. Большинство из них изготовлено из бронзы (21 экз.) и лишь три были железными (изделия из серебра для зарубинецкой культуры вообще не характерны). Это — среднелатенские фибулы с вытянутым треугольным щитком на спинке, фибулы этого типа являются специфическим признаком зарубинецкой культуры. Большой интерес представляют две фибулы с прикрепленной к ним цепочкой, найденные в одном из погребений.

Прочий инвентарь погребений весьма немногочислен. Из металлических предметов найдены: бронзовое кольцо, бронзовое височное коль-

цо, круглая привеска со стержнем, обломок бронзовой сережки, железные ножи (2 экз.), двугранный наконечник стрелы, наконечник копья. Найдены также мелкие бусинки из светлой пасты и кусочки стекла. Во многих погребениях попадались кости животных, иногда в сосудах; чаще всего кости мелкого скота, а также свиньи, реже — крупного рогатого скота и лошади. Вне погребений найдено глиняное прясло,

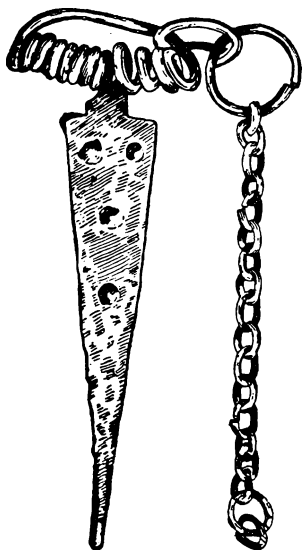

Рис. 14. Фибула из Корчеватского могильника.

тру ч...-я тость быка го...ледми ра...тк...
гранитный пест и обломок зернотерки.

Корчеватский могильник может считаться классическим памятником зарубинецкой культуры в Среднем Приднепровье, принадлежащим к относительно раннему этапу ее развития. Об этом свидетельствует амфора последних столетий до н. э. (III—II вв. до н. э.), а также обломки керамики скифского типа.

Продолжительность функционирования Корчеватского могильника нельзя определить из-за того, что неизвестны хотя бы приблизительные масштабы кладбища. Большая часть погребений была уничтожена карьером еще до начала раскопок, кроме того, раскопки 1940—1941 гг. охватили не всю сохранившуюся в то время площадь могильника. В дальнейшем было обнаружено еще несколько погребений. Это затрудняет установление точных пам к л тир...вк п...ятн...ка, определяющейся в границах последних столетий до новой эры. Возможно, Корчеватский могильник является памятником, несколько более ранним,

чем поселение на Старокиевской горе.

Попытки обнаружить селище, связанное с Корчеватским могильником, пока не дали результатов: доступные для обследования места не имеют ясных признаков культурного слоя зарубинецкого времени. Возможно, это поселение находилось на соседней Лысой горе или у подножия Багриновой горы. Несмотря на отсутствие поселения, Корчеватский могильник является выдающимся памятником киевской старины, который, бесспорно, подтверждает факт заселения территории современного города в эпоху последних столетий до новой эры.

Другие районы

Еще далее на юг необходимо отметить Пироговское городище, расположенное над бывшим селом с этим именем. Оно занимает бугор высокого коренного берега Днепра, на котором обнаружено два культурных слоя: нижний — с материалом зарубинецкого типа и верхний — времени ранней Киевской Руси [125;

126]. Укрепления городища относятся к IX—X вв. и к поселению эпохи рубежа новой эры никакого отношения не имеют. Вещевой материал зарубинецкого типа состоит преимущественно из обломков керамики обоих типов — чернолощеной «парадной» и грубой, кухонной. Внизу, напротив Пироговского городища, на песчаной надпойменной террасе Днепра обнаружены остатки поселений разного времени, в том числе рубежа новой эры. Среди собранного на песчаных раздувах материала имеется немало обломков типичной зарубинецкой посуды.

В Пирогово дважды случались находки кладов римских монет [114; 34, с. 143]. Первый, найденный на кирпичном заводе, состоял, по одним данным, из нескольких десятков, а по другим — из тысячи серебряных монет династии Антонинов; о другом известно лишь то, что он был в горшке. Римские монеты найдены также в Китаеве — между Корчеватым и Пироговым.

Следы поселений зарубинецкого типа, расположенных на низких песчаных местах (на надпойменных террасах), зафиксированы в районе Чапаевки на берегах р. Виты (исследования Д. Я. Телегина), а также на Ходосовском городище [126, с. 96].

Среди других районов города с остатками человеческого обитания около рубежа новой эры отметим Лукьяновку — район современных улиц 9-го января, Овручской и соседних. С Лукьяновкой связано несколько находок римских монет, в частности, клад, состоявший из 20 монет III в. н. э. [176, с. 157]. В 1951 г. на Овручской улице была найдена кушанская монета римской эпохи (II в. н. э.) [176, с. 157; 182, с. 180].

Уникальную находку первых столетий новой эры представляет римский светильник, найденный на ул. 9-го января при случайных обстоятельствах [176, с. 155—156]. Этот светильник имеет ушко и 15 рожков с отверстиями для фитилей. Основу предмета представляет круглая площадка, закрытая сверху глиняным щитком с дырочкой в центре для наливания масла. На щитке находится рельефное изображение двух воинов. Три четверти внешнего круга светильника занимают соединенные между собой рожки, создающие композицию ажурного окаймления предмета. Каждый из рожков очерчен аркой, опирающейся на колонны дорического ордера. На поверхности рожков между колоннами, ниже отверстия для фитиля, находятся маски силенов. Техника изготовления светильника довольно совершенна; поверхность светло-коричневого цвета, хорошо лощеная; дно на кольцевой ножке.

Полной аналогии светильнику не знаем, хотя общий тип весьма характерен для римской эпохи. Также характерным является и декор, в частности, изображение воинов, маски и т. п.

Следы поселения зарубинецкой культуры в виде обломков характерной керамики были обнаружены на Приорке, в урочище Кристерова горка [176, с. 155]⁵.

Несколько важных находок обнаружено на склонах долины р. Лыбедь. В районе Чоколовки (правый берег долины), на территории нынешнего Первомайского массива, при разработке глиняного карьера был обнаружен могильник зарубинецкой культуры. Разрушено несколько погребений с чернолощеной посудой типичной зарубинецкой формы⁶. На том же правом берегу Лыбеди, на Батыевой горе, также отмечены находки зарубинецкого типа. При раскопках расположенного тут средневекового могильника была найдена глиняная урна с пережженными человеческими костями. Сама урна — сосуд с широким горлом, украшенный дырочками вдоль отогнутого наружу венчика. Здесь же обнаружен фрагмент маленькой бронзовой фибулы арбалетной схемы [95, с. 89—90]. Возможно, это погребение было частью еще одного могильника рубежа новой эры.

На левой стороне Лыбедской долины известны находки римских монет. В усадьбе № 34 по ул. Толстого (угол Тарасовской), ведущей с высокого плато вниз к руслу Лыбеди, обнаружен клад римских монет, среди которых были денарии Адриана и Коммода [115, с. 39]. В этом же районе отмечены и две последние по времени обнаружения находки античных монет в г. Киеве. В 1959 г. на ул. Тарасовкой была найдена медная монета Босфорского царства, чеканенная в Пантикапее во времена правления Котиса II (II в. н. э.)⁷. В 1962 г. в этом же районе найдены два серебряные денария Антонина Пия. Повторение находок заставляет думать, что во II в. н. э. здесь существовало поселение.

В районе Сырца также имелись поселения зарубинецкой культуры. Одно из них было расположено на горе Черкенья, возвышающейся над долиной р. Сырец. В 1957 г. здесь была найдена типичная керамика зарубинецкого типа⁸.

Наконец отметим, что на некоторых левобережных стоянках, расположенных на надпойменной песчаной террасе Днепра, также попала керамика зарубинецкого типа (Никольская Слободка и др.) [60, с. 172—173]. Таким образом, заселение территории Киева во времена, близкие рубежу новой эры и в первые столетия, было очень густым и охватывало не только правый, а и левый берег Днепра.

⁵ Возможно, такая же керамика названа «скифской посудой» в сообщении К. Коршака [103, с. 58].

⁶ Не опубликовано (фонды ИА АН УССР).

⁷ Сообщение В. Д. Дяденко.

⁸ Сообщение В. Д. Дяденко.

Протокиевское гнездо поселений Подводя итоги, приходим к выводу, что в эпоху рубежа новой эры и в первой половине I тысячелетия н. э. на территории современного Киева существовало несколько поселений, предшествовавших образованию города.

В своей совокупности они занимали большую площадь и так или иначе зафиксированы почти на всей территории города, а строго говоря, выходили за его пределы, поскольку Среднее Приднепровье вообще было заселено довольно густо и поселения указанного времени на определенном расстоянии друг от друга разбросаны по всему его пространству.

В пределах Киева можно с большим или меньшим основанием говорить о следующих поселениях эпохи рубежа новой эры и первых столетий: 1) на Старокиевской горе и прилегающих участках плато; 2) на Замковой горе; 3) на Подоле и прилегающей части нижнего города; 4) в районе Львовской площади; 5) в районе Печерска (вблизи Дома офицеров и в районе древнерусского Берестова); 6) в районе Корчеватого; 7) в районе Лукьяновки; 8) вдоль долины р. Лыбедь; 9) на левом берегу Днепра; 10) в районе Виты-Литовской; 11) в Пирогово.

Однако не все эти поселения имеют прямое отношение к древнему Киеву, поскольку территория последнего была значительно уже, чем территория современного города. Непосредственных предшественников Киева можно видеть главным образом в поселениях, расположенных в части так называемого Старого города (Старокиевская гора, район Львовской площади, Замковая гора, Подол и прилегающие районы). К сожалению, остается открытым вопрос о наличии в это время поселения на Щекавицкой горе, которая также была важным районом древнего Киева, но на которой до сих пор никаких археологических исследований не проводилось. Если бы предположение о заселении и этой горы в то время подтвердилось, можно было бы считать, что уже к началу нового летоисчисления определилась топография будущего города.

Остановимся на этом несколько подробнее. Самыми важными частями города X—XII вв. были такие: детинец или кремль города (так называемый Город Владимира конца X в. и Город Ярослава первой половины XI в.), Подол, Гончары и Кожемяки, Замковая гора, Щекавица, Копырьев конец. В своей совокупности эти участки, подчеркнутые сложным киевским рельефом, представляли территорию города в полном смысле этого слова. Но, как видим, все они (за исключением Щекавицы, относительно которой вопрос не ясен) так или иначе отмечены археологическими находками эпохи, близкой к рубежу новой эры. Так, детинцу соответствует поселение на Старокиевской горе и связанные с ним находки; Подолу — многократные находки римских монет и ве-

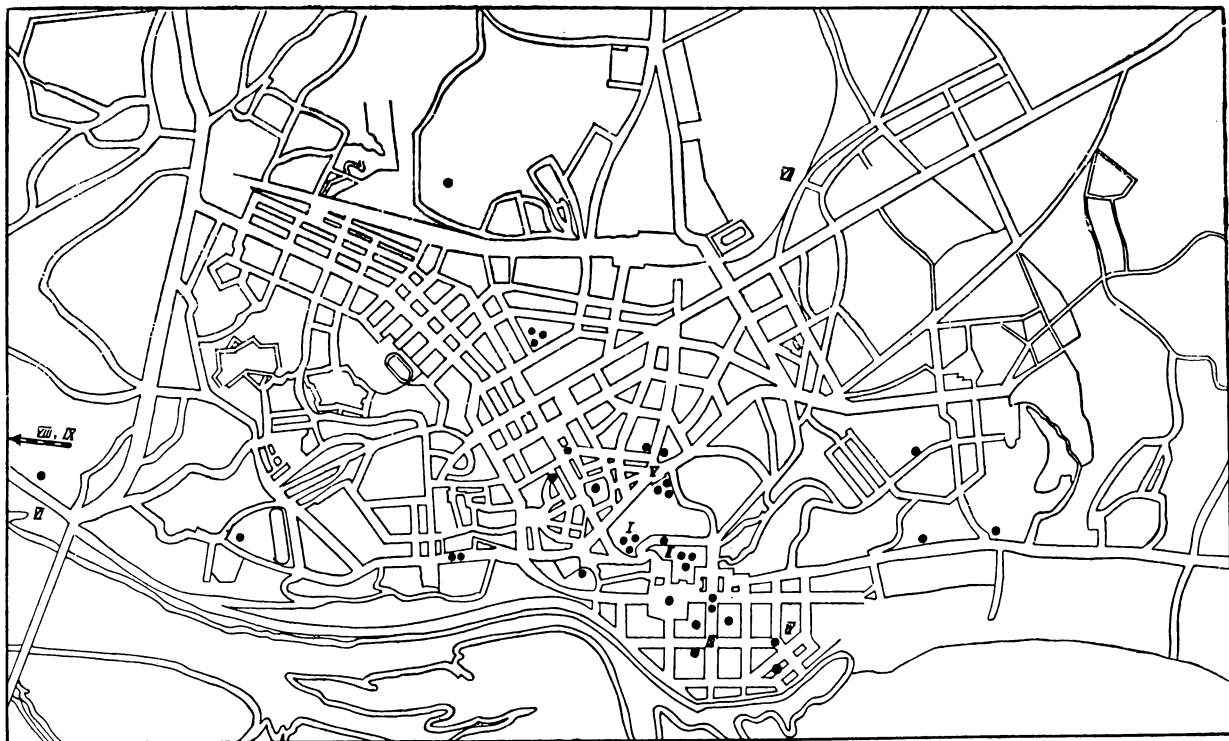

Рис. 15. Топография поселений и могильников первой половины первого тысячелетия н. э. на территории Киева:

I — Старокиевская гора, *II* — Замковая гора, *III* — Подол, *IV* — Оболонь, *V* — Львовская площадь, *VI* — Выдубицы, *VII* — Чоколовка, *VIII* — Корчеватое, *IX* — Пирогово. Кругжками обозначены приблизительные места находок римских монет и предметов римского производства.

щей, а также следы поселений на Оболони; Гончарам и Кожемякам — находка монеты Салонины; Замковой горе — поселение на ее территории; Копырьевому концу — находки монет и керамики в районе Львовской площади.

Окраины древнего Киева, известные из письменных источников, также в большинстве своем находят соответствующие документы среди археологических материалов рубежа новой эры. Летописному Клову соответствуют находки в Липках (вблизи Дома офицеров и Первомайского сада), Берестову — следы поселения, обнаруженные вблизи Спасской церкви; Выдубечам — находка монеты Константа; Дорогожичам — находки на Лукьяновке; усадьбам на Кирилловских высотах — находки на Куреневке и Приорке (в частности, клад, найденный возле Кирилловской церкви XII в.). Без точно фиксированных параллелей остаются лишь два поселения, известные из летописи: Рудица и Предславино, и то лишь потому, что точное местонахождение их не установлено. А между тем Предславино, которое находилось где-то в долине Лыбеди, могут соответствовать находки монет и могильники над Лыбедью; что же касается Рудицы, относительно которой известно лишь, что она находилась где-то на юг от города, имеем для сравнения целый ряд памятников, в частности Пироговское городище.

Таким образом, и топография «большого Киева» времен Киевской Руси, т. е. ближайшей окраины древнерусского города, также начала складываться еще в эпоху около рубежа новой эры.

Еще В. Г. Ляскоронский сопоставлял собранные им сведения о находках римских монет в Киеве с топографией Киева XI в. [115, с. 39—41]. Особенно он подчеркивал в связи с этим находки монет в нагорной части Киева, а специально — в районе Львовской площади, где, по его мнению, находился один из важнейших торговых кварталов древнего города. Так же с территорией древнего Киева великокипяжской эпохи сопоставлялись находки римских монет на Подоле, Замковой горе и проч. Что же касается отдельных находок вне этих районов, то они, по мнению Ляскоронского, должны связываться с торговыми дорогами, ведущими в Киев. Так, клад, найденный на Печерске, связывается с дорогой, ведущей к Лавре, так же, как и находки монет вдоль ул. Кирова. Находка клада на ул. Толстого связывается с дорогой, ведущей со стороны Лыбеди к Золотым воротам и т. д.

Однако, сопоставляя находки первых веков новой эры с топографией города XI в., необходимо учитывать хронологическое расстояние в 500—900 лет, заполнить которое В. Г. Ляскоронский не мог. Следовательно, делать такие сопоставления можно лишь в плане отыскания определенной перспективы исторического развития. Безусловно, в первые столетия новой эры имеем на территории будущего Киева несколько самостоятельных поселений, предшествовавших собственно Киеву, и на

базе слияния которых, надо полагать, он возник. Но вместе с тем нельзя отрицать и того, что именно топография этих поселений определила топографию будущего города.

Плохая сохранность нижних слоев древнейшей части Киева, связанная с интенсивной городской жизнью в последующие эпохи, естественно, усложняет точное определение как количества протокиевских поселений, так и их размеров и детальной топографии: иногда находки, попадавшиеся в разных, но близко расположенных и топографически связанных точках, возможно, документируют одно большое поселение. Однако общий вывод о том, что таких поселений было несколько, остается непоколебимым.

Хотя рассмотренные поселения еще нельзя считать собственно Киевом, их отношение к будущему городу было, по нашему мнению, принципиально отличным от того, какое имели рассмотренные выше стоянки и поселения первобытной эпохи. Если последние в результате тех или иных причин прекратили свое существование на определенном этапе своего развития, то только что рассмотренные поселения, возникшие на рубеже новой эры, своего существования не прекращали и действительно были реальной основой возникновения Киева. Их историю считаем уже началом истории Киева.

Но их отношение к будущему городу также было неодинаковым. Пересматривая имеющийся материал, нетрудно убедиться, что именно в том районе, где позднее, во времена Киевской Руси, существовала центральная часть города, имеем компактное гнездо поселений, топографически связанных между собой. Эти поселения охватывают район около устья реки Почайны при впадении ее в Днепр.

Таким образом, здесь видим не просто несколько обыкновенных рядовых селений, а определенную систему, которая в социальном отношении должна была выходить за рамки рядовых примеров. Надо полагать, что такое гнездо поселений, связанных друг с другом топографически, представляло определенный центр общественной жизни с точно обозначенной сферой притяжения, охватывавшей более или менее значительную территорию с определенным числом обыкновенных селений. Большое количество римских монет, найденных в виде кладов или отдельными экземплярами, вместе с импортными вещами, найденными тут же, свидетельствует о том, что эти поселения уже в начале новой эры начали постепенно превращаться в значительный экономический торговый центр.

Они и положили начало возникновению Киева, образовавшемуся в результате соединения нескольких древних поселений и постепенного превращения их в городской, т. е. торгово-ремесленный и административный центр. Этот процесс длился почти 1000 лет.

Совсем иной была роль поселений на Печерске, в Корчеватом, на

Лукьяновке, вдоль Лыбеди и т. д., более отдаленных от главного ядра и топографически с ним непосредственно не связанных. Очевидно, они также имели отношение к протокиевской группе поселений и представляли с ней определенное общественное единство. Однако в состав городской территории они вошли не сразу, а некоторые из них вообще в нее не входили. Оставлять их без внимания при рассмотрении процесса возникновения Киева нельзя, но участие их в этом процессе было не столь непосредственным, как основного протокиевского гнезда. А это, в свою очередь, показывает сложность процесса, который нельзя сводить к простому перемещению центра жизни, например, с Подола на Гору, как это считали некоторые исследователи.

Киев и Данпарстад Важным является вопрос, нашло ли описанное нами древнейшее ядро будущего Киева какое-либо отражение в письменных источниках. Поскольку о Приднепровье тех времен писало немало древних авторов, этот вопрос является отнюдь не праздным.

Попытки отыскать в письменных источниках воспоминания о Киеве до образования Киевского государства привели к гипотетическому отождествлению Киева с легендарной днепровской столицей готов — Данпарстадом. Основанием для этого были древнескандинавские источники. Как известно, норманны в IX—X вв. вступали в тесные взаимоотношения с восточными славянами, поддерживали с ними торговые связи, иногда несли у них военную службу, вступали в политические и династические отношения. В результате этого много элементов восточнославянской культуры, в том числе и народных преданий, попадало в скандинавский фольклор. Среди них могли быть и такие, что относились ко времени пребывания готов в Причерноморье.

Древнейшие сведения о готах в Восточной Европе относятся к самому началу III в. (времена Каракалы). На протяжении III—IV вв. готы выступают как очень активная политическая сила на северо-восточных границах Римской империи.

Готы представляли довольно сложный конгломерат разных по происхождению племен, среди которых были и скифские, и сарматские, и славянские и другие восточно-европейские племена, объединенные в довольно сильном межплеменном союзе [209; 159]. В старой буржуазной литературе этот союз, достигший наибольшего подъема в середине IV в., во время правления Германариха, иногда характеризовался как огромная империя, подобная империи Александра Великого. Основанием для этого было чрезмерное расширение ее границ писателем VI в. Йорнандом (которому, кстати, принадлежит и упомянутое сравнение), известным своей тенденцией идеализировать прошлое готов. Согласно утверждениям Йорнанда, подхваченным буржуазно-националистической германской историографией, готам в IV в. н. э. якобы

подчинялись не только все славяне [Iord; 119], но и финские племена, жившие на севере Восточной Европы: меря, весь, мордва, чудь, прибалтийские племена и т. д. [Iord; 116].

В буржуазной науке историческая роль готов слишком преувеличивается; территория, входящая в состав «готского государства» чрезмерно расширяется за счет включения таких земель, которые в действительности никогда ему не принадлежали. По мнению некоторых исследователей, вся огромнейшая область черняховской культуры (в том числе и Среднее Приднепровье) должна была входить в состав готского объединения Германариха; этим создается предпосылка для мнения о наличии готских поселений в Киеве.

На основании скандинавских источников выходило, что столицей готской «империи» был большой город на Днестре — Данпарстад, который некоторые и стремились поместить на территории современного Киева. Однако приходится констатировать абсолютно спекулятивный, необоснованный характер такого утверждения: призванная к жизни абстрактными соображениями эта гипотеза переходила из работы в работу на основании лишь авторитета своих авторов, без какого-либо обоснования.

Данпарстад упоминается в нескольких произведениях скандинавского фольклора, в большинстве не более ранних чем XII—XIII вв. Самым интересным источником, к тому же действительно связанным с восточнославянским фольклором, является произведение, известное под названием «Речения Хамди» (Hamdismal), которое вошло в старшую «Эдду». Это — один из вариантов истории несчастной Сванхильды — скандинавского варианта киевской легенды о Лыбеди и ее братьях. Хамди и два его брата, двинувшись в путь, чтобы отомстить за смерть сестры, выданной замуж за готского короля и казненной им жесточайшим образом, попадают в столицу Германариха, где видят «дворец готов и склоны глубоких берегов». Слово djurat — «глубокий», которое стоит в оригинале, кое-кто из исследователей (Г. Вигфуссон) [43, с. 37—43] пытается исправить на «Danrag» — Днепр. Гипотеза, конечно, произвольная и ничего не решает по сути, поскольку в иных источниках локализация ставки Германариха на Днестре отмечена вполне ясно и не требует текстовых исправлений.

Имеется три таких источника: город готов на Днестре упоминается в «Херварасаге», в «Песни о Хльоде и Анганте» и в «Песни об Аттиле» (Atla — Kvida) из той же самой «Эдды». «Песнь о Хльоде и Анганте» является повторением «Херварасаги», записанной в XI—XII вв.; таким образом, оба эти источника датируются не более ранним временем. Что же касается «Песни об Аттиле», то дата ее возникновения неизвестна, хотя исследователи считают возможным датировать ее, как и всю «Эдду», временем не ранее IX в. [64, с. 236—237]. Впрочем,

основа произведения, принимая во внимание тему, вероятно, действительно уходит во времена гуннского нашествия, т. е. IV—V вв. Но было ли в этой основе упоминание о Данпарстаде — неизвестно.

Таким образом, все три источника, где имеются сведения о готской столице, являются сравнительно поздними и отстоят от времени «государства» Германариха не менее чем на семь столетий. Искать в них адекватного отображения тогдашней обстановки — вещь, во всяком случае, напрасная.

Но если и согласиться с достоверностью предания о наличии столицы готского политического объединения на Днепре, то и тогда для локализации ее на территории Киева не видим никаких оснований. В «Херварасаге» (Hervararsaga) рассказывается история Хльода — внебрачного сына короля Рейдготти Хейдрика. После смерти Хейдрика Хльод требовал у его наследников часть наследства, а именно: половину большого леса Мирквид, святую могилу, лежащую на пути к чудесной скале в Данпарстаде (который был главным городом, столицей во времена гуннов, т. е. в правление Германариха) и половину замков покойного короля. Однако никаких указаний на точное географическое местоположение названных объектов, в том числе и Данпарстада, здесь не находим. Локализация Данпарстада на киевских горах является домислом.

В «Песне об Аттиле» также упоминается Данпарстад и лес Мирквид, но и здесь они не локализованы в пространстве. Наконец в «Песне о Хльоде и Анганте» говорится, что во владениях Гейдрика был знаменитый лес, который назывался Темной дубравой, священная могила в земле готов и знаменитая скала в Данпарстаде.

Этим и исчерпываются сведения о Днепровском городе готов в скандинавских источниках. Как видим, эти источники в отношении ясности и убедительности оставляют желать много лучшего. Из них можно вывести лишь существование какого-то готского политического центра в неизвестной ближе местности Приднепровья без каких-либо указаний в части его более точной локализации. Помещать Данпарстад готов в районе современного Киева, исходя из этих источников, имеем не больше оснований, чем в любом другом пункте Поднепровья.

Поэтому преобладающее большинство исследователей, высказывавшихся за отождествление Данпарстада с Киевом, делало это весьма осторожно, в порядке простой гипотезы (Куник, Брун, Дашкевич и др. [107, с. 55; 36, с. 289; 64, с. 239—241]). Аргументация Г. Вигфуссона, утверждавшего это более категорически, имеет скорее беллетристический, чем научный характер: по его мнению, описание местности готской столицы очень напоминает окраины Киева (темная дубрава — известный киевский лес, высокие горы Данпарстада — киевские днепровские кручи, священная могила — гора, где позже возникла Лавра, и т. д.).

Все эти сопоставления никак не могут восприниматься в качестве доказательств; с таким же успехом это описание можно было бы сопоставлять со множеством иных местностей Восточной Европы, в том числе и Приднепровья, не говоря уже о том, что такие детали в народных преданиях, безусловно, имеют легендарный характер⁹. Поэтому убежденность Вигфуссона далеко не означает убедительности его аргументации [64, с. 235—238; 92, с. 236—241; 93, с. 66—73].

По нашему мнению, нет оснований отрицать наличие политического центра готского объединения. Если Германариха, Витимира и других готских королей считать лицами реальными (в чем, полагаем, сомнений быть не может), то где-то должна была находиться их резиденция; поэтому вряд ли стоит поддержки крайняя позиция М. С. Грушевского и других исследователей, готовых вообще отбросить скандинавские сведения как мифологические. Не видим ничего невозможного и в том, что центр готского объединения в III—IV вв. действительно находился где-то в Приднепровье. Но совершенно невозможно искать его в районе Киева: такое предположение находится в решительном противоречии со всеми историческими и археологическими данными об исторической обстановке в Восточной Европе в первой половине I тысячелетия н. э.

Для всех авторов, помещавших готскую столицу на территории Киева, несомненным был факт существования огромной империи Германариха от Балтийского до Черного моря. Некритически воспринимая данные Йорнанда, эти авторы искали для готского государства соответствующего по масштабу центра, и именно это было главной основой отстаиваемой ими гипотезы, которая должна была заполнить вакуум ее источниковедческой базы. Но именно этот тезис и оказался абсолютно ошибочным: огромная империя Германариха — не что иное, как плод фантазии Йорнанда, проявление его тенденции к чрезмерному восхвалению готских королей. В частности, древнеславянские земли никогда не входили в состав готского объединения, территория которого охватывала лишь степную полосу Восточной Европы. Восточные сла-

⁹ Среди аргументов Г. Вигфуссона имеется, между прочим, попытка отождествить имена «Данпарстад» и «Самбатас», последнее из которых, безусловно, связано с Киевом:

Σ α μ β α τ α σ
Т а μ β α σ τ α с
D a n p a r s t a d

[64, с. 231—232].

С точки зрения формальной фонетики изменения в каждом вертикальном ряду возможны, однако в целом гипотеза выглядит слишком неправдоподобной. Не удивительно, что она не удовлетворила исследователей [221, с. 239; 86, с. 166—175].

вяне — анты — еще в конце IV в. вели борьбу с готами, иногда, возможно, выступали их союзниками, но во всяком случае не подчинялись готским королям. Существует предположение, не лишнее основания, что в конце IV в. готы находились даже в какой-то зависимости от антского царя Божа [184, с. 24].

Черняховская культура никак не может считаться готской. Этому противоречит хронология культуры (она возникла задолго до появления готов в Северном Причерноморье и существовала после того, как они оставили его под натиском гуннов); территория (отсутствие памятников черняховского типа в Причерноморье, где готы засвидетельствованы письменными источниками); местные генетические корни культуры; отсутствие в ее комплексах каких-либо элементов балтийского происхождения. Настоящая готская культура, хорошо известная на основании памятников Трансильвании, Италии, Испании, ничего общего с черняховской культурой не имеет. Таким образом, мысль о готской принадлежности черняховской культуры не выдерживает серьезной критики. Недаром даже некоторые западногерманские прогрессивные ученые высказывают сомнение в ее справедливости [42, с. 12].

Следовательно, если у готов и существовала какая-то столица, то искать ее следует не в Киеве и вообще не в Среднем Приднепровье, а где-то на юге за пределами восточнославянских земель. Территория Киева никогда не входила в состав готских владений и поэтому говорить о возможности локализации пресловутого Данпарстада на месте более позднего Киева не приходится.

Днепровские «города» Птолемея

Иного отношения к себе требует предположение о том, что протокиевское ядро поселений находится в числе тех «городов», которые географ II в. н. э. Птолемей перечисляет вдоль течения Днепра. «Внутри страны (Европейской Сарматии. — М. Б.), — пишет он, — лежат города: по реке Борисфен — Азагарий (56°—50°40'); Амадока (56°—50°30'); Сар (56°—50°15'); Серим (57°—50°); Метрополь (56°30'—49°30'); Ольвия или Борисфен (57°—49°)» [Ptol., III, 5, 13—15].

Кроме того, он называет Ордесс выше речки Аксимака и три города по рукаву Борисфена: Леин-городок, Сарбак, Ниосс.

Как видим, расположение городов в произведении Птолемея дано очень точно — по градусам долготы и широты. Если бы этим данным можно было доверять, локализация упомянутых пунктов не вызвала бы каких-либо затруднений и в таком случае на месте Киева пришлось бы поставить Сар, который, согласно утверждениям географа, находился при пересечении параллели 50°15' и течения Днепра. Но, к сожалению, цифры эти не имеют с действительностью ничего общего. Естественно, сам Птолемей астрономических вычислений не производил и пользовался имевшимися в его время географическими произведениями и путеводи-

телями. Основным методом составления его карты было нанесение конкретных географических объектов на градусную сетку с помощью данных об отдалении их друг от друга и довольно приблизительных направлений, ориентированными по сторонам света. Дело усложняется тем, что масштаб градусной сетки у Птолемея был неправильным.

В VI в. до н. э. великий философ Пифагор выдвинул гипотезу о шарообразной форме земли. В связи с этим появилась идея градусной сетки и встал вопрос относительно измерения меридиана. Попытки вычисления делались еще в V в. до н. э., а Аристотель называл цифру 400.000 стадий, которая в его время считалась общепринятой. Около 270 лет до н. э. Эратосфен определил длину меридиана в 250.000 стадий. Таким образом, значение одного градуса широты равнялось около 700 стадий, или 110 км (стадия — 158 м) — цифра, очень близкая к истинной (111 км.). Но приблизительно через 200 лет эти данные были «уточнены» Посидонием, определившим длину градуса широты в 500 стадий (80 км). Эта цифра была принята географами первых столетий, в том числе и Птолемеем. Результатом было смещение градусной сетки в сторону экватора. Но хуже всего было то, что Птолемей в своей работе пользовался источниками разных времен, в том числе и произведениями допосидониевского времени, основанными на применении эратосфеновых вычислений.

Итак, координаты, приведенные Птолемеем, требуют критического отношения. Достаточно взглянуть на реконструированные карты, вычерченные по данным Птолемея [35; 106], чтобы увидеть, насколько значительными являются искажения, допущенные знаменитым географом. Не удивительно, что многие исследователи весьма скептически оценивают источниковедческую ценность его работы, считая, что вообще все его сведения не заслуживают ни малейшего внимания [130, с. 95].

Эту точку зрения принять нельзя. Безусловно, «География» Птолемея является очень ценным источником; не следует лишь требовать от нее больше того, что она может дать. Птолемей собрал и обобщил в своей работе огромный материал, взятый из источников в основном достоверных. Сведения о городах на Днепре и его притоках сами по себе также не вызывают сомнения, как и их топонимическая номенклатура. Но точная локализация каждого из них — дело довольно трудное, и полагаться на приведенные в произведении координаты нельзя, разве лишь для определения последовательности расположения городов по течению реки.

Попытки уточнения местоположения перечисленных городов в литературе делались неоднократно, однако ни одна из них не нашла убедительного обоснования. Одну из интересных попыток сделал Ф. Браун, видевший свою задачу в обратном процессе вычисления расстояния обозначенных Птолемеем объектов на основании приведенных им коор-

динат, взяв за исходную точку Ольвию, местонахождение которой было точно известно [35, с. 178—182]. Так, следующий за Ольвием Метрополь по масштабам Птолемеевой градусной сетки должен был бы находиться от нее на расстоянии около 52 верст, а поскольку направление течения Днепра является надежной путеводной дорогой, вычисления приводят Брауна в с. Белозерку вблизи Херсона и т. д. Результаты исследования получились неожиданными: все шесть городов, названных Птолемеем вдоль Днепра, уложились в пределах Нижнего Приднепровья до порогов, на протяжении около 200 км.

На первый взгляд выводы Брауна кажутся убедительными, тем более, что вдоль течения Днепра знаем немало городищ и поселений позднескифского периода. Однако при внимательном исследовании дело оказывается не таким простым. Доверять приведенным у Птолемея цифрам нельзя даже и при определении расстояний. Например, расстояние между Византием и устьем Борисфена, вычисленное по методу Брауна, должно было бы равняться лишь около 400 км, в действительности же оно составляет около 600 км. Расстояние от Херсонеса до Пантикапея, учитывая кривизну берега, по Птолемею составляет около 220 км, в действительности же — 330 км; от Дуная до Днепра по Птолемею — около 160 км, в действительности — 210 км и т. д. Как видим, расхождения большие, причем направлены в сторону преуменьшения настоящего расстояния. Подобных примеров можно привести множество.

Наличие значительных расхождений между данными Птолемея и действительностью объясняется тем, что в основе расчетов географа лежали весьма приблизительные цифры, базировавшиеся на не менее приблизительных расчетах по дням пути¹⁰. Но если такие ошибки обнаруживаются даже в отношении наиболее оживленных путей, где занесенные в путеводители сведения проверялись и уточнялись в течение многих столетий, так что же можно сказать о глубинных районах Скифии, мало доступных для греческих купцов, куда сами они не ездили и сведения о которых получали у местных племен, не весьма, надо полагать, обстоятельно знакомых с методами исчисления земной поверхности, принятыми у греков.

Если смотреть на реконструированную карту Птолемея, легко убедиться, что внутренние пространства Восточной Европы у него непомерно сужены, а берега Балтийского моря неестественно приближены к берегам Черного моря. Таким образом, полагаться на масштаб географа для этих районов особенно опасно; поэтому все расчеты Ф. Брауна оказываются построенными на весьма шаткой основе.

¹⁰ Отчасти эти расхождения объясняются еще и не критическим использованием данных, вычисленных с применением эратосфенового масштаба.

Очевидно, большее основание имеют исследователи, которые размещают названные Птолемеем вдоль Днепра города на протяжении более широкого отрезка, учитывая не только Нижнее, но и Среднее Приднепровье, т. е. все те земли, население которых поддерживало тесные торговые отношения с греческими городами и которые сравнительно хорошо были известны античным авторам (приблизительные границы Геродотовой Скифии). В таком случае территория современного Киева входила бы в северный край той области, в которой Птолемей разместил свои города, что более или менее хорошо отвечало бы общему абрису течения Борисфена — Днепра на его карте. Из этого и исходили исследователи, ища на этой карте Киев и усматривая подтверждение своим гипотезам в неоднократных находках античных монет и вещей на территории современного города.

Но прежде попытаемся понять, что именно называет Птолемей «городами», говоря о поселениях вдоль Днепра и других рек Сарматии. Действительно ли то были большие ремесленно-торговые и административные центры, или что-то другое? Разъяснению этого вопроса помогают исследования одного из таких городов, локализация которого не оставляет сомнения, — Калисии в Повислении (современный Калиш). В результате археологических исследований, проведенных в последнее время на территории города и в его окрестностях, выяснилось, что настоящего города, в современном понимании слова, здесь в первые столетия новой эры не существовало. Вместо него было целое гнездо поселений, которые в своей совокупности составляли значительный по масштабам населенный пункт. На некоторых из них обнаружены следы ремесленного производства, а неоднократные находки римских монет свидетельствуют о развитии торговли, определявшейся, очевидно, выгодным географическим расположением Калиша на оживленном торговом пути (так называемом Янтарном). Как видим, ситуация очень похожа на картину протокиевских поселений начала новой эры.

Очевидно, Птолемей, перечисляя в глубине Европейской Сарматии ряд городов, имел в виду поселения, которые в то время начинали играть более или менее выдающуюся роль в общественной жизни местных племен (иначе неясно, почему именно эти поселения были отмечены среди других). Именно такими поселениями, или точнее, гнездами поселений, были Калиш и Киев. Они становились известными греко-римским писателям в результате торговли — черта, так ярко засвидетельствованная в Киеве находками античных монет и вещей.

Поэтому считаем, что имеются все основания искать Киев среди «городов», названных Птолемеем вдоль Днепра. Но какое из них можно сравнить с будущей столицей Руси? М. Берлинский, Н. Закревский, например, считали, что Киеву соответствует Азагарий [19, с. 5; 73,

с. 6] — самый северный из Птолемеевских «городов», географическое местоположение которого уже само по себе может быть аргументом: Киев расположен на северной границе Среднего Приднепровья; на север от него античный импорт попадает редко. Само название «Азагарий» упомянутые авторы объясняли как «Загорье» и связывали с киевскими горами. Однако эта гипотеза не была поддержана другими исследователями.

Большую популярность приобрела гипотеза об отождествлении с Киевом Метрополя [131, с. 434], имя которого как будто бы указывало на какую-то исключительную роль среди других населенных пунктов Приднепровья. Слово «Метрополь» истолковывали не просто как «столицу», а как «мать-город» и сопоставляли с известным летописным выражением, приписанным Олегу: «Киев — мать городам русским» [151, ч. II, с. 252].

Впрочем, эта гипотеза имеет слабую сторону: Метрополь на карте Птолемея является самым южным из приднепровских городов; ниже его названа лишь Ольвия. В таком случае выходило бы, что все другие 4 пункта находились к северу от Киева — в области Полесья. Так думал, например, К. Мюллер, располагая Сар при впадении Сожа в Днепр (современный Лоев), Амадоку — на месте нынешнего Холмеча, а Азагариум — Речицы [131, с. 433—434]. Что касается Серима, то, учитывая его локализацию Птолемеем далеко на восток, существует мнение о его отождествлении с Черниговом [106, с. 28].

Но трудно представить себе, чтобы географ II в. мог перечислить в своем произведении столько далеких северных населенных пунктов, расположенных в районе, в конце концов мало связанном с античным миром, и вместе с тем не вспомнить ни одного поселения, расположенного на более южных землях, тесно связанных с Причерноморьем.

Наиболее восточное расположение Серима (на целый градус) скорее всего указывает на его локализацию в области Надпорожья, в районе Днепровской луки, вынесенной далеко на восток. Здесь известна целая группа поселений черняховской культуры, датируемых временем от II в. н. э., в том числе единственное известное городище этой культуры в с. Башмачка; возможно одно из них (или целая группа) отмечено александрийским географом под именем Серим.

В таком случае Метрополь должен находиться южнее порогов, где-то в пределах Нижнего Приднепровья. Здесь, как сказано, существует много городищ и поселений эллинистического и раннеримского времени; очевидно, одно из них, игравшее роль своеобразного центра, и отмечено этим именем. Например, Бериславско-Любимовский комплекс, состоящий из большого Бериславского поселения и двух городищ — Козацкого на правом берегу Днепра немного ниже поселения

и Любимовского на левом берегу выше поселения; Козацкое городище является одним из наибольших в Нижнем Приднепровье (около 9 га) и уступает лишь Гавриловскому, расположенному значительно севернее — при слиянии р. Подпольной с Днепром¹¹.

Подпольная, очевидно, является тем рукавом Борисфена, вдоль которого Птолемей упоминает еще три города. Первый из них — Нисс — весьма вероятно отождествляется с Гавриловским городищем — настоящим гигантом, площадь которого равна около 25 га. Немного выше расположена Золотая Балка, которая в первые столетия новой эры была важной торговой факторией, очевидно, хорошо известной в Ольвии. Два других города, названных Птолемеем вдоль рукава Борисфена, — Сарбак и Леин — нужно искать в районе Никополя либо выше по течению той же Подпольной и Базавлука, где в последние годы открыто ряд поселений черняховской культуры и даже более ранних. Зарубинецкий материал обнаружен, в частности, на большом Каменском городище позднескифского времени, которое, возможно, и имеется в виду как один из названных городов.

Если считать, что Серим находился в области Надпорожья, то на Среднее Приднепровье остаются три «города»: Сар, Амадока и Азагриум с его славянской этимологией.

Что касается Амадоки, то ее расположение на Днестре вызывает сомнения в связи с полной тождественностью имени с названием фракийского племени амадоков, которые обитали где-то в области Карпат или Приднестровья. Не случилось ли здесь ошибки и не попала ли она на Днепр случайно, вследствие одного из недоразумений, которых так много в этнонимике и топонимике Птолемея? Тогда останутся две возможности: либо возвратиться к гипотезе Берлинского—Закревского относительно локализации на территории Киева Азагария («Загорья»), либо отождествить с протокиевским гнездом поселений Сар, неизвестный из других источников.

Считаем, что как ни подходить к этому вопросу, ясно одно: данных одной лишь «Географии» Птолемея слишком мало для того, чтобы окончательно и достоверно решить вопрос о локализации названных им днепровских городов. Но, к сожалению, больше ни один античный автор не упоминает ни одного конкретного поселения на Днестре, и надеяться на решение этой проблемы подобным путем — дело довольно безнадежное. Для этого нужно искать другие возможности.

¹¹ Вполне возможно, что именно этот «город» в будущем был столицей готского объединения, что именно сюда прибыли Хамди и его брат для мести за обесчещенную сестру и именно здесь они увидели палаты готского короля над Днестром. В 1952 г. Е. В. Махно были раскрыты на Береславском поселении остатки большого каменного сооружения дворцового типа [127].

В произведении византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей», написанном в середине X в., есть место, которое в течение полутора столетий привлекает к себе внимание исследователей и считается до сих пор одной из самых сложных загадок древней историографии. Описывая торговые операции древнерусских купцов, Константин писал, что однодеревки русов «спускаются по р. Днепр и собираются у Киевской крепости, которая называется Σαμβατάς» [Const. Al. IX].

По весьма удачному выражению Г. Ильинского, имя Самбатас (Самватас, Санватас и т. д.¹²) является труднейшим сфинксом русской исторической географии [86, с. 658]. Значение его раскрыто Константином очень точно: оно означало Киев, точнее Киевское городище. Но происхождение и семантика этого имени до сих пор остаются окончательно не выясненными, несмотря на обширную литературу, существующую по этому вопросу. Часть исследователей (Потоцкий, Карамзин, Лелевель, Ламбин, Ильинский и др.) старались вывести это название из славянского языка, другие — из скандинавского (Добровский, Томсен, Бунге, Вигфуссон), из венгерского (Гедеонов, Юргевич, Куник), литовского (Ляцкий), арабского (Вестберг, Маркварт), хозарского (Пархоменко, Лященко), еврейского (Хайнцель, Веселовский), армянского (Брун, Ал. Погодин) и т. д. Однако ни одна из этих гипотез не может считаться убедительной.

Поскольку древнерусские источники не сохранили это название, можно предполагать, что во времена летописца (XI — начало XII в.) оно уже было забыто на Руси. Таким образом, имеются все основания считать это название очень древним, во всяком случае до X в.¹³

Сегодняшнее название, связанное с именем Кия, не могло возникнуть ранее конца VI — начала VII в.¹⁴ Между тем восточнославянские поселения на территории Киева, в том числе и там, где позже существовал центр города Киева, возникли еще на рубеже новой эры и какое-то имя они должны были иметь. Следовательно, вопрос, каким было это имя, кажется далеко не праздным.

В связи с этим интересной является гипотеза Н. Я. Марра, согласно которой название Σαμβατάς генетически уходит в скифско-сармат-

¹² Разные транскрипции обуславливаются наличием двух вариантов названия: Σαμβατάς и Σαυβατάς, с одной стороны, и разницей в чтении знака «β», заменявшим как «б» так и «в» — с другой.

¹³ Н. М. Карамзин сопоставил название Σαμβατάς с летописным выражением «се мать городам русским», и хотя попытка известного историка вывести первое со второго не может считаться серьезным решением проблемы, однако обратная связь заслуживает внимания. Действительно, летописец неясную для него форму «Самбатас» мог переключить на «се мать», не считаясь с тем, что Киев мужского рода и называться «матерью» ему не совсем удобно.

¹⁴ Подробно об этом — в III главе.

скую эпоху [122, с. 207—208; 121, с. 54—55]. По Н. Я. Марру имя «Самбат» реконструируется как *tarmat — с отпадением плавного «г» и удвоением губного «м» в «м/в». Обратим внимание, что первый слог реконструированного названия—(*tar) (или «sar») соответствует имени «Сар», упомянутому Птолемеем. Изложенный выше анализ привел нас к выводу, что город с этим именем является одним из двух наиболее вероятных претендентов на отождествление с протокиевским гнездом поселений. Между тем имя Σαρβατάς безусловно связывается с Киевом.

Фонетическая реконструкция Н. Я. Марра сама по себе кажется весьма возможной, но предложенная им этимология из имени тотемного божества дославянской группы племен, основанная на принципах так называемой «стадиальной теории», вызывает естественные сомнения. Разрешить вопрос семантики этого имени — дело очень сложное; история многократных попыток, которые уже делались в этом направлении, говорит об этом довольно убедительно.

Вообще имена, подобные Σαρβατάς'у, были довольно распространены в Северном Причерноморье в период первых столетий новой эры как имена лиц. Со славянским миром они, очевидно, не связаны, но, надо полагать, были хорошо известны в античной литературной традиции. Это дает возможность поставить вопрос, не является ли загадочное название Киева искажением какого-то другого названия под влиянием этого хорошо известного имени. Поскольку славянские названия, выступающие у Константина Багрянородного, в большинстве своем испорчены, такое предположение более чем вероятно. Действительно, Чернигов у названного автора выступает как Дзернигога (Τξερνιγώγα), Смоленск — Милиниска (Μιλινίσκα), Новгород — Немогардас (Νεμογάρδας) и т. д.

Здесь мы позволим себе высказать гипотезу, которая на первый взгляд может показаться ничем не обоснованным домыслом, однако она необходима и подтверждается всей совокупностью имеющихся данных. Мы полагаем, что Константин (либо его информатор) допустил обыкновенную метатезу, перенесение «v» со второго слога в первый — Σαρβατάς вместо нормального *Σαβαντάς.

Это двухосновное название «Сабантас» или «Савантас», закономерно разделяется на две части, из которых первая будет Σα, т. е. Sar с потерей конечного плавного «г» — название, которое Птолемей приводит как имя одного из «городов», известных ему на Днепре. Семантически слово «Сар» означает «голова» (ср. осетинское «Сага» в этом же значении или фракийское Σαράρααι — «головорезы»). По мнению исследователей, это слово по происхождению является скифским (В. И. Абаев [1, с. 180]) или даже доскифским и доиранским, возможно даже общим балто-ирано-славянским. Скифов-кочевников принято считать иранцами, но земледельческие племена скифской эпохи при-

надлежат к числу непосредственных предков восточных славян. Таким образом, предложенные лингвистические сопоставления с исторической точки зрения вполне возможны.

Но если семантика имени «Сар» действительно имеет в основе слово «голова», возникает предположение о какой-то особенной роли того поселения (либо группы поселений), которое ею обозначено. Не вытекает ли из этого, что поселение с таким названием действительно уже выдвинулось из числа других поселений той же эпохи как определенный — пускай еще примитивный — общественный центр? В этом случае нельзя не вспомнить те черты, которые выдвигают протокиевскую группу поселений среди других рядовых поселений первых столетий новой эры в Среднем Приднепровье. Не следует ли усматривать в этом отражении начала той славной роли Киева, которая обеспечила ему и соответствующее место в народной памяти, и название «мать городам русским», что в конце концов является смысловым вариантом гипотетически истолкованной первой основы имени «Санватас» — «Савантас», и, наконец, выдвижение его как первого общерусского центра в эпоху средневековья?

Вторая часть исследуемого имени в отношении своей этимологии также кажется совершенно ясной. *Vantac* — имя, широко известное в этнонимике Восточной Европы — славянское «Вясть», которое выступает в именах «венеды», «венды», «винды» (возможно — «анты»), а позже «вятичи», по поводу чего существует обширная специальная литература. Таким образом, в целом реконструированное название семантически выглядит как «столица венедов» или что-то в этом роде.

Появление такого названия было бы совершенно естественным при наличии в Восточной Европе других «Саров» — племенных центров, которые необходимо было бы отличать друг от друга. Так, имя *Σαρβάκων* — Сарбак (другой «город» в Европейской Сарматии) имеет аналогичные две основы: «Сар» (на этот раз уже без потери конечного плавного) и «бак» — также этнонимический термин — племенное название боков, которое нашло свое отражение не только в именах типа «костобоки», «котобакхи», «сабоки» и т. д., но и в топонимике, в частности, в названии реки Буг (Бог). Не углубляясь в эту проблему, отметим лишь, что названия, подобные приведенному (число примеров можно было бы увеличить), подтверждают принципиальную возможность такого толкования.

Считаем, что не будет ничего еретического в гипотезе, что имя «Сар», позднее отложенное в двухосновной форме «Савантас» (искаженное «Санватас»), значительно древнее имени «Киев», и было названием тех поселений, которые возникли где-то около рубежа новой эры, а в дальнейшем стали основой для образования города Киева.

Глава III

ЛЕТОПИСНАЯ ЛЕГЕНДА ОБ ОСНОВАНИИ КИЕВА

Сообщение летописей

Древнерусские летописи донесли до нас очень интересную легенду об основании Киева тремя братьями-строителями. Это — самая древняя зафиксированная в источниках попытка объяснить происхождение столицы древнерусского государства. К ней нельзя относиться как к сплошной выдумке; это — именно легенда, а не миф, и задача исследователя — объяснить, что в ней является отражением реальных фактов, а что — продуктом народного поэтического творчества.

Легенда об основании Киева была в древней Руси очень популярной и так или иначе вошла в состав всех летописей, которые трактуют о началах древнерусской истории. В целом она имеет в разных сводах весьма выдержанный характер, хотя имеется несколько вариантов, заслуживающих специального внимания.

В «Повести временных лет» читаем: «Подем же жившем особе и володеющем роды своими, иже и до сее братье бяху поляне, и живяху кождо съ своим родом и на своих местех, владеюще кождо родом своим. И быша три братья: единому имя Кий, а другому Щек, а третьему Хорив, и сестра их Лыбедь. Седяше Кий на горе, где же ныне Увоз Боричев, а Щек седяше на горе, где же ныне зовется Щекавица, а Хорив на третьей горе, от него же прозвася Хоревица. И створише град во имя брата своего старейшего, и нарекоша имя ему Киев. Бяше около града лес и бор велик, и бяху ловяша зверь, бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся поляне, от них же есть поляне в Киеве и до сего дне» [151, с. 12—13].

Аналогичные рассказы есть и в тех летописных кодексах, которые отражают другие летописные традиции, нежели «Повесть временных лет». Так, очень близкий рассказ находим в I Новгородской летописи [135, с. 104—105]. В Устюжском своде, который также в своей начальной части исходит не из «Повести временных лет», а из совершенно другого источника, причем довольно достоверного, также подан подоб-

ный рассказ [210, с. 19]. Лишь в более поздних сводах под влиянием, безусловно, книжной мудрости появляются варианты легенды, заметно отличающиеся от изложенной в «Повести временных лет», куда она попала из более древних летописных сводов.

Сюда, в частности, относится довольно распространенный в поздних летописях вариант, согласно которому основатели Киева были новгородскими разбойниками и современниками князя Олега, помиловавшего их и отпустившего на юг [51, с. 69—70].

Новгородское происхождение этого варианта не вызывает сомнений: слишком уж ясно изложена в нем суть общей новгородской концепции — приоритет Новгорода перед Киевом, который якобы всегда получал правителей у своего северного собрата. Из этого повествования вытекало бы, что и первые основатели Киева были новгородцами.

На первый взгляд содержание легенды, так, как оно изложено в летописи, имеет всецело фольклорный характер. Основные мотивы этой легенды вообще очень распространены в народном творчестве и являются по существу кочующими сюжетами. Взять хотя бы объяснение названия города от имени человека, который был его основателем. Киев назван по имени Кия, подобно тому, как название Рима (Roma) возникло из имени его легендарного основателя Ромула; Антиохии — от имени царя Антиоха; Селевкии — от имени Селевка; Александрии — Александра Македонского; как имя Кракова — от имени легендарного Кракуса и т. д., и т. п. Да и в древнерусских летописях можно найти подобные этимологии, как, например, происхождение названия Турова от имени некоего Тура — легендарного основателя династии Туровских князей. Вместе с тем имеются и вполне реальные случаи возникновения названий древнерусских городов от имен их основателей: Ярославль — от Ярослава Всеволодовича, Изяславль — Изяслава Владимировича, Владимир-Волынский — Владимира Святославича и т. д.

Другим мотивом, распространенным в народных преданиях, является мотив трех братьев, выступающих основателями или родоначальниками. Этот мотив свойственен, в частности, и славянскому фольклору: начала древнерусского государства связывались с именами трех братьев — Рюрика, Синеуса и Трувора, которые княжили в трех городах — Ладоге, Белоозере, Изборске, а позднее книжной версией были переделаны в варягов. Начало славянских народов фольклорная традиция связывает с тремя братьями-родоначальниками — Русом, Чехом, Ляхом. Возможно именно этой традицией объясняется тенденция летописцев при описании сложнейших узловых моментов давней истории Руси выводить на первый план подобные «триумvirаты», хотя бы это и не обуславливалось реальными фактами. Вспомним, например, княжеский триумvirат после смерти Ярослава Мудрого — Изя-

Рис. 16. Кий, Щек и Хорив и основание града Киева
(миниатюра Кенигсбергской летописи).

слава, Святослава и Всеволода Ярославовичей, хотя у них было немало других братьев, которые также принимали активное участие в событиях того времени. И не этой ли традицией объясняется то, что потомки Святослава Игоревича представлены триумvirатом его сыновей — Ярополка, Олега, Владимира, которые после смерти отца боролись за власть?

Фольклорный мотив трех братьев имеет очень древние корни (вспомним хотя бы трех сыновей Ноя), в частности, и в Среднем Приднепровье. Еще в скифскую эпоху известны легенды с этим мотивом в основе, которые происходят из среды земледельческих оседлых племен. Это — легенда о Липоксаисе, Арпоксаисе и Колаксаисе, которые выступают не только основателями скифской общественной организации, но и родоначальниками племен паралатов, авхетов, траспиев и катиаров [Herod., IV, 5—6]. Вторая легенда знает братьев Скифа, Агатирса и Гелона, которые также считались пращурами племенных групп, окрещенных этими же именами: скифов, агатирсов и гелонов [Herod., IV, 8—10].

Иногда вместо трех братьев выступают два, но это не имеет принципиального значения. Такие варианты находим в легендах о Радиме и Вятко — родоначальниках радимичей и вятичей; в чешской легенде о сыновьях Крака, в латинской легенде о Ромуле и Реме, в библейской легенде об Израиле и Иуде и т. д.

Таким образом, летописная легенда об основании Киева имеет распространенное фольклорное оформление, которое вынуждает весьма осторожно и критически относиться к исторической оценке ее содержания.

Кий и его братья Если бы летописный текст, рассказывающий о начале Киева, ограничивался лишь приведенным отрывком, понимание исторического смысла его было бы очень затруднительным. Но, к счастью, дальнейшее изложение содержит очень ценные указания, проливающие совсем иной свет на суть дела. Пытливый критический ум автора «Повести временных лет» предоставил возможность совсем иными глазами взглянуть на содержание изложенных им преданий.

Речь идет о Кие и его братьях, реальность которых подверглась летописцем специальной проверке. Надо полагать, главным источником, откуда последний мог получать сведения относительно начальной истории Киева, были опять-таки народные предания. Но эти предания имели разный характер и разную степень достоверности: рядом с легендарными традиционными рассказами среди них были и вполне реальные воспоминания о прошлом восточнославянских племен. Задачей автора летописного свода была критическая выверка имеющихся сведений, которые ему посчастливилось собрать.

Личность Кия особенно интересовала летописца. Он собирал разные сведения о нем, стараясь отобрать наиболее достоверные, отбрасывая легендарные: «Ини же не сведуще, рекоша, яко Кий есть перевозник был, у Киева бо бяше перевоз тогда с оной стороны Днепра, тем глаголяху: на перевоз на Киев. Аще бо бы перевозник Кий, то не бы ходил Царю-городу; но се Кий княжаше в роде своем, приходившу ему ко царю, якоже сказаютъ яко велику честь приял от царя, при котормъ приходив цари» [151, с. 13].

Таким образом, Кий для летописца — первый киевский князь, известный по имени. Он решительно отбрасывает другую версию, согласно которой Кий был перевозчиком на Днестре, аргументируя это довольно убедительно: действительно, обыкновенному перевозчику нечего было делать при дворе византийского императора. Гипотезу некоторых исследователей, что Киев, подобно Франкфурту, Оксенфурту и некоторым другим городам, мог возникнуть на месте древнего перевоза [224, с. 103; 146], приходится отбросить; во всяком случае уже в начале н. э. на месте будущего города существовало большое гнездо поселений. Если их возникновение и было связано с перевозом, то в более древние времена, нежели время Кия.

В тексте редакции 1093 г. находим вставку, выдвигающую еще одну версию: Кия «нарицают тако перевозника бывша; иней же — ловы деяше около города» [162, с. 60]. По этой версии Кий был бы звероловом (как известно, эту версию принимал В. О. Ключевский [99, с. 63, 118]), но подобные занятия могли совмещаться с княжеским статусом Кия: охота была любимейшим развлечением древнерусских

князей. Обширные охотничьи угодья вокруг Киева вспоминаются в связи с легендой о его основании в «Повести временных лет» [с. 13].

Таким образом, как и летописец, считаем Кия полянским князем. О нем существуют сведения довольно подробные и убедительные: «Идущу же ему вспять, приде к Дунаеви, и възлюби место, и сруби градоу мал, и хотяше сести с родом своим, и не даша ему ту близь живуущи; еже и доныне наречють дунайци городище Киевець. Киеви же пришедшу в свой град Киев, ту живот свой сконча; и брат его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь ту скончашася» [151, с. 13].

Итак, Кий — князь с довольно сложной биографией. Что-то мешало ему княжить там, где он имел власть сначала (где именно — летописец не объясняет, а может и сам не знает). Он вступал в какие-то связи с византийским императором (имя которого также осталось летописцу неизвестным), причем эти связи имели очень сердечный характер. Это наводит на мысль относительно общности интересов византийского царя и восточнославянского князя.

Позже Кий старался укрепиться в низовьях Дуная (здесь летописец приводит даже археологические аргументы, подтверждающие его рассказ, упоминая городище, оставшееся от построенного Кием городка). Но неудачно: племена, жившие на нижнем Дунае, «не приняли» Кия, т. е. отказались признать его власть. И лишь после этого он, в конце концов, утвердился в Среднем Приднепровье, основав Киев как центр своего княжества.

Внимательно вникая в сюжет этих летописных строчек с их вдумчивым историческим изложением, с ссылками на предположения разных источников и даже на археологические факты, трудно избавиться от мысли, что речь идет о вполне реальных исторических событиях.

В некоторых других летописных источниках находим сведения о Кие, отсутствующие в «Повести временных лет», в частности, относительно его походов против дунайских, волжских и камских болгар. Так, в Никоновской летописи, компиляции XVII в., которая, однако, использовала некоторые очень древние источники, после рассказа о приеме Кия у византийского царя, читаем: «Идущу же ему и з вои, на Болъгары ходив, и прииде к Дунаю» [157, с. 4]. Здесь же, после рассказа о неудачной попытке Кия укрепиться в низовье Дуная, находим: «Также на Волжскіа и Камскіа Болгары ходив и победи». Аналогичные утверждения находим и в других древнерусских рукописях [51, с. 64].

В «Повести временных лет» этих сведений нет; более того, история Кия и построение Киева отнесены ее автором к более раннему периоду, нежели приход болгар на Дунай, и, соответственно, помещены в тексте перед рассказом об этом событии. Возможно, версии о походах Кия против болгар во времена Нестора еще не существовало и она

появилась позже, а может автор «Повести временных лет» отбросил ее именно потому, что она не вязалась с другими собранными им сведениями.

В литературе летописная легенда встречала разное отношение со стороны отдельных авторов. Первые историки России не сомневались в достоверности летописного рассказа во всем его объеме и искали лишь той конкретной исторической обстановки, в условиях которой мог осуществляться процесс строительства Киева. Но в более поздней историографии постепенно получил перевес скептический взгляд на ценность летописного рассказа о Кие и его братьях. Возникла даже гипотеза о том, что имена Кий, Щек, Хорив, Лыбедь возникли из топографических названий как попытка объяснить появление последних. Но это предположение противоречит всякому закону словообразования. Такие имена, как Киев (притяжательное прилагательное краткой формы от слова «Кий»), как Щекавица, Хоревица являются производными, и имена, от которых они возникли (Кий, Щек, Хорив), должны были им предшествовать, а не наоборот.

Исследователи, стремившиеся объяснить возникновение имен легендарных основателей Киева из топографических названий, не замечали, что этим самым они входили в другую проблему, более сложную, а именно: откуда же взялись эти топонимы — Киев, Лыбедь, Щекавица, Хоревица, если имена, от которых они происходят, считать более поздними.

В настоящее время в советской историографии намечается поворот от скептической оценки летописной легенды об основании Киева к более внимательному отношению к ней [161; 162; 142, с. 773—780]. Безусловно, летописный рассказ имеет легендарный характер и оформлен в виде типичной, можно сказать, канонической фольклорной версии. Таким образом, исследователю нужно под традиционной фольклорной схемой выяснить настоящую историческую реальность, наличие которой становится чем дальше, тем очевиднее.

«Здесь перед нами,— пишет Б. А. Рыбаков о второй части летописного текста, посвященной специально Киею,— не фольклорное предание стандартного типа с обязательными тремя братьями. Здесь выступают следы точной исторической традиции об одном герое, все действия которого лишены сказочности и поставлены в рамки реальной действительности. Необходимые для эпического триумвирата братья (может быть, взятые из других сказаний) здесь оттеснены на третий план: они не участвуют в самых ярких событиях (в путешествии в Константинополь и в построении городка на Дунае). Герой этого предания, отысканного Нестором, — только один Кий...

Перед нами — древний предшественник Святослава, «великий князь» (как его называет «Временник») киевский, простирающий свою

деятельность до берегов Дуная и дипломатические связи — до Царьграда» [162, с. 62].

Действительно, при внимательном исследовании видим в летописной легенде об основании Киева вполне реальное историческое ядро.

Три киевские горы Это ядро обнаруживается прежде всего в топонимике Киева, которая сохранила древние названия, связанные с фольклорными мотивами на тему легенды. Есть в Киеве речка с именем Лыбеди; есть и три горы, о которых упоминается в летописи и которые до сих пор сохранили свои древние названия.

Локализация горы Кия вряд ли может вызывать сомнения: это гора Старокиевская, иначе — Андреевская, которая в конце I тысячелетия н. э. действительно стала центром города Киева — столицы Руси. От рубежа новой эры на этой горе существовало древнеславянское поселение, во главе которого и стоял Кий.

По народным преданиям, сохраненным «Повестью временных лет», именно здесь апостол Андрей поставил крест как символ будущей славы и могущества Руси и ее столицы. Трудно искать в этом предании историческую основу — оно является следствием роста сознательности Руси XI в.; стремления ее возвеличить свое прошлое и утвердить особенную миссию своего народа. И очень важно, что именно с горой Кия связывал народ легенду, посвященную этой цели. Во времена Киевской Руси, когда Киев выступал главным узлом всех самых важных общественных коллизий, именно эта гора — Киевская гора, либо лаконичней, просто Гора — играла в жизни древнерусской столицы первую роль. Здесь находился центральный район города, были расположены княжеские дворцы, дворы и замки крупнейших феодалов, главные соборы, школа, библиотека, один из самых важных киевских торгов и т. д. Именно этой горе была уготовлена роль главного Киевского центра, и поэтому именно с ней народное представление связывало все самое выдающееся в истории города.

Вторая гора — Щекавица — реальность современной топографии города Киева. Она возвышается над Подолом севернее Старокиевской горы, между Замковой горой и Юрковицей. Как и все другие киевские горы, она с трех сторон окружена обрывистыми склонами, которые превращают ее в природное, почти неприступное городище, хорошо защищенное самой природой. Во времена ранней Киевской Руси эта гора входила в состав городской территории древнего Киева.

С горой третьего брата — Хоревницей — дело обстоит немного сложнее: сейчас это имя почти вытеснено более поздними именами (Киселевка, Замковая гора, Фроловская гора).

В связи с этим по поводу местоположения древней Хоревницы высказывались разные мнения. Так, В. Б. Антонович указывал на древнерусское городище, расположенное на Кирилловских высотах над

Иорданской церковью. Находки здесь монет IX—X вв., а также обнаруженный вблизи могильник VIII—X вв. позволили ему утверждать, что в этом месте во времена ранней Киевской Руси существовал большой торговый центр, в котором в IX—X вв. концентрировалась торговая деятельность всего города [6]. Однако эта гипотеза не получила признания ввиду большой отдаленности города от тех районов древнего Киева, которые следует считать его городской территорией.

Вместо нее возникли другие гипотезы. В некоторых летописных редакциях находим версию о том, что Хоревница в более позднее время стала называться Вышгородом: «Третий же брат Хорев созда град такожд от своего имени Хоревницу, иже последи Вышгородом именовалася» [51, с. 67]. Такое же утверждение находим в киевском «Синописе» [с. 22]. Можно предполагать, что источником этой путаницы была работа Стрийковского [192], который, надо полагать, хорошо знал современную ему топографию Киева XVI в.; в редакциях, древнее XVI в., этого варианта мы не находим.

Разумеется, отождествлять Хоревницу с современным Вышгородом, расположенным в 20 км от Киева, вряд ли возможно, однако В. Г. Ляскоронский, опираясь на эти утверждения, высказал гипотезу о локализации Хоревницы—Вышгорода на Замковой горе [113]. Трудно сказать, насколько имеет основания отождествление с Замковой горой Вышгорода (во всяком случае, попытка автора связать с ней все события, отнесенные источниками к настоящему Вышгороду, не имеет научной ценности); но мысль о том, что Хоревница может быть связана именно с ней, более чем достоверна.

Замковая гора (иначе Фроловская гора, или Киселевка) расположена между горами Старокиевской и Шекавицей. Площадка Замковой горы, как мы уже знаем, была заселена в эпоху бронзы, а от рубежа новой эры на ней существовало раннеславянское поселение, которое, как и поселение на Старокиевской горе, было предшественником города Киева.

Все три названия горы, сохранившиеся до наших дней, не идут вглубь далее XIV—XV вв. Замок на ней был построен лишь в XIV—XV вв., когда старый город, уничтоженный татаро-монгольским нашествием, лежал в развалинах, а центр общественной жизни в Киеве переместился на Подол. Таким образом, не раньше указанного времени и могло появиться это название. Второе название — Киселевка — связано с именем киевского воеводы Адама Киселя, имевшего свою резиденцию в Киевском замке в середине XVII в. Третье название горы — Фроловская — происходит от названия Фроловского монастыря, возникшего у ее подножья в том же XVII в. Позднее гора принадлежала монастырю, и на ее территории находилось монастырское кладбище. Следовательно, и это название не могло возникнуть раньше XVII в.

Таким образом, все эти три названия Замковой горы оказываются недавними по происхождению. Ясно, что во времена летописца она называлась иначе. Как именно, возможно, покажет современная топонимика Киева: улица, идущая от подножья горы в направлении Днепра, называется Хоревой; это имя, очевидно, отражает древнее название урочища, подобно названию параллельной улицы Щекавицкой, которая занимает по отношению к Щекавице такую же точно позицию. Вместе с тем тот факт, что в XVI—XVII вв. Хоревца связывалась с Вышгородом, свидетельствует, что в живой топонимике тогдашнего Киева это имя уже вытеснялось более поздними. Но важно, что среди жителей Подола древнее имя дожило до наших дней: многие из них и сейчас называют Замковую гору Хоревцей.

Считаем, что именно Замковая гора в древности называлась этим именем. Очевидно, с поселением, существовавшим на ее площадке от рубежа новой эры, связываются легендарные сведения о третьем брате — Хориве.

Таким образом, видим в летописной легенде об основании Киева вполне определенное историческое ядро: наличие на территории будущего города не только топонимики, связанной с именами легендарных основателей, но и трех вполне реальных поселений, расположенных на трех соседних горах, названных именами героев легенды: Киевской (Старокиевской), Щекавице и Хоревце (Замковой горе). Эти поселения предшествовали образованию Киева и в дальнейшем развитии слились в едином городе, войдя в состав его городской территории.

С социальной точки зрения речь идет о лицах, стоявших во главе определенных общественных организаций, соответствовавших трем указанным поселениям, скорее всего общин, находившихся на этапе окончательного распада первобытнообщинных отношений. Во всяком случае такое предположение вытекает из оценки уровня исторического развития восточнославянского общества в эпоху I тысячелетия н. э.

Еще больший интерес вызывает вторая половина легенды, в которой идет речь о построении града Киева.

I Киевское городище Как известно, города весьма редко возникают в силу сознательной воли отдельных лиц, кем бы те лица ни были; для этого необходимо социально обусловленное творчество народных масс. Поэтому не следует искать в данной легенде исторически достоверный рассказ об образовании города Киева. Очевидно, речь идет о чем-то другом. Славянское слово «град», «город» означало не большой торгово-ремесленный и административный центр (город в современном понятии слова), а «укрепленное поселение», «замок». Этимологически это слово связано с глаголом «городить», «огораживать», т. е. укреплять, обнести оградой или стеной. Градами древние славяне называли замки, которые начали возникать у них

во второй половине I тысячелетия н. э. Это слово имеет общеславянский характер и до сегодняшнего дня сохранилось (именно в значении «замок», «укрепление», «крепость») во многих славянских языках (чешский, словацкий, польский и др.).

Следовательно, в летописной легенде об основании Киева речь идет не о создании города, а о построении на Киевской горе древнейшего замка или крепости. У восточнославянских племен лесостепной полосы Восточной Европы именно во второй половине I тысячелетия н. э. начали возникать первые укрепления. В археологическом отношении это находит свое отражение в появлении древнерусских городищ, совсем не характерных для предыдущей эпохи. Среди них находится и древнейшее Киевское городище, представляющее собой археологические остатки того града Кия, о котором рассказывает летописная легенда.

Археологические исследования подтвердили, что городище Кия действительно существовало; остатки его открыты в результате раскопок. Впервые оно было обнаружено еще до Октябрьской революции, во время раскопок Археологической комиссии, проводившихся на территории Старокиевской горы [92, с. 98—105]. В 1909—1912 гг., исследуя развалины Десятинной церкви, занимавшей среднюю часть Старокиевской горы, Д. В. Милеев неожиданно для себя открыл глубокий ров, засыпанный еще в древние времена. Этот ров проходил вдоль северной стены церкви в направлении с юго-запада на северо-восток на расстоянии около 4,5 м от нее [39]. Ширина его достигала 4 м, а глубина — 6—7 м от современной поверхности, что составляло свыше 4 м от уровня древней поверхности, от которой этот ров был вырыт. Здесь же якобы были обнаружены и остатки вала и палисада из колод [138, с. 66; 81, с. 117—118]. Но трасса рва полностью прослежена не была, поскольку он выходил за пределы усадьбы Десятинной церкви в обе стороны — в направлении современной ул. Андреевский спуск и на усадьбы, выходящие к Десятинному переулку. Из-за этого памятник не получил правильного истолкования: сам Милеев думал, что ров окружал Десятинную церковь как своеобразное ее укрепление.

Но в результате раскопок 1936—1937 гг., проведенных под руководством Т. Н. Мовчановского [94; 91, с. 93—99; 92, с. 98—105], была точно установлена трасса рва и тем самым — его назначение. Полностью весь ров не был открыт и на этот раз, но раскопанные участки взаимно дополняли друг друга и дали возможность дать совершенно бесспорную реконструкцию этого сооружения.

Ров начинался от северо-восточного края горы, шел на север с незначительным отклонением к востоку, далее поворачивал на северо-запад и, перерезая всю площадку горы, выходил к ее юго-западному краю, к самому углу Кожемяцкого яра, отделявшего западную часть

Старокиевской горы от основной части плато (где сейчас проходит Житомирская улица). Таким образом, исследованный ров отделял небольшой участок Старокиевской горы — северо-западный угол — от основной ее площади. Описанный ров не имеет никакого отношения к строительству времени Владимира Святославича. Он проходит так близко от стены церкви, что строительство последней вообще стало возможным лишь после его засыпки. Таким образом, в конце X в. ров уже был ликвидирован.

Этот вывод полностью подтверждается находками, обнаруженными во время раскопок. После того, как ров был засыпан, его трасса вошла в состав городской территории Киева. На ней располагались городские кварталы и начал образовываться культурный слой, прослеживающийся в верхних слоях засыпки рва на всем его протяжении. Он перекрыл трассу рва и образовался после ликвидации последнего. Остатки монументальных сооружений, обнаруженные непосредственно над рвом, не оставляют в этом отношении никаких сомнений.

Так, раскопками 1912 г. были обнаружены остатки жилища, довольно хорошей сохранности [81, с. 118], которое относилось к X—XIII вв. и было построено на засыпке рва. В 1936 г. тоже удалось обнаружить строительные остатки эпохи Киевской Руси: полуземлянки, вкопанные в верхнюю часть засыпки рва, а также остатки ювелирной мастерской [92, с. 103]. В том же 1936 г. в засыпке рва был найден клад: глиняный кувшин, в котором находились две серебряные гривны киевского типа и железный скобель. Этот клад, хорошо датированный временем Киевской Руси, мог быть зарыт в верхней части засыпки рва лишь после ликвидации последнего.

Таким образом, в X—XIII вв. описанный ров уже не существовал. Не было его и во время строительства Десятинной церкви: раскопками 1912 г. установлено, что во время строительства храма территория вокруг него была частично залита известковым раствором, вследствие чего образовалась известковая площадка. Слой извести, однако, не попал в ров, но перекрыл собой его засыпку [138, с. 66; 81, с. 117—118]. Следовательно, ликвидация рва состоялась еще перед началом строительных работ, т. е. до конца X в.

Таким образом, укрепления так называемого «Города Владимира», построенные в конце X в., не были первой фортификационной системой древнего Киева: им предшествовал более древний концентр укреплений. Во время раскопок рва в нижней части его засыпки и непосредственно на дне попадались грубые черепки в большинстве от вылепленных ручным способом сосудов, изготовленных из плохо обработанной глины и небрежно обожженных на костре. Такая керамика отсутствует даже в наиболее ранних погребениях киевского некрополя IX—X вв. и датировать ее можно временем, не позднее VIII в.

Существование Киевского городища (укрепления) во времена до Владимира Святославича никогда не вызывало сомнения: оно хорошо засвидетельствовано письменными источниками. Ведь известно, что киевский «градок» захватывали в 862 г. Аскольд и Дир, а в 882 г. — Олег. Во времена княжения Игоря, Ольги, Святослава Киев представлял собой довольно мощную крепость; о ней специально упоминает византийский император Константин Багрянородный (Const. AI, IX). О прочности киевских укреплений говорит также летописный рассказ о продолжительной осаде Киева печенегами в 968 г., во время пребывания Святослава Игоревича в Болгарии.

Однако до недавнего времени исследователи отождествляли площадь «Города Владимира» с площадью древнейшего киевского городища, а укрепления последнего проводили по трассе валов и рвов, сооруженных во времена Владимира. В действительности, как видим, самое древнее Киевское городище было значительно меньшим по размерам и занимало лишь северо-западную часть Старокиевской горы. Археологические исследования показали это городище во всей его материальной конкретности и вместе с тем подчеркнули его глубокую древность. Ясно, что речь идет не о X в. и даже не о временах Аскольда и Дира: это городище непосредственно связывается с эпохой Кия, с эпохой летописной легенды.

Следовательно, и во второй своей части летописная легенда оказывается конкретной исторической традицией и содержит в себе бесспорное реальное ядро. Рассказ о построении Кием и его братьями града Киева вполне достоверен; в нем речь идет о реальном событии — сооружении первого киевского укрепления.

Датировка
I Киевского городища

Таким образом, сначала на территории Киева существовало несколько поселений, в том числе — три на горах, названных в дальнейшем Киевской, Щекавицей и Хоревницей, а затем на месте одного из них было построено городище, получившее название Киев по имени полянского князя, бывшего инициатором его строительства.

Проблема возникновения названия имеет специальное значение. В частности Б. А. Рыбаков допускает, что славянский князь, о котором идет речь, мог приобрести свое имя в эпических сказаниях от более раннего поселения, где он княжил. Такое предположение возможно, но оно обязательно тянет за собой другие гипотезы. Поскольку этимологическое выведение названия «Киев» от имени «Кий» (а не наоборот) является несомненным, должны были бы признать существование какого-то другого Кия, давшего свое имя городу, а уж потом предполагать происхождение, точнее — перенесение имени города на имя реального основателя древнейшего Киевского городища. Не слишком

ли сложный путь? Поэтому считаем, что Кий является настоящим именем полянского князя, с которым летопись связывает строительство городища.

Одним из основных вопросов, который встает перед исследователем начальной истории Киева и от которого зависит решение многих вопросов, является вопрос о времени, когда жил Кий и когда было построено городище. К сожалению, летопись не дает точных указаний: текст легенды помещен в «Повести временных лет» в недатированной части. Это вполне понятно: фольклорные источники никогда не дают точных дат.

Поэтому не можем признать вполне достоверными и даты, приведенные в некоторых последующих источниках. Так, в одной из рукописей XVIII в. читаем: «Бысть основание его (Киева.— М. Б.) в лето от Христа 334» [51, с. 68]. Польский хронист XVI в. М. Стрыйковский называет дату 430 г. [192, с. 368]. Полагаться на эти даты рискованно, они важны лишь как приблизительные ориентиры, указывающие на очень далекие времена, во всяком случае — задолго до середины IX в., откуда имеем твердую хронологию.

Зато в Новгородской летописной традиции существует упорная тенденция относить построение Киевского городища ко времени Олега, Аскольда и Дира, т. е. ко второй половине IX в. Так, в I-й Новгородской летописи легенда просто отнесена к 854 г.— к той же статье, которая рассказывает и о царствовании Михаила III в Византии, и о призыве варягов [135, с. 104—105]. То же самое во II-й Псковской летописи [51, с. 65], а список Археографической комиссии ставит легенду об основании Киева под 6360 г. [852 г.], снова таки подчеркивая синхронность Кия Михаилу III и его матери Ирине [51, с. 66]. Позднее, в варианте, истолковывавшем Кия и его братьев как разбойников, помилованных Олегом и убитых Аскольдом и Диром, соотношения дат и лиц удивительно перепутаны.

Любопытно, что традиция, идущая от киевского (более достоверного) летописания, отразила критическое отношение к новгородской тенденции. Так, Густинская летопись как бы полемизирует с новгородскими летописцами: «Не можем знати, в кая времена и лета княжаши сей Кий, и колико лет княжи, и какова дела и строения и брани его быша, или кто по нем княжаши, имеяше ли сына, или не, и колико лет по нем премину до великого князя Рурика, его же бояре Асколд и Дир княжаху в Киеве; о том бо писания не имама, токмо со вемы, яко по смерти сих братий многая нестроения и междособныя брани быша, возста род на род» [51, с. 67—68]. Таким образом, новгородская версия встречала возражения еще в древние времена, и напрасно А. А. Шахматов соглашался допускать хронологическое сближение Кия, Щека и Хорива с временами Олега [223, с. 320].

Б. А. Рыбаков правильно поставил вопрос о наличии в древнерусском летописании двух политических тенденций: киевской и новгородской, являющихся идеологическим отражением политического соперничества двух городов, в частности стремления новгородской олигархии всячески подчеркнуть особое значение Новгорода в истории Руси, его первенство перед Киевом [163; 142, с. 771—787]. Из этой версии вышло бы, что именно Новгород всегда решал проблему общерусской политической власти и давал Киеву очередного князя (Аскольда—Олега—Владимира—Ярослава).

Очевидно, в этой тенденции есть немало прямой фальсификации: утверждение о новгородском происхождении Аскольда и Дира, приписывание новгородцам особой роли в период княжения Владимира или Ярослава, попытка связать деятельность Игоря и Ольги с новгородскими землями, подстановка Деревской пятины Новгорода вместо Древлянской земли и т. д. Еще А. А. Шахматов показал тенденциозность новгородской летописи [223, с. 171—172 и далее]. В трудах Б. А. Рыбакова эта тенденциозность получила свое убедительное разъяснение.

В новгородской летописной традиции можно заметить стремление принизить само событие основания Киева, лишить его того места, которое оно занимает в Киевской летописи. Характерная деталь: подчеркивание языческого характера идеологии Кия и его братьев [135, с. 105]. В «Повести временных лет» этого подчеркивания нет (хотя само собой понятно, что поляне эпохи Кия были язычниками); наоборот, там сказано, что они были «мужи мудри и смыслени» [с. 13]. Тенденцию принизить основателей Киева видим и в более поздней версии, согласно которой Кий и его братья были разбойниками. Такая версия находила в Новгороде благодарную почву.

Хронологию Новгородской летописи — упрямое стремление подтянуть события, связанные с именем Кия, к максимально позднему времени, к середине или даже концу IX в. — следует рассматривать как проявление той же тенденции. Новгородским летописцам нужно было во что бы то ни стало доказать, что Новгородское княжество древнее Киевского, а легенда о Кие и его братьях решительно мешала этому. Лучшего выхода из положения, как изменение хронологии, найти они не смогли.

К сожалению, археологические материалы не дают возможности точно определить время сооружения городища. Но найденная на дне рва лепная керамика VIII в. свидетельствует о том, что в то время городище Кия уже существовало, а сооружено оно было еще раньше. В этом видим безусловное подтверждение данных «Повести временных лет» и опровержение данных Новгородской летописи об отнесении

деятельности Кия к середине IX в. Для более точной датировки события необходимо искать иные пути.

Эти пути намечены Б. А. Рыбаковым в нескольких работах, посвященных началу Киева и Киевской Руси [161; 162, с. 58—66; 142, с. 773—780]. Они заключаются в определении времени, не ранее и не позже того, когда могло иметь место интересующее нас событие.

Верхний хронологический рубеж довольно точно определяется на основании нескольких данных, взаимно проверяющих друг друга. Это — приход болгар на нижний Дунай, появление белых угров в Европе, борьба славян с аварами [151, с. 14]. Болгары появились на Дунае около середины VII в. н. э., а приход белых угров приходится на время около 640 г. (правление Ираклия). Имя этого императора названо в летописи и в связи с рассказом о борьбе славян с аварами, что, в свою очередь, подтверждает ту же дату: середину VII в. Следовательно, деятельность Кия, в том числе и построение древнейшего Киевского городища, не может быть отнесено к более позднему времени. Эта дата находит свое подтверждение и в иностранных источниках (в частности в армянских, о чем подробно ниже).

Более сложным является определение нижнего хронологического рубежа: из событий, упомянутых «Повестью временных лет» перед рассказом об основании Киева, к территории Руси имеет отношение лишь одно: посещение киевских гор апостолом Андреем. Но этот факт вряд ли может быть взят за основу хронологических соображений. Здесь на помощь приходят другие данные, связанные с рассказом о деятельности самого Кия: сообщение о приеме Кия византийским императором и попытке основать городище в низовьях Дуная. И то и другое было возможно лишь в течение сравнительно короткого отрезка времени.

Непосредственный контакт славянского князя с византийской администрацией не мог иметь места раньше времени Юстиниана I [527—565 гг.]. До этого времени славяне хотя и были среди тех «варваров», которые беспокоили северные границы империи в III—V вв., но для византийцев оставались закрытыми общим именем «скифов», «готов», «гуннов». Это было бы невозможным, если бы славянские князья вступали в непосредственные связи с византийским правительством и принимались при императорском дворе.

Решительным образом обстановка меняется со времени Юстиниана I, когда славяне начинают широкое наступление за Дунай, в пределы византийских владений. Но и тогда, в первой половине столетия, прием славянского князя при дворе императора кажется маловероятным, поскольку славяне в то время выступают, главным образом, как враги Византии и встречаться с ними византийцам приходилось в основном на поле брани. Между тем летописное сообщение о пребывании

Кия в Царьграде оставляет впечатление очень сердечных взаимоотношений славянского князя с императором и вероятности какого-то славяно-византийского союза, невозможного в начале славянской экспансии против Византии.

До 550—551 гг. стычки славян с Византией имели характер отдельных вторжений, ограниченных во времени. До войны 550—551 гг. славяне ни разу не оставались в пределах Византии на зиму; впервые это случилось во время названной войны [Proc. III, 40, 33]. С того времени славяне активно колонизируют византийские земли, что приводит к славянизации значительной части Балканского полуострова. Теперь взаимоотношения славянской общественной верхушки с византийской администрацией становятся вполне вероятными, но касаются они тех славян, которые оседали на византийских землях. Киев и Приднепровье здесь ни при чем.

Нам кажется, что историческая обстановка, наиболее соответствующая истории Кия, возникла в период аваро-славянских войн — после образования в 568 г. в Среднем Подунавье аварского каганата. Эти войны тяжело отразились на положении славянских племен, в частности восточных: по словам Менандра, «властители антские попали в тяжелое положение и утратили свои надежды». [Mep., 247]. Отклики об аваро-славянских войнах и тяжелых последствиях их для восточных славян находим и в древнерусских летописях [151, с. 14].

В этих условиях политическое положение восточных славян-антов коренным образом меняется: если до этого они выступали преимущественно как враги Византии, то теперь создаются условия для союзнических отношений между ними и империей, которая также очень терпела от аваров, ведя с ними тяжелые и продолжительные войны. О том, что во времена аварских войн анты выступали союзниками Византии, имеем конкретные показания источников. Так, анты были союзниками ромеев во время войны 602 г., в связи с чем аварский каган направил против них специальное войско под начальством Апсиха [Theoph. Sim., VIII, 5, 13]. Вот в это время, т. е. в конце VI — начале VII в., и мог Кий, вероятней всего, быть принятым императором.

Фигура Кия вполне отвечала бы образу антского князя, который, потерпев поражение от аваров, был вынужден искать убежища на стороне. Его попытка осесть на Дунае — вблизи границы союзной Византии — кажется вполне закономерной, как и ее неудачные последствия. Ведь славянские племена Подунавья прежде всего испытали влияние аварского каганата; имеем ряд данных о том, что подунайские славяне во второй половине VI в. были союзниками аваров [Theoph. Sim., I, 7, 1—6; VI, 3, 9; VI, 4, 1—12; VIII, 3, 13—15].

Из числа восточнославянских (антских) земель именно Среднее Приднепровье было тем районом, где Кий мог основать новый центр

политического объединения, поскольку оно, как наиболее отдаленный от аварского каганата район восточнославянской территории, менее всего пострадало от аварских набегов. Б. А. Рыбаков на базе внимательного изучения письменных и археологических источников показал древнейшее ядро будущей Руси, существование которого приходится именно на VI—VII вв. н. э., в области Среднего Приднепровья [161]. Археологическим эквивалентом этого ядра является очень яркая группа памятников, выделенная на основании характерной серии ювелирных изделий (так называемая культура пальчатых фибул). Блестящее развитие ювелирного ремесла является показателем общего состояния среднеднепровских племен VI—VII вв.; не имея решающего значения в системе производства, оно не могло бы развиваться так блестяще в обществе, испытавшем общий упадок.

Следовательно, славянские племена Среднего Приднепровья в VI—VII вв. переживали не регресс, а подъем. Поэтому именно здесь и мог возникнуть центр, вокруг которого началось постепенное объединение восточнославянских племен.

Таким образом, совокупность данных позволяет сделать вывод, что деятельность Кия, а вместе с тем и построение Киевского городища, приходится на отрезок времени между 60-ми годами VI и 30-ми годами VII в.— хронологическая точность вполне достаточная, поскольку строительство укреплений вообще является делом довольно продолжительным и никогда не укладывается в рамки нескольких лет.

Перейдем к археологии, подтверждающей наши выводы. Середина I тысячелетия н. э.— наименее исследованный период в истории восточных славян. Археологические источники, характеризующие эту эпоху, до сих пор выступают односторонне: как это ни странно, больше всего этот период известен нам на основании находок ювелирных изделий. Лишь в последнее время начинают исследоваться поселения и могильники, однако характер их и до сих пор остается не совсем ясным.

Находки датирующих вещей VI—VII вв. в древнейшей части Киева случались неоднократно. Все они концентрируются в районе протокиевского гнезда поселений, подтверждая его существование и в середине I тысячелетия. Ряд вещей этого времени, в частности, был найден на территории Старокиевской горы и в соседних районах нагорного города.

В 1893 г. в коллекцию Н. Леопардова поступила бронзовая зооморфная фибула, найденная на Мало-Житомирской улице [147, с. 36; 102, с. 76]. Абсолютно идентичная фибула найдена на Пастырском городище VII—VIII вв. Сходство обеих фибул позволяет предполагать их выход из одной мастерской и даже из одной и той же литейной формочки.

Тогда же в коллекцию Леопардова поступил серебряный браслет с пустыми утолщенными концами (VII в. н. э.), найденный там же [147, с. 36; 102, с. 76]. Условия находки этих двух вещей остались неизвестными; то, что в коллекцию они попали вместе и место их находки обозначено одинаково, позволяет предполагать, что они происходят из одного комплекса. Наиболее правдоподобно, что это — часть клада, закопанного на склоне Крещатой долины жителями уже известного и послеперелитта Стрелецкой горе.

В том же 1893 г. в Верхнем городе во время земляных работ была найдена пальчатая фибула VI в. [218, с. 56] среднеднепровского типа, с пятью лучами на верхнем щитке, изготовленная способом литья и украшенная спиральными узорами, очковым орнаментом и точками.

В конце XIX в. в районе Старого города, «за Софийским собором», были найдены два серебряных браслета с утолщенными шестигранными концами [218, с. 103; 102, с. 77]. Такие браслеты неоднократно попадались в комплексах VII—VIII вв. в разных районах Приднепровья — на том же Пастырском городище (33), в составе Харевского клада на Сумщине [18] и т. д. Можно считать, что киевские браслеты происходят из днйя тткл, - ртого на южной периферии того же поселения.

В 1905 г. в Киевский музей поступили еще пять серебряных браслетов [102, с. 77—78]. Три из них имели шестигранные утолщенные концы без орнамента, два — концы очень утолщенные, круглые, орнаментированные по краю двумя полосами насечки. К сожалению, точное место находки не отмечено; известно лишь, что они подарены музею Е. М. Терещенко. Как установлено Г. Ф. Корзухиной, в Киеве в то время существовали три усадьбы Терещенко, одна из которых находилась на Бибиковском бульваре (ныне бульвар Шевченко), а две другие — в районе Старого города на Бульварно-Кудрявской ул. (ныне ул. Воровского) и на Стрелецкой ул. Вернее всего эти находки связывать с территорией Старого города, а поскольку Стрелецкая улица проходит именно «за Софийским собором», то не исключено, что описанные пять браслетов происходят из той же самой находки, что и браслеты, попавшие в коллекцию Хойновского.

Отметим находку пяти золотых бляшек в форме круглых розеток, богато украшенных зернью и инкрустацией, датированных временем около V в. н. э., которые попались на углу Житомирской и Владимирской улиц, т. е. в центре Старокиевской горы [3, с. 187; 69, с. 48; 92, с. 80—81]. Во время раскопок В. В. Хвойки на Старокиевской горе

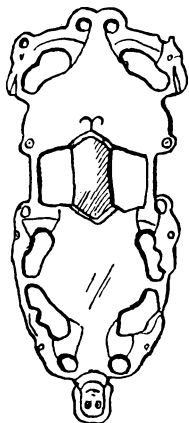

Рис. 17.
Зооморфная фибула с Мало-Житомирской улицы.

был найден обломок бронзовой фибулы с красной выемчатой эмалью [92, с. 81]. Она принадлежит к характерной группе древностей, распространенных в Среднем Приднепровье в V—VI вв.

Описанные находки свидетельствуют, что в V—VIII вв. н. э. жизнь на Старокиевской горе не прекратилась и что поселение, возникшее здесь же во времена зарубинецкой культуры, продолжало существовать и во времена сооружения древнейшего Киевского городища.

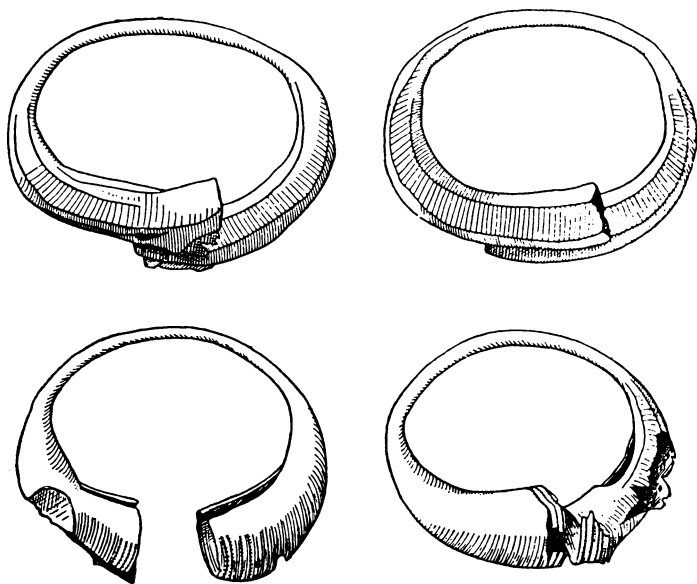

Рис. 18. Браслеты VI—VIII вв. н. э. со Старокиевской горы.

Точно так же продолжало существовать и поселение на Замковой горе. Выше остатков зарубинецкой культуры со следами черняховской (начало и первая половина I тысячелетия н. э.) залегали слои с материалом середины и второй половины I тысячелетия н. э., документированные обломками керамики трех основных типов [160, с. 147; 225, с. 138—140]. Первый — составляют обломки неорнаментированных горшков с почти прямыми или чуть-чуть отогнутыми краями. Эта керамика имеет название пражского или корчакского типа и в VI—VII вв. была распространена в славянской культуре от Чехии на западе до Полтавщины на востоке и от Прибалтики на севере до Болгарии на юге. Второй тип керамики представлен банкообразными или горшкообразными сосудами, которые лепились вручную либо изготовлялись

на гончарном круге и нередко украшались линейным или волнистым орнаментом, нанесенным гребенчатым штампом. Наконец, третью группу находок представляли обломки характерных глиняных сковородок, которые появились у восточных славян еще в первые столетия новой эры, но особенное распространение получили во второй половине I тысячелетия н. э.

На Замковой горе были найдены две византийские монеты — медные фолисы императоров Анастасия [498—518 гг.] и Юстиниана I [527—565 гг.] [160, с. 147]. Эти монеты, безусловно, свидетельствуют, что поселение на Замковой горе существовало в V—VI вв. [225, с. 138—140]. Следует отметить также находки вещей, хорошо датированных VI—VII вв. н. э. Это двуручный привозной амфориск с желобчатым туловищем и бронзовая подвеска в форме якорька, характерная для среднеднепровских древностей указанного времени.

К VI—VII вв. относятся первые находки, свидетельствующие о наличии человеческой жизни на Щекавице. В 1897 г. на выставке Киевского общества древностей искусств экспонировалась найденная здесь потиновая антропоморфная фибула, сигнализирующая о том, что и на этой горе существовало поселение в середине I тысячелетия н. э. [208, с. 13].

На Подоле из вещей, которые определенно относятся к VI—VII вв., отметим амфориск, по типу очень похожий на найденный на Замковой горе [148, с. 21]. Чрезвычайно важна находка византийской монеты императора Юстиниана I, чеканенной в 537 г., которая случилась в 1893 г. на углу Константиновской ул. на Подоле [146-а, с. 33]. Монеты этого времени вообще очень редки на территории восточнославянских земель, повторность же находки в Киеве представляет особый интерес. Следовательно, и здесь есть основания утверждать наличие жизни во времена построения древнейшего Киевского городища. На Подоле же был найден интересный горшок [227, с. 172], похожий, с одной стороны, на керамику черняховской культуры, а с другой — на керамику эпохи Киевской Руси. Очевидно, и хронологически он занимает промежуточное место между названными культурными типами и датируется временем второй половины I тысячелетия н. э.

Наконец, необходимо отметить еще одну фибулу VII в., встреченную на территории Киева, но без точных указаний относительно места находки [218, с. 56]. Наиболее правдоподобный район названной находки — Верхний город либо Подол. Это была небольшая антропоморфная фибула, изготовленная из низкопробного серебра, «с прорезным орнаментом» и изображением женских торсов на концах.

Таким образом, находки вещей VI—VII вв. на территории древнего Киева не так уж бедны, как это обычно принято думать. Особенно надо подчеркнуть, что они имеют очень яркий и выразительный характер.

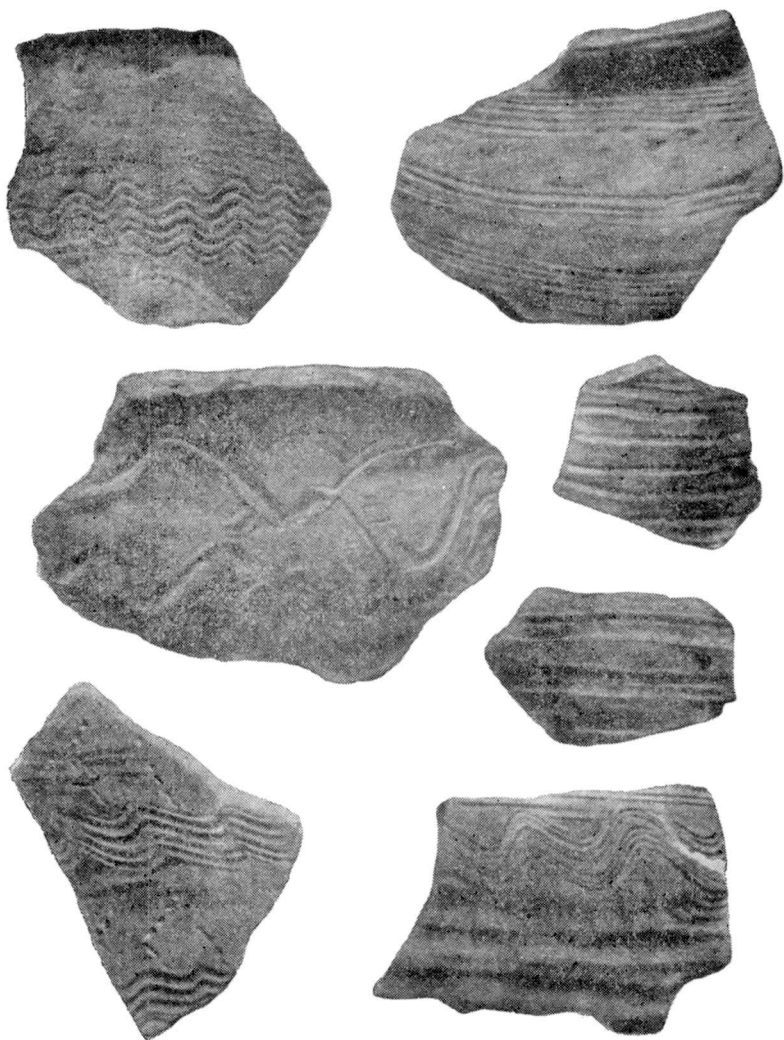

Рис. 19. Керамика второй половины I тысячелетия н. э., найденная на Замковой горе.

Ювелирные изделия при археологических раскопках никогда не бывают массовым, рядовым материалом, как, скажем, черепки битой посуды или кости животных. Обратим внимание, что предыдущий период, представленный материалами культуры полей погребений, на территории Киева почти совсем не дал ювелирных изделий, а те, что были найдены, попадались в погребальных комплексах.

Совсем иную картину видим в VI—VII вв.: находки драгоценных ювелирных вещей найдены здесь в количестве свыше полутора десятка, причем происходят они не из погребений, а из культурных слоев либо (возможно) из кладов. Это свидетельствует, с одной стороны, об интенсивности жизни в Киеве в это время, а с другой — о том, что среди киевского населения того времени были представители зажиточных слоев общества, что наилучшим образом вяжется с представлением о Киеве VI—VII вв. как о раннем политическом центре Среднего Приднепровья.

Выразительной является топография описанных находок: все они увязываются именно с тем районом современного города, где в начале новой эры возникла протокиевская группа поселений, где в VI—VII вв. локализируются жилища трех легендарных братьев — основателей Киева, а в период Киевской Руси находился центр города. Речь идет о Старокиевской горе, где находки, подобно вееру, очерчивают полукругом площадку, занятую древнейшим поселением: Замковую гору, Щекавицу, Подол. Подчеркнем, что находки VI—VIII вв. фиксируют наличие человеческой жизни на всех трех горах, связанных с именем Кия, Щека и Хорива. Можно ли требовать более яркого материального подтверждения достоверности летописной легенды?

Наличие в летописной легенде об основании Киева фольклорных наслоений не вызывает сомнений. Поэтому важнейшим вопросом, который, однако, в литературе по сути еще не поставлен, было бы отыскание в дальнейшей фольклорной традиции элементов этих преданий.

Но напрасно стали бы мы искать в восточнославянском эпосе рассказов о самом основании Киева. Их нет. Возможно, они когда-то и были, но не сохранились в более поздней традиции, которая, как известно, все события (независимо от их действительной хронологии) стремилась увязать со временем княжения Владимира Святославича, когда Киев был уже известной и признанной во всем мире столицей.

Однако имеется, по меньшей мере, один элемент, который не может не заинтересовать нас, а именно: рассказы о царице Лебедь¹. В них видим реминисценцию образа Лыбеди, которая названа в летописной

¹ Трансформация имени «Лыбедь» в «Лебедь» фиксирована еще в XVI в. Стрыйковским (см. ниже).

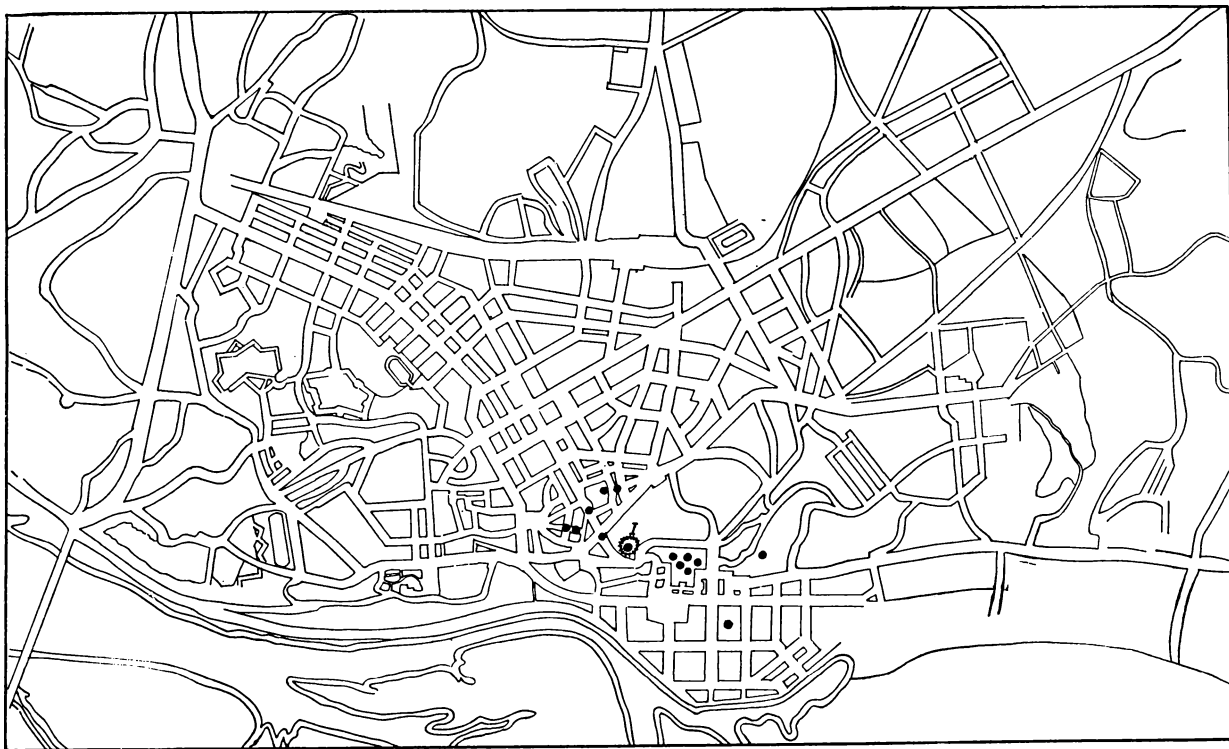

Рис. 20. Топография находок второй половины I тысячелетия н. э. на территории
Киева (1 — древнейшее Киевское городище).

легенде сестрой трех братьев — основателей Киева. Пересказы этих тем важнее для нас, что, как увидим далее, находят свое отражение в фольклоре некоторых других народов, с которыми славяне поддерживали связи во времена раннего средневековья.

Образ Лыбеди-Лебеди выступает в двух былинных циклах: о Михайле Потыке и об Иване Годиновиче [141], которые, по признанию исследователей, являются древнейшей частью восточнославянского эпоса [156, с. 105]. Варианты существуют разные, но основное ядро кажется вполне очевидным. История Лебеди — это история неверной жены.

В первом цикле выступают три брата: Илья Муромец, Добрыня Никитич и Михайло Потык (вариант: Михайло Потык, Добрыня и Алеша Попович). Князь Владимир посылает их собирать дань либо на охоту. Выполняя его поручение, Михайло встречает белую Лебедь, которая оказывается девушкой, и берет ее себе в жены. Однако жена бросает Михайла и убегает с иностранным королем. Михайло ищет ее, но подвергается напасти (превращается в камень, распинается и т. д.). Два брата едут мстить за Михайла; находят его, оживляют. Заканчивается рассказ казнью неверной жены и возвращением Михайла в Киев.

Былина усложнена дополнительными сюжетными мотивами (история смерти Лебеди, пребывание Михайла под землей, его битва со змеей, оживление умершей, история второго похода Михайла, его состязание с бусурманским царем в шашки, неоднократное покушение на жизнь богатыря со стороны его неверной жены и т. д.). По-разному подаются имена героев и география событий. Несколько имен имеет героиня: иногда ее зовут Марией, иногда Авдотьей, а то и Настасьей (в других вариантах Настасьей названа дочь короля, с которым убегает Лебедь).

Но независимо от христианского имени, которое сказители считали необходимым дать своей героине, последняя всегда называется Лебедью («Лебедью белой»). Во многих вариантах это название приобретает аллегорическую форму: девушка действительно появляется в виде лебедя. Но не всегда, хотя имя сохраняется непременно. Очень интересен вариант А. Тимофеева [141, т. 1, с. 351 и далее], в котором Мария-Лебедь предстает перед Михайлом в образе лани. Стало быть, здесь мотив превращения совсем не связан с именем, выступающим без всякой аллегоричности. Отсюда вывод, что название героини — Лебедь — возникло отнюдь не из этого мотива, а наоборот, сам мотив, вероятно, был привлечен для объяснения двойственности имен. Во всяком случае нет сомнений, что имя Лебедь существует в этом предании независимо от сюжетных деталей.

Встреча Лебеди с Михайлом происходит то на Подолии, то в Швеции, но древнейшим (и наиболее близким к первоначальному прото-

типу) был, вероятно, вариант, согласно которому герой былины знакомится со своей невестой где-то вблизи самого Киева. Может и название героини «подолянка» происходит не от Подолии, а от киевского Подола.

Как известно, былины Киевского цикла имеют в своей основе немало исторических моментов, которые, однако, в течение столетий претерпели очень серьезную деформацию. Поэтому не будем удивляться, что и в легенде о Михайле Потыке выступают Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, князь Владимир, а то даже и «Король политовский» и «Королевна-Подолянка» — явная интерполяция более поздних времен, которая, впрочем, важна как указание на южнорусское происхождение былины.

Второй цикл рассказов, где выступает интересующий нас образ, подвергся еще большей деформации. Сюжет его, в конечном счете, очень похож на сюжет первого цикла (хотя и сильно упрощен) и кратко сводится к таковому. Киевский богатырь Иван Гоудинович едет сватать девушку, но отец ее отказывает на том основании, что она уже просватана за иностранного (поганого) царя. Иван берет ее силой, но терпит от жены беду: она изменяет ему со своим первым женихом. Заканчивается былина, как и рассказ о Михайле Потыке, мстью оскорбленного мужа: он отрубает жене сначала руки, затем ноги и в конце концов губы (реже — голову).

Этот рассказ также существует во многих вариантах, различающихся деталями. По-разному названы герои, разной является и география событий. В большинстве вариантов Иван едет за невестой в Чернигов, в других — в Золотую Орду, даже в Данию. Отец невесты иногда оказывается купцом, а то и князем. Соперником Ивана Гоудиновича выступает то царь Кашей (Кашерище), то царский сын (татарин) Федор Иванович, то Одолище (Идолище) и т. д. Но имена невесты тождественны именам невесты Михайла Потыка: Мария, либо Авдотья, либо Настасья. Это — не случайно: и здесь и там речь идет об одном и том же персонаже.

Второе имя — Лебедь — выступает далеко не во всех вариантах, хотя есть и такие, где героиня прямо названа Лебедью. Один из таких вариантов, в котором действует Авдотья Лиховидиевна — Лебедь белая, приводит П. В. Киреевский [145, с. 9—19]. В других вариантах этот мотив существует в редуцированном виде; например, подчеркивается «лебединая речь» невесты [141, т. II, с. 591, 624 и др.]. Интересный вариант записан от Т. Г. Рябинина; в нем имеется такой эпизод: коварная Настасья, предав Ивана Гоудиновича и привязав его с помощью Федора Ивановича к дубу, требует от своего любовника, чтобы он убил для нее пролетающую мимо Лебедь. Тот стреляет, но стрела возвращается обратно и убивает стрелка [141, т. II, с. 103]. Здесь

образ Лебеди и неверной жены раздваивается и из обидчицы Лебедь превращается в мстительницу. Этот редкостный вариант может свидетельствовать о том, что в основе былины действительно лежит прототип, испытавший весьма серьезную переработку.

Эти фольклорные мотивы, как увидим далее, еще в древности проникли в творчество некоторых других народов.

**Киевская легенда
у западных славян**

Легенда об основании Киева вскоре после своего возникновения вышла за пределы Руси и распространилась среди соседних народов, в первую очередь среди западнославянских. Фольклорно-историографические связи восточных и западных славян находят свое отражение в явлениях разного плана, в пластах разной глубины, отражающих соответственно и связи разного типа и разной степени. Так и киевская легенда в своем книжном варианте попала на страницы западнославянских исторических произведений: все славяне интересовались прошлым своих братьев. Поэтому в древнерусских летописях находим сведения и о польских, и о чешских, и о болгарских славянах, а в литературе других славянских народов находим сведения о Киеве и восточнославянских древностях.

Выдающийся польский средневековый хронист Ян Длугош приводит подробное изложение легенды «Повести временных лет», добавляя к ней некоторые детали, отсутствующие в оригинале. «Киев был основан одним из князей племени поляков² и получил свое название от его имени. Этот знаменитый город с множеством церквей, в том числе и кафедральной, расположен на славной реке Борисфен — Днепр... Среди них (поляков — полян.— М. Б.) были три мужа от одного отца и того же самого племени — Киг, Щек, Корив и четвертая сестра, лица так же превосходящие (других) мудростью как и мужеством, благодаря чему легко добились первенства над племенем, а других подчинили своей власти, и превратили во вторую трибу и включили в свое господство. Они построили три замка в Руси, назвав их своими именами, а именно: Киг построил замок над рекой Непр, названный Киов, Щик — Щикавицу и Корев — Коревицу, и были они склонны к язычеству и другим суевериям; пруды, озера, ключи, воды почитали как богов» [66, с. 40].

Подробное изложение легенды об основании Киева находим и у другого польского хрониста — Матвея Стрыйковского: «Тот Кий, или Киг, Щек и Корево, князья русские, были родными братьями, а четвертая сестра их Лебеда, или Лебедь, из народа и потомства Яфетова и Мосохова, сына его. А те, господствуя над русскими народами, начали закладывать и строить оборонительные города и замки. Кий, или

² Очевидно ошибка Длугоша: Polonorum вместо Polanorum.

Киг, старший, заложил замок и город Киев от своего имени над рекой Днепр, где потом была глава и славная столица единой державы русского. Второй брат Щек недалеко от Киева построил замок и город на горе Щекавица, от своего имени. Также Корево, третий их брат, заложил в своем удельном княжестве Коревицу, которую затем называли Вышгородом. А сестра их Либеда над рекой Либедой основала свое поселение, там же замок Либец, или Любеч, построила на высоком холме» [192, с. 112].

В этих текстах видим некоторые расхождения в сравнении с древнерусскими. В частности, здесь речь идет о построении не одного, а трех и даже четырех замков, причем названия Щекавица и Хоревца отнесены не просто к горам, а к построенным на них градам. Это отличие, очевидно, является редакторским домыслом хронистов, которые довели трехчленность легенды до крайности, но эта поправка стала версией, нашла отклик и в поздних восточнославянских источниках, например, в киевском «Синописе», где тоже имеются сведения о построении четырех городов. Однако эта версия не находит себе подтверждения в фактическом материале: археологически засвидетельствовано наличие лишь одного городища в Киеве середины I тысячелетия н. э.: ни на Замковой горе, ни на Щекавице никаких следов фортификационных сооружений не обнаружено.

Западнославянские параллели

Но есть и более глубокие отношения, которые нельзя трактовать иначе, как взаимосвязь между традициями фольклорными, уж никак не связанными с книжной мудростью. К таким фактам относится распространение названия «Киев» или родственных с ним имен на землях западных славян. Вспомним название местности Куявы в средней Польше, к которой относятся древнейшие легенды об основании Польского государства. Здесь, в сердце Куяв, находится знаменитое озеро Гопло, на берегу которого расположена Крушвица — город легендарного Попеля, чья фигура занимает в польском фольклоре такое же место, как фигура Кия в фольклоре древнерусском.

Здесь, в Куявах, имеем несколько населенных пунктов с именами, близкими Киеву. На северной окраине Куяв (земля Хелминская) имеется очень древнее село Киево; в XIV в. здесь был построен каменный костел, следовательно, в это время село было уже значительным населенным пунктом. С таким же названием существуют села в Иновроцлавском уезде, а в Срэдском (земля Ленчицкая) — даже два. В Иновроцлавском уезде известен населенный пункт Киевица и село Киевская Воля. На территории Пинчовского уезда (Средняя Польша) находится село Кияны, засвидетельствованное еще Длугошем, и село Кии, которое существовало по крайней мере в первой половине XII в. (там в 1140 г. была построена церковь).

Село с названием Киев известно над р. Вартой в уезде Ново-Радомском (Средняя Польша). В Мазовше есть село Киевицы (уезд Прашинский), а в районе Ченстоховы находим фольварк Кияс, чье название, вероятно, происходит от того же имени Кий. В Силезии (ныне воеводство Опольское) существует село Киев.

Сосредоточение топонимики с этим корнем в основе именно в Средней Польше, где наиболее активно происходил процесс формирования древнепольского государства, очевидно, не является случайным. Отметим, что именно с этой территорией связывается и польское племя полян, имя которого является параллелью нашим среднеднепровским полянам и которое дало этническое имя современному польскому народу.

Но распространение топонимических названий с корнем «Кий», «Киев» в основе не ограничивается Средней Польшей, а охватывает почти все западнославянские земли. Так, на западной Волыни имеем село Кияны (быв. Любартовский уезд); еще два села с этим же названием известны в славянских (южных) районах Литвы (быв. уезды Виленский и Росиенский). В Мазурах есть село Киево, известное из источников XVI в. Два села с одинаковым именем Киевец находятся в уездах Слупецком и Бяльском. В Галиции в с. Кривицы вблизи Перемышля есть урочище с названием Киев. Следует отметить еще город Киев в Моравии, село Киев в Венгрии, а также село Кий в сербской Лужице.

Распространение топонимики с корнем «Кий», «Киев» свидетельствует не только о той выдающейся роли, которую днепровский Киев играл в общеславянской истории, но и о наличии каких-то общих тенденций в области осмысления процессов, происходивших на рассвете государственной жизни как у восточных, так и у западных славян. Ведь возникновение некоторых из перечисленных имен приходится на весьма древнее время. Тем важнее, что в сфере самых ранних западнославянских фольклорных преданий о началах первых древнеславянских государств находим моменты, общие с восточнославянской легендой о Кие, Щеке и Хориве.

Речь идет не о прямом заимствовании этой легенды (либо отдельных ее мотивов) западнославянскими народами и о приспособлении ее к конкретным условиям возникновения Чешского, Польского и других государств. Если Длугош и другие хронисты внесли варианты киевской легенды на страницы своих фолиантов, то сделано это было в плане освещения истории древнерусского (а не польского) государства.

Но в легендах о возникновении западнославянских государственных объединений и тех городов, вокруг которых эти объединения создавались, находим нечто общее с киевской легендой. Это позволяет

более критически рассмотреть летописную традицию и помогает отделить в ней историческое ядро от фантастических наслоений. Однако необходимо иметь в виду, что некоторые детали могут оказаться общими не столько вследствие использования общераспространенных литературных сюжетов, сколько вследствие отражения общих условий исторического развития, продиктованных эпохой перехода от первобытнообщинного к феодальному строю. Поэтому не все общее в восточно- и западнославянских преданиях обязательно составляет наносной мифологический пласт. В частности, это касается самого главного — проблемы построения города.

Строительство «градов» легендарными основателями славянских государственных объединений является общим местом славянского фольклора. Первая польская (куявская) столица — Крушвица по преданию была основана Попелем, первая столица Великопольского княжества — Гнезно — Пястом, родоначальником первой династии польских князей.

Основателем Кракова был Кракус, с именем которого связывают большой курган на окраине современного города. Вспомним также чешские легенды о Чехе и Лехе, которые строили свои грады на горах северной Чехии, а особенно — легенду о Либуше и основании Праги, рассказанную Козьмой Пражским [101, с. 36—37, 45—47].

Эта последняя легенда представляет для нас особенный интерес. После смерти Чеха народ пригласил к власти старейшину (или князя, в других вариантах — судью) Крока, имя которого не может не вызывать ассоциации с именем основателя другой славянской столицы — Кракуса. Крок отличался мудростью и справедливостью, а умирая, оставил трех дочерей: Кази, Тету и Либуше. Они разделили власть и каждая из них построила свой град на горах: Кази — град, который от ее имени прозвался Казин, Тета — град Тетин, а Либуше — град Либушин. Позже она заложила на горе в трех километрах выше по течению Влтавы новый большой град — Прагу.

В этой легенде также видим триумвират; правда, действующими лицами здесь выступают не братья, а сестры, что заставляет задуматься, не является ли это указанием на более древние фольклорные традиции с пережитками матриархата. Каждая из сестер строит свой замок на своей горе, а младшая (здесь снова отличие от киевского предания) основывает будущую столицу Чешского государства. Сама Либуше предстает перед нами как своеобразный двойник Кия, а вместе с тем и его сестры Лыбеди, так, как само имя ее выступает репликой имени приднепровской киевлянки: уменьшительная форма имени Лыбедь на западнославянский манер должна звучать как «Либуше».

Или взять легенду об основании Кракова легендарным Кракусом, деятельность которого принято относить к VII в. Археологическое

исследование кургана, связанного с его именем, хотя и не было доведено до конца, однако увенчалось неожиданным успехом: в насыпи кургана была найдена пряжка, которая позволяет относить время сооружения кургана именно к VII в. Первое появление человека на месте современного Кракова относится еще к эпохе палеолита, дальше почти все эпохи так или иначе оставили здесь свои следы; начиная от рубежа новой эры можно говорить о непрерывном существовании жизни на холме Вавель, — там, где позже возник Краковский замок, ядро будущего города. Возникновение Вавельского замка где-то около VII в. в краковской легенде усложнено мотивом драконоборства, очень распространенным в раннесредневековом фольклоре (вспомним Зигфрида-драконоборца из древнемецкой поэзии, англосаксонского Беовульфа, скандинавского Сигурда и т. д.). Не является ли версия о том, что Кий, Щек и Хорив были звероловами, завуалированной репликой этого же мотива? Не можем не вспомнить, кстати, и мотив змееборства в былинах о Михайле Потыке.

Связи, которые обнаруживаются в фольклорных преданиях славянских народов, очевидно, имеют разный характер, и, соответственно, разное объяснение. Во-первых, речь идет об отражении в памяти разных народов какого-то одного конкретного события, историческая реальность которого стоит вне сомнения (как, например, деятельность Кия). В этом плане найдет свое объяснение не только факт включения в западнославянскую хронику подлинных вариантов киевской легенды, но и распространение географических имен с корнем «Кий», «Киев». Во-вторых, здесь обнаружится процесс фиксации (и переработки) народным воображением сходных, параллельных явлений, которые имели место у разных славянских народов (процесс распада первобытнообщинных отношений, образование общественной верхушки, начало возникновения градов и объединение вокруг них тех или иных земель и т. д.).

Наконец, имеем общеславянские (а то и более широкие) мотивы, которые в разных вариантах легенды могли найти свое отражение в разных фольклорных традициях и тем самым усложняли реальное историческое ядро в основе каждой из конкретных легенд фантастическими наслоениями. Сюда относим и мотив двух или трех основателей, который, в конце концов, так ярко проявляет себя в легендах о строительстве, и мотив драконоборства, и совпадение имен Лыбуше — Лыбедь, и, надо полагать, другие детали, которые еще ожидают специального исследования.

Армянский вариант легенды Легенда об основании Киева тремя братьями — Кием, Щеком и Хоривом перекочевала и в другие, неславянские страны, где, подвергаясь определенной переработке и развитию, нашла свое отражение в местных источни-

ках. В частности, большой интерес представляет армянский вариант легенды, который давно уже стал объектом внимания исследователей благодаря специальной работе акад. Н. Я. Марра, посвященной сравнению обоих произведений [120]. Этот вариант не только подтверждает весьма ранние фольклорные связи между Русью и Кавказом, но и помогает понять некоторые элементы восточнославянского предания о возникновении древнерусской столицы — Киева.

Армянский вариант киевской легенды находим в «Истории Тарона» Зеноба Глака. Точная дата создания этого труда неизвестна: раньше его относили к IV в., Н. Я. Марр — к VI. Новейшие исследования склоняют историков к принятию даты VIII в. [2, с. 347—348].

Зеноб Глак рассказывает: «Деметр и Гисаней были князья индов и братья племенами. Они замыслили против царя своего Динаскея козни, узнав об чем, царь послал за ними (с наказом) или убить их, или изгнать их из страны. Оказавшись на волосок от смерти, они искали убежища у венценосца Валаршака, и он пожаловал им землю Тарон с правом владеть, где они построили город и назвали его Вишап. Придя затем в Аштишат, они поставили здесь идолов по именам тех идолов [Деметра и Гисанея], которых они почитали в Индах. Спустя пятнадцать лет (армянский) венценосец убил обоих братьев, не знаю из-за чего, и дал власть трем их сыновьям — Куару, Мелтею и Хореану, а Куар построил город Куары, и назван он был Куарами по его имени; а Мелтей построил на поле том свой город и назвал его по имени Мелтей, а Хореан построил свой город в области Палуни и назвал его по имени Хореан. И по прошествии времен, посоветовавшись, Куар и Мелтей и Хореан поднялись на гору Каркея и нашли там прекрасное место..., так как были там простор для охоты и прохлады, а также обильные травы и деревья, и построили они там селение, и поставили они двух идолов, одного по имени Гисанея, другого по имени Деметра» [120, с. 60].

В этом рассказе в сравнении с летописной легендой есть немало нового: здесь выступают два индских князя, которые были якобы предками трех братьев-строителей, а само строительство имеет три этапа. Очевидно, древнерусская легенда, попав на армянскую почву, подверглась основательной переработке с привлечением легендарных элементов совсем иного происхождения. Отсюда возникли и индские князья с греческими именами, и мотив их борьбы с царем Динаскеем, и их отношения с армянским царем Валаршаком, и нерусские имена: Тарон, Каркея, Вишап и т. д. Но сквозь этот чужеродный элемент древнерусская основа легенды выступает довольно явственно. Речь идет не только об общем сюжетном сходстве, но и о совпадении многих характерных деталей.

Ведь Куар армянского варианта — это Кий древнерусского пре-

дания; Хореан соответствует древнерусскому Хориву; три «города», построенные тремя братьями армянской легенды и названные их именами — трем горам, на которых жили три легендарных основателя Киева, которые также были названы их именами и которым соответствовали конкретные поселения. Страна Палуни, где строил свой город Хореан, тождественна стране Полян, в которой был основан Киев. Город, построенный сообща тремя братьями, соответствует Киеву, а поросшая деревьями гора Каркея, выгодная своей прохладой и охотничьими угодьями, невольно будит ассоциацию с известными «горами Киевскими»³, которые все время фигурируют в древнерусских летописных текстах как центр общественной жизни древнерусской столицы. Даже воспоминания об идолах, поставленных Куаром, Мелтеем и Хореаном в основном ими городе, находят параллель в подчеркивании язычества трех братьев и подтверждаются наличием известного киевского капища (подробно о нем в следующей главе).

Определенные ассоциации будит и общий фон рассказа. Вспомним историю Кия: что-то (очевидно, аварское нашествие) мешало ему княжить; он искал поддержку у византийского императора, старался (но неудачно) осесть на Дунае, где даже было построил городище, и лишь после того окончательно укрепился на горах Киевских. Подобные перипетии находим и в армянском варианте легенды: за заговор против царя Деметр и Гисаней вынуждены бросить свои земли и искать поддержки у царя Валаршака; они строят город Вишап, но погибают, и уже их сыновья основывают три города, названные их именами. Таким образом, бегство Гисанея и Деметра от Динаскея может быть сопоставлено с началом истории Кия (в таком случае Динаскей соответствует аварскому кагану); прием их у Валаршака — с приемом Кия при византийском дворе; жалование им местности Тарон — с попыткой Кия укрепиться (очевидно, с ведома византийского императора) на Дунае; строительство Вишапа — со строительством Киевца на Дунае; смерть Гисанея и Деметра — с неудачей Кия в придунайских землях; три города, построенные Куаром, Мелтеем и Хореаном — с тремя заселенными горами в Киеве; наконец основание города на горе Каркея — с построением древнейшего Киевского городища.

Два момента как-будто нарушают соответствие между обоими вариантами легенды: во-первых, разница в имени среднего брата, а во-вторых — отсутствие в армянском варианте сестры трех братьев-строителей. Но по мнению Н. Я. Марра [120, с. 56—59], в именах среднего брата вместо фонетического совпадения имеем совпадение семантическое: оба имени — Щек и Мелтей — означают одно и то же — «змей».

³ Ср. выражение летописца: «Бяше около града лес и бор велик, и бяху ловяща зверь...».

Отсутствие же сестры Лыбеди в армянском варианте объясняется тем, что армянский перевод этого имени (Лыбедь — Лебедь — Кагар) оказался слитым с именем третьего брата — Хореана. Эта гипотеза кажется важной, ибо семантика толкования имени Лыбедь как Лебедь (которое фонетически осложнено незакономерностью перехода «ы» в «е») ⁴, засвидетельствована восточнославянским эпосом и древнегерманскими источниками. Параллелизм появления двух иностранных переводов имени Лыбедь, истолкованного как Лебедь, является фактом, источниковедческое значение которого трудно переоценить.

Первый исследователь армянского варианта легенды акад. Н. Я. Марр подходил к ней с позиций своей общетеоретической концепции, главным принципом которой был, между прочим, отказ от конкретно-исторического анализа исследуемого материала. Специальный филолого-языковедческий анализ материала легенды он свел на нет, отвергая возможность отыскания в ее тексте какого-либо исторического ядра, усматривая здесь проявление абстрактной стадияльной идеологии вне пространства и времени, независимой от конкретных условий эпохи и этнографических традиций. По мнению Марра, оба варианта легенды — армянский и древнерусский — должны иметь в основе общий прототип, который он считал довольно древним и связывал со скифо-сарматским миром.

Однако древнерусская легенда находит свое безусловное подтверждение в реальных фактах истории восточных славян и связывается с конкретной эпохой VI—VII вв. н. э., т. е. со временем, весьма близким к той эпохе, когда жил и творил Зеноб Глак. В связи с этим гипотезу Н. Я. Марра относительно скифского происхождения легенды приходится отвергнуть, так же как и предположение о ее заимствовании где-то со стороны. Эта легенда, безусловно, родилась на местной восточнославянской почве. Она, очевидно, возникла вскоре после самого факта построения Киевского городища как народное воспоминание о совершенно конкретном историческом событии, т. е. где-то в VII—VIII вв. Именно в это время она и могла выйти за пределы восточнославянских земель и достичь Армении.

Связи восточных славян с Кавказом, как известно, имеют очень глубокие корни. Существуют свидетельства о войнах армян с северными племенами (хозарами) в VI в. н. э. Надо полагать, что уже в VII в. руссы имели какие-то сношения с Закавказьем. В VIII в., по свидетельству арабского писателя Баладури [49, с. 38], около 20 тыс. славян были переселены арабским халифом в Кахетию. Вспоминая этот факт, Б. А. Рыбаков замечает, что по всей вероятности именно тогда

⁴ Интересно отметить, что и сейчас в народе кроме имени «Лыбедь» в отношении реки существует и вариант «Лебедь» [см. 201, с. 902—903; 123, с. 271].

древнерусская легенда об основании Киева могла стать известной в Армении [162; с. 66; 142, с. 780].

Но, возможно, путь легенды был и иным. С VII—VIII вв. происходила славянская колонизация части византийских земель. Славянские переселенцы не только полностью заселяли северную часть Балканского полуострова, но и проникали на юг Греции, в Малую Азию, даже в Сирию и Восточное Средиземноморье. Так, например, при Юстиниане II в 687 г. значительная часть славян (не менее 100 000 человек) была переселена в Малую Азию [Nic. OH, с. 364; Theoph., с. 278]. В середине VIII в. (762 г.) по данным Никифора 208 тыс. славян обосновали еще одну колонию в Малой Азии [Nic. OH, с. 378]. Армяне также играли весьма серьезную роль в истории Византии того времени, и славянам, которые оседали в Малой Азии и в других внутренних районах империи, безусловно, приходилось непосредственно сталкиваться с ними. Поэтому не менее правдоподобным было бы предположение, что в результате этих контактов древнерусские предания, в том числе и об основании града Киева, могли попасть в армянскую историографию.

Факт занесения древнерусской легенды на страницы произведения армянского писателя VIII в. подтверждает хронологические данные, которые дает нам анализ летописных текстов. Ведь ясно, что событие, о котором рассказывает автор VIII в., не могло произойти позднее этой даты; наоборот, между самим фактом и записью Зеноба Глака должен быть более или менее значительный хронологический интервал. Предполагаем, что это событие не могло произойти позднее VI—VII вв.

Если считать, что возникновение армянского варианта легенды связано с колонизацией славянами и армянами византийских земель (что наиболее правдоподобно), то особое значение приобретает вопрос о том, отразилось ли каким-либо образом древнекиевское сказание в византийских источниках. Оказывается, имеются данные, позволяющие усматривать определенные связи византийской литературной традиции с рассматриваемыми преданиями. Речь идет об истории некоего Кувера, изложенной в «Чудесах Дмитрия Солунского» и в некоторых других источниках⁵.

Кувер был вождем прикарпатско-дунайских славян, попавших под власть аваров, который поднял восстание против поработителей и вынужден был вместе с восставшими бежать из своей страны. Исследователи сопоставляют этого Кувера с Кувратом, упоминаемым у Никифора, Феофана, а также в «Хронике» Иоанна, епископа из Никуи в Египте [209-а, с. 660, сл.].

⁵ Впервые внимание на возможность соответствий между Кувером византийских источников и Кием древнерусских летописей обратил В. Н. Даниленко (выступление на совещании, посвященном времени основания Киева, в мае 1959 г. в г. Киеве).

По свидетельству Иоанна Кувер — Куврат, живший в начале VII в., был князем гуннов (как известно, гуннами византийцы часто называли славян). Он был воспитан в Константинополе и вырос при царском дворе; был другом будущего императора Ираклия.

К сожалению, сведения историков (Никифора, Феофана, Иоанна) отличаются чрезвычайной краткостью (о восстании говорится буквально в нескольких строках), а данные «Чудес св. Дмитрия» имеют явно легендарный характер и в этом отношении представляют для исследователя такие же трудности, как и древнерусские предания.

В «Чудесах св. Дмитрия» рассказывается, что аварский каган доверял Куверу и поставил его князем над той частью славянских племен, которые вынуждены были признавать его власть. Однако, считаясь со всеобщей ненавистью, которую вызывало у славян аварское господство, Кувер поднял восстание против кагана, поддержанное и византийцами. Он одержал ряд побед над аварами, но не имея возможности нанести решительное поражение, вынужден был покинуть пределы страны и удалился в Нижнее Подунавье, где укрепился в Керамисиевом лагере на левой стороне реки. В этом он нашел поддержку императора; как утверждает Никифор, он «прислал послов к Ираклию и заключил с ним мир, который они сохраняли до конца своей жизни. И Ираклий послал ему подарки и удостоил сана патрикия» [Nis. ОН, с. 359].

В действительности, однако, несмотря на оптимизм Никифора, отношения Кувера с византийскими властями не были столь сердечными на протяжении всего времени. Дело в том, что, как свидетельствуют «Чудеса св. Дмитрия», Кувер, укрепившись в Керамисиевом лагере, заявил претензию на ряд византийских владений, в том числе — на Фессалонику, овладеть которой славяне пытались еще во время войны 550—551 гг., и якобы даже на Константинополь. Это, конечно, не могло понравиться византийской администрации. Более того, автор «Чудес» прямо обвиняет Кувера в коварстве по отношению к императору. Как бы то ни было, обострения в славяно-византийских отношениях имели место; притязания славян на Фессалонику, как известно, окончились неудачей: появление византийского флота расстроило все их планы. Дальнейшая судьба Кувера неизвестна.

В приведенной истории видим поразительное соответствие реконструированной истории Кия. Не останавливаемся специально на сходстве имени главного действующего лица (особенно — с именем героя армянской легенды); более существенны совпадения сюжетных деталей. Как видим, Кувер действительно имел столкновения с аварским каганом и вынужден был бежать из своей страны, подобно тому, как Деметр и Гисаней, «замыслившие» против Динаскея, должны были спасти жизнь бегством. Он был другом византийского императора Ираклия и искал поддержки при его дворе, подобно тому, как Деметр и

Гисаней искали поддержки у Валаршака. Он пытался (и вначале безуспешно) утвердиться на Дунае и построил в связи с этим укрепление, названное византийскими источниками Керамисиевым лагерем,— точно так, как Деметр и Гисаней строили город Вишап в стране Тарон. Далее он вступил в конфликт со своим союзником, пытаясь овладеть Солунью, и потерпел неудачу, соответствием чему является эпизод армянской легенды об убийстве Деметра и Гисанея Валаршаком, правда, без объяснения причин.

Могут ли быть все эти совпадения случайными?

Точно так же и эпизоды древнерусского варианта легенды, связанные с приемом Кия при дворе императора, где он «принял большую честь от царя», со строительством на Дунае городка Киевца и неудачей Кия в Подунавье, где его «не приняли тут близ живущие», находят себе полное соответствие в эпизодах истории Кувера. Все непонятное, недосказанное в древнерусской и армянской легендах становится на свои места и получает свое разъяснение именно благодаря тому, что византийское предание отразило прежде всего начальный этап истории Кия — Куара — Кувера, непосредственно связанный с Византией.

Дальнейшая судьба Кувера (если сопоставлять его с Кием древнерусской легенды) византийских авторов не интересовала. После того, как он удалился на север, в далекие славянские страны, о которых греки VII в. имели самые смутные представления, он как бы перестал существовать для империи; поэтому, естественно, дальнейшая деятельность его не нашла никакого отражения в византийских источниках. Зато в древнерусских преданиях главное внимание уделено именно той части его биографии, которая непосредственно связана с основанием Киева.

История Кувера, находящаяся в столь поразительном сюжетном соответствии прежде всего с армянским вариантом легенды, однако, непосредственно связана с историей славян, и в этом ее особое значение. Славянином, скорее всего, был и сам Кувер. Второй вариант его имени — «Куврат», приводимый Никифором, Феофаном и Иоанном, — очевидно, славянское «хорват», указывающее на этническое происхождение лица, о котором идет речь. Указания византийских историков на то, что Кувер был гунном (заставляющее некоторых исследователей считать его болгаром), не имеют в этом отношении никакого значения, ибо, как уже говорилось, византийцы славян тоже называли гуннами.

«Чудеса св. Дмитрия» подчеркивают, что Кувер был князем над теми славянами, которых аварский каган поселил в паннонской области Срем, то есть, в современной Хорватии. Из сообщений Константина Багрянородного известно, что именно хорваты вынуждены были под натиском аваров переселиться из Северного Прикарпатья в область нынешней Хорватии; это сообщение стоит в непосредственной связи с

летописными данными о «примучивании» аварами юго-западной части восточных славян (дулебов). Более чем правдоподобно, что и сам Куввер-Куврат происходил из тех славян, над которыми он был поставлен князем.

Таким образом, сравнение византийских и древнерусских источников, объединяемых к тому же армянским вариантом легенды, совмещающим в себе обе традиции, позволяет как бы дополнить их друг другом и в общем и целом, несмотря на фольклорный характер значительной части сообщаемых ими сведений, хотя бы в общих чертах реконструировать историю легендарного основателя Киева.

История Кувера важна для нас и тем, что ее события имеют более или менее определенные даты. В частности, восстание Кувера отнесено Никифором к 635 г. Это дает возможность уточнить и время сооружения Киевского городища. Конечно, полностью полагаться на даты византийских историков невозможно, однако, в общем плане можно считать, что если фигура летописного Кия соответствует Куверу, то основание Киева могло иметь место где-то в конце тридцатых или в начале сороковых годов VII в.

Германарихова легенда

Очень важные факты выявляются при обращении к древнегерманским источникам, в частности к данным, помещенным в произведении готского историка VI в. Йорнанда. Это произведение — довольно сложное сочетание реальных фактов и событий с пересказами чужих источников, фольклорными мотивами, легендами и мифами, а иногда — прямыми вымыслами и домыслами. Среди фольклорных мотивов, использованных Йорнандом, кое-что касается восточнославянских племен и их деятельности, в частности то место, где рассказывается о столкновении готского короля IV в. Германариха с росомонами, точнее — с их общественной верхушкой.

Йорнанд рассказывает: «Вождь готв Германарих оказалс триумфатором над многими народами, но и он задумалс по поводу прихода гуннов, а в это время коварный народ росомонов, который тогда подчинялс ему среди других, нашел возможность обмануть его таким образом. В гневе за преступный побег одной жены из этого народа, которая называлас Сунильдой, от мужа царь приказал привязать ее к диким лошадям и разорвать ее на части, разогнав лошадей. А братья ее Сар и Аммий, чтобы отомстить за смерть сестры, пронзили Германариху бок мечом» [Iord., 129].

Историческое содержание этого рассказа ставит специальную проблему, которая сейчас не является предметом исследования. Имело ли место в самом деле событие, о котором идет речь (бегство Сунильды, ее жестокая казнь, месть Сара и Аммия и т. д.), — неизвестно; во всяком случае в этом можно сомневаться. Вся часть Йорнандоваго произ-

ведения, посвященная Германариху, требует к себе весьма критического отношения. Но нас сейчас интересует совсем иной аспект проблемы: историко-культурный, если угодно — фольклорный. Если в приведенном отрывке обнаруживаются некоторые элементы восточнославянского происхождения, то прежде всего необходимо выяснить, что представляют собой эти элементы и каким образом они могли попасть на страницы «Гетики».

Прежде всего отметим, что главными деятелями приведенного эпизода являются лица из «коварного народа росомонов», которые оказываются частью восточнославянских антов. Значение самого термина «росомоны» в настоящее время в литературе объяснено, и, можно надеяться, окончательно. Часть «топ» (аланское «тојпе»⁶) означает «муж», «человек», а во множественном числе — «люди», «народ» [1, с. 172], а название в целом раскрывается в значении «народ Рос». Это тот самый народ Рос (Hros, Ρως), который упоминается в произведении другого автора VI в. Псевдозахарии — среди племен северо-восточного Причерноморья [149, с. 114—115]. Исследования советских ученых [161, с. 95—96] «народ Рос», «росомонов» локализируют в области Среднего Приднепровья, в частности в бассейне Роси, где сосредоточена топонимика с этим корнем, откуда они распространились и в другие районы. Это — первоначальное ядро будущей Руси. В определенном отношении «народ Рос» отождествляется с полянами наших летописей, о которых летописец не случайно заметил: «Полянѣ, яже ныне зовомая Русь» [151, с. 21].

Следовательно, росомоны Йорнанда — юго-восточная часть славяно-русских племен, специально — славяне Среднего Приднепровья, т. е. именно та часть восточнославянских племен, с которой связывается начало истории Киева. И среди имен людей племени росомонов встречаем два — Сунильда и Сар, которые так или иначе связываются с фольклорной версией о возникновении Киева.

Специального внимания заслуживает имя Сунильды (в других вариантах — Сванхильды). Это имя имеет не славянский, а германский характер. Однако этим именем названа женщина славянского происхождения, которая в действительности вряд ли могла носить германское имя. Очевидно, здесь имеем дело с германским оформлением славянского имени: ведь в германском языке «Swan» означает «лебедь» (ср. нем. Schwan, англ. Swan, дат. Svåne и т. д.). Таким образом, Сунильда — Сванхильда оказывается готским двойником нашей летописной Лыбеди [201]; ее имя может быть истолковано, как простой перевод этого славянского имени на германский лад (ср. распространенные в германском фольклоре женские имена с окончанием на «хильд»:

⁶ А может общегерманское «тап» — «человек»?

Кримхильда, Брунхильда и т. д.). Благодаря этому имени легенда, записанная Йорнандом, оказывается связанной с легендой об основании Киева, ибо Лыбедь была сестрой трех легендарных строителей города.

Сунильда также имела братьев. Среди них нет Кия, но вместо него есть Сар — имя тоже нам знакомое: этим именем Птолемей назвал один из городов на Днепре, который есть основания сопоставлять с будущим Киевом. И этот же корень гипотетически вскрывается в имени *Σαρβατάς*, безусловно отнесенном к Киеву. Следовательно, и здесь имеем дело с характерной двойственностью имени (подобно двойственности Кий — личность и Киев — город): Сар — город и Сар — личность, князь племени Рос (т. е. среднеднепровских славян), брат Сунильды — Лыбеди, сестры основателей Киева. Может ли быть случайным такое стечение обстоятельств?

Йорнанд ничего не говорит о связи Сара с одноименным городом, но совпадения, которые обнаруживаются при сравнении разных источников, кажутся более красноречивыми, чем прямые свидетельства. Германарихова легенда в этом отношении выступает как бы связующим звеном между «Повестью временных лет» и древнерусским эпосом (Сунильда — Лыбедь), Птолемеем (Сар) и Константином Багрянородным (*Σαρβατάς*), объединяя эти совершенно разные по времени и характеру источники в одну систему, стержнем которой является начальный этап истории Киева.

Скандинавские легенды

Легенда, рассказанная Йорнандом в VI в., оказалась живучей в древнегерманском фольклоре — как скандинавском, так и старонемецком. Мотив неудачного замужества Сванхильды (Сунильды), жестокая смерть ее по приказу готского короля и месть братьев (которых в большинстве случаев оказывается три) — составляет существенную часть древнегерманского эпоса, однако, выступает в переработанном, контаминированном виде [201].

Одним из самых характерных примеров такой контаминации является использование эпизода о замужестве Сванхильды в знаменитом скандинавском эпосе «Волсунга-сага», который является норманским вариантом известной «Песни о Нибелунгах». В этой последней, однако, эпизод о Сванхильде и Германарихе отсутствует, откуда вытекает, что он не входит в основное фольклорное ядро произведения, а попал в него со стороны, по-видимому, путем заимствования.

Эпизод со Сванхильдой представляет отдельную часть саги, помещенную в самом конце ее [171, с. 236—243]. Это — продолжение истории третьего брака Гудрун (Кримхильды), которая после Сигурда (Зигфрида) и Этцеля (Аттилы) вышла замуж за короля Йонака. Сванхильда была дочерью Гудрун от первого брака (дочь Сигурда — драконо-

борца); три ее брата: Хамди, Серли (Сар⁷) и Эрп — сыновья Йонака. Сванхильда была выдана замуж за Йормунрека (Германариха), заподозрена им в неверности и жестоко казнена (растоптана лошадьми). Тогда Хамди и Серли решили отомстить за смерть сестры, но по пути по недоразумению убили третьего брата — Эрпа. Когда они добрались по палат Йормунрека, то Хамди отсек ему обе руки, а Серли — обе ноги; но голову отрубить не было кому: третий брат, Эрп, лежал мертвым на дороге. Люди Йормунрека побили обоих братьев камнями до смерти, ибо ни копья, ни мечи не были властны над их телом.

Как видим, основное содержание саги соответствует сюжету Германариховой легенды, которая была источником контаминации, но вместе с тем имеет и серьезные отклонения от прототипа: а) Сванхильда оказывается дочерью Сигурда; б) мотив убийства готского короля имеет не политический, а семейный характер: Йормунрек подозревает Сванхильду в любовных сношениях со своим сыном; в) число братьев составляет не два, а три; г) иначе, со многими осложнениями подан сам процесс мщения.

В скандинавском варианте Сунильда превратилась в германку (дочь Сигурда и Гудрун). Но братья ее — Хамди, Серли и Эрп оказываются лишь братьями по матери: отцом их был некий Йонак, чье происхождение нам неизвестно. Это имя Р. Хайнцель истолковывает как славянское «юнак» («воин», «дружинник») [47, с. 102]. Это мнение поддерживают и некоторые другие авторы. Отсюда — возможность и этот вариант так или иначе связывать со славянским миром. Если принять, что браки Гудрун имеют этнонимический характер (Сигурд олицетворяет собой германский этнический элемент; гуннский царь Этцель — азиатский кочевнический мир), то нет ничего удивительного, что третий муж Гудрун мог олицетворять третий крупный этнический элемент Восточной Европы — славянский, с которым у древних скандинавов были тесные и многосторонние взаимоотношения⁸.

Связи этих преданий со славянским фольклором — неоспоримы. Они выступают не только в именах или прямых воспоминаниях о славянах. Общими являются и другие сюжетные мотивы, хотя они, разумеется, на древнегерманской почве подверглись определенной переработке. Наконец, в былинах киевского цикла находим вполне аналогичные сюжеты, хотя здесь отношения между героями кое-где переставлены. Общими оказываются мотивы и трех братьев, и неверной жены

⁷ Отметим характерную замену гласных а→е [1, с. 203]. Она ярко выступает в восточноевропейской древней ономастике: Сар — Серим у Птолея и т. д.

⁸ Нельзя не отметить, что в обоих былинных циклах (и о Михайле. Потыке, и об Иване Годиновиче) фигурируют Скандинавские страны: в первом случае — Швеция, во втором — Дания — мотив, редчайший для древнерусского эпоса.

с именем Лебедь (Лыбедь), и ее измены мужу, и жестокой казни несчастной, и мести, и даже характер мести. Иван Гоудинович, как мы помним, отрубает своей жене руки, ноги, губы, и это напоминает и смерть Сванхильды, и характер мести ее братьев Йормунреку.

Важным моментом представляется количество братьев Сванхильды, приведенное в соответствии с данными киевской легенды: их уже оказывается три. Правда, эти братья родные Сванхильде лишь по матери; в других редакциях скандинавского варианта («Эдда», «Рагнарсдрапа») родными братьями выступают только два — Хамди и Серли; третий брат — Эрп — сын Ионака от наложницы; именно этим обстоятельством объясняется ничем не оправданное убийство его со стороны Хамди и Серли, когда они направились в Данпарстад. Однако здесь, возможно, имеется более глубокий смысл. Имя «Кий» семантически значит «молот» [155, с. 306; 202, с. 16]. Не является ли имя скандинавского героя Хамди (Хамдир) таким же семантическим двойником Кия, как Сванхильда — двойник Лыбеди (ср. общегерманское *Hammer* — «молоток»)? Разумеется, на страницы произведения Йорнанда, который писал в VI в., Кий, деятельность которого приходится на время не ранее второй половины VI в., еще не мог попасть. Но другое дело — скандинавский эпос IX—XIII вв. Здесь появление Кия было бы вполне возможным. Не потому ли Сванхильда вместо двух братьев имеет трех? Ведь и при наличии двух братьев канонический мотив троицы сохраняется, если третьим элементом считать саму Сванхильду.

В старонемецкой поэзии Германарихова легенда имела иную участь, нежели в «Волсунга-саге», в «Рагнарсдрапе» скальда IX в. Браги Боддасона или в «Хамдисмале». Как уже отмечалось, в «Зигфридовский цикл» она не попала, но вместо этого оказалась связанной с поэмами так называемого «Дитриховского цикла», посвященными истории готского короля Теодориха Великого (Вольфдитриха) [201]. В этом варианте не находим ни Сванхильды, ни ее братьев; мстителем за жестокость Германариха выступает сам Дитрих и его рыцари.

Однако некоторые следы киевской легенды находим и в древненемецкой литературе. В частности, интересный рассказ приводит автор XII в. Саксон Граматик [Sax., 275—282]. Особенно важным является то, что в ней прямо говорится о взаимоотношениях Германариха (Ярмерика) и данов (готов) со славянами. Борьба между данами и славянами складывалась не в пользу первых: Ярмерик попал в плен к славянскому королю Исмару (*Rex slavorum Ismarus*) и лишь хитростью и коварством сумел вырваться на свободу и добыть престол. Правда, после этого он победил много народов и расширил свои владения до неслыханных масштабов. Что же касается Сванхильды, то в этом

варианте она выступает как сестра четырех⁹ геллеспонтских¹⁰ разбойников. Она вышла замуж за Ярмерика, подверглась наговору и была казнена мужем; братья мстят за смерть сестры по тому же методу, что и герои скандинавской саги.

Рассказ Саксона интересен для нас еще и тем, что вызывает определенные ассоциации с прокомментированной выше новгородской версией Киевской легенды, согласно которой братья Лыбеди были разбойниками, и тем самым демонстрирует настоящий источник последней. Безусловно, положение морского разбойника в понятиях Германии эпохи викингов было отнюдь не позорным. Скорее наоборот. Это видно хотя бы из того, что Ярмерик, король и победитель многих народов, согласился вступить в брак с сестрой разбойников. Но совсем иной, неожиданный с точки зрения викингской идеологии, аспект приобрел этот мотив в славянской среде, где отношение к рыцарям с большой дороги было далеко не столь идиллическим¹¹.

Сам по себе факт появления в Новгороде данного варианта не является странным: при наличии интенсивных связей этого города с германскими землями — Скандинавией, Ганзейскими городами и т. д. — культурное взаимовлияние было явлением вполне закономерным. Но самым интересным является то, что, возвратившись на Русь в переработанном виде, рассказ о Сванхильде — Лыбеди все-таки был связан с легендой об основании Киева. Следовательно, надо полагать, в средневековом Новгороде хорошо знали, кто такая Сванхильда и в каком отношении она находится к персонажам древнерусского фольклора.

Приведенный обзор разных вариантов легенды об основании Киева позволяет подойти к основному вопросу о выделении в ней разных пластов наслоений и размежевании исторически реального содержания от фольклорных мотивов и легендарных наслоений.

Попробуем как-то свести в одну систему все те предания, факты и догадки, о которых шла речь выше. В приведенных источниках видим как будто немало противоречий и несоответствий, которые на первый взгляд трудно согласовать. Однако при внимательном исследовании отдельные части системы хорошо становятся на свои места.

Мы считаем, что киевская легенда об основании Киева, приведенная

⁹ Количество братьев (четыре) исследователи считают ошибкой (нужно было бы три). Сванхильду один раз засчитали в число братьев, а второй — посчитали отдельно [201, с. 914].

¹⁰ То, что братья Сванхильды (Лыбеди) названы геллеспонтскими разбойниками, возможно, отображает реальные исторические события, связанные с общением Кия с Царьградом.

¹¹ Мотив разбойницкой сестры, отданной замуж за короля-иностранца, находим и в древнерусском эпосе, в частности в былинах «О братьях-разбойниках и сестре» [141, т. I, с. 306; т. II, с. 535, 283].

в «Повести временных лет» и других древнерусских летописях, содержит в себе вполне реальное историческое ядро, касающееся таких моментов: а) факта предшествования собственно Киеву нескольких древних поселений; б) факта сооружения первого киевского замка на Старокиевской горе; в) биографических данных о Кие — полянском князе, выступившем инициатором строительства Киевского городища. Все эти три момента подтверждены не только перекрестными показаниями письменных документов, но и археологическими материалами, и, таким образом, могут считаться более или менее достоверными.

Также, по нашему мнению, можно считать достоверной и дату сооружения Киевского городища: это событие совершилось не ранее середины VI в. и не позже первой половины VII в.

Но вместе с тем видим некоторые легенды (которая в своем окончательном виде не могла возникнуть раньше VII в.) в источнике VI в., который к тому же трактует о событиях IV в. В то же время существование славянских поселений на территории Киева установлено, по меньшей мере, от рубежа новой эры; упоминаемое Птолемеем во II в. н. э. название одного из «городов» на Днепре — Сар — оказывается тождественным имени одного из братьев Сунильды — Лыбеди, а посредством сопоставления с названием «Σαυβατάς» гипотетически связывается с Киевом.

Уяснение противоречий, которые как будто бы вытекают из этих данных, станет возможным, если принять во внимание, что в материалах, древнее VII в. (или генетически с ними связанных), во-первых, названия «Кий», «Киев» заменены именем «Сар» (личность и город), а во-вторых, отсутствуют намеки на строительную деятельность особы с этим именем, следовательно о ней можно было бы догадываться лишь на основании совпадения имен.

Здесь видим ключ к разгадке мнимого противоречия: в летописной легенде выявляется по меньшей мере два слоя, имеющие совершенно разное происхождение и хронологически отдаленные друг от друга. Иными словами, летописная легенда имеет два источника, один из которых относится ко времени около VII в., а второй — к более древним временам, возможно к рубежу новой эры, а сама легенда представляет типичную для средневекового фольклора контаминацию, в конце концов, довольно удачную по своему характеру.

Можно предполагать, что в эпоху образования древнерусского государства существовали две версии относительно возникновения Киева. Первая из них, более древняя по происхождению, рассказывала об образовании протокиевского гнезда поселений, которое, возможно, называлось Сар и возникло где-то около рубежа новой эры; в первые столетия новой эры развивалось как более или менее значительный для своего времени торговый центр (ср. неоднократные находки римских

монет), а позже стало основой для образования города Киева. Эта легенда рассказывала о трех или двух братьях и их сестре Лыбеди, стоявших якобы во главе отдельных поселений. Такое предположение лучше всего соответствует исторической действительности того времени: наличию на территории будущего Киева нескольких отдельных поселений, в том числе и на горах, топонимически связанных с именами легендарных основателей. Что же касается названия главного поселения (а возможно и всего гнезда?), то данное предание связывало это имя с именем одного из братьев — Сара, подобно тому, как это мы видим во многих других фольклорных традициях.

Надо полагать, что эта легенда, основанная на распространенных фольклорных канонах, включала и некоторые другие мотивы (возможно, мотив отношения братьев к «городу» вообще не был основным), в частности мотив борьбы приднепровских славян с готами в IV в. Ведь не случайно эти предания заняли такое почетное место в древнегерманском фольклоре. А о том, что воспоминания о событиях, связанных с борьбой славян (антов) с готами, существовали еще и во времена Киевской Руси, свидетельствует известное место «Слова о полку Игореве», где речь идет о готских девах и «временах Буса» [185, с. 20] — антского царя, известного из того же произведения Йорнанда [Iord., 247] и распятого готским царем Винитаром (Витимиром) в 386 г. [140, с. 86; 185, с. 430—431].

Второй источник летописного рассказа — это уже, собственно, не легенда, а достоверные сведения о деятельности вполне реального исторического лица — полянского князя Кия, жившего в конце VI — в начале VII в., вступавшего в какие-то взаимоотношения с византийским императором, предпринявшего неудачную попытку закрепиться в низовьях Дуная и наконец выступившего в роли основателя Киева, построив на Старокиевской горе первое укрепление — замок (известный нам археологически), названный его именем. Это новое имя вытеснило старое Сар, относящееся к более древним поселениям и ставшее именем нового города, возникшего на базе этих поселений на протяжении второй половины I тысячелетия н. э.

Безусловно, во времена Киевской Руси, спустя 300 лет после Кия, народная память уже не видела разницы между тогдашним Киевом и теми поселениями, которые существовали на его месте в более древние времена и послужили основой для его создания. В представлении современников летописца оба эти источника рассказывали об одном и том же, поэтому должны были как-то согласоваться и дополнить друг друга. Следствием этой редакторской работы и появился рассказ, попавший в «Повесть временных лет».

Таким образом, реальный Кий VI—VII вв. был отождествлен с легендарным Саром, получил двух братьев и сестру, которых он в дейст-

вительности не имел, и превратился в аборигена гор Киевских, хотя это и не очень вязалось с рассказом о его странствованиях на Дунае и в Византии. Так совершенно разные события, хронологически отдаленные друг от друга, оказались соединенными в одно целое.

Остается неясным вопрос о времени и авторстве этой контаминации. Согласно исследованиям А. А. Шахматова [222, с. 58—60], летописная легенда об основании Киева была помещена уже в сводах, предшествовавших «Повести временных лет» — в Начальном своде 1093 г. (Никона Печерского) и, очевидно, в первом Киевском своде 1039 г., откуда и была взята Нестором. Но была ли она создана автором свода 1039 г.?

О том, что в XI в. ходили разные по содержанию предания о начальной истории Киева, не оставляют сомнения хотя бы те сведения, которые имеются в самой летописи (вариант о Кие — перевозчике). Но если учесть, что вариант легенды, очень близкий по содержанию к летописному рассказу, имеющему элементы как одной, так и другой традиции, уже в VIII в. попал в произведение армянского писателя, к тому же с упоминанием имени Куар (что, очевидно, следует считать искаженной формой имени Кий, а может быть и результатом своеобразного соединения имен Кий и Сар), можно полагать, что слияние обеих традиций относится ко времени, более близкому самому Кие, и что в XI в. контаминация уже существовала как готовый вариант. К этому склоняет и то, что в скандинавском фольклоре легенда о трагической истории Сванхильды-Лыбеди содержит в себе наряду с именем Серли (Сара) имя Хамди, которое, возможно, является двойником имени Кия.

Таким образом, кажется более правдоподобным предположение, что смена имени легендарного основателя Киева произошла сравнительно скоро после смерти Кия и во всяком случае — задолго до летописцев, имевших в своем распоряжении уже готовую компиляцию. Осталось лишь пополнить ее некоторыми подробностями из биографии Кия, что и нашло свое отражение на страницах «Повести временных лет».

Глава IV

ПРЕВРАЩЕНИЕ КИЕВА В ГОРОДСКОЙ ЦЕНТР

Несколько теоретических замечаний Процесс превращения протокиевских поселений в город Киев нельзя рассматривать отдельно от общего процесса возникновения древнерусских городов. Основным вопросом, лежащим в основе этой проблемы, является определение самого понятия города как исторической категории. Как известно, это слово понимали по-разному и вкладывали в него совершенно разный социальный смысл. Считали древние города племенными или религиозными центрами, погостами-торжищами, простыми укреплениями и т. п.

Только марксистская наука дала четкое научное определение города как большого ремесленно-торгового, административного и культурного центра. Именно в области производства, в общественном разделении труда лежит основное отличие города от деревни, их социальная противоположность, которая представляет одну из характернейших черт любой системы отношений классового общества. «Разделение труда в пределах той или иной нации,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— приводит прежде всего к отделению промышленного и торгового труда от труда земледельческого и, тем самым, к отделению *города* от *деревни* и к противоположности их интересов» [119, с. 20]. «Вместе с городом появляется и необходимость администрации, полиции, налогов и т. д.— словом общинного политического устройства, а значит и политики вообще. Здесь впервые сказалось разделение населения на два больших класса, непосредственно основанное на разделении труда и на орудиях производства. Город уже представляет собой факт концентрации населения, орудий производства, капитала, наслаждений, потребностей, между тем как в деревне наблюдается диаметрально противоположный факт — изолированность и разобщенность» [119, с. 50].

Следовательно, выделение ремесла и торговли является главной необходимой предпосылкой образования городов, а сам процесс их генезиса непосредственно связан с процессом развития производства, его постепенной дифференциацией. Хронологически этот процесс всегда сов-

падает с эпохой перехода общества от первобытнообщинного строя к классовому строю [119, с. 50]. «Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов,— писал Ф. Энгельс,— в их рвах зияет могила родового строя, а их башни упираются уже в цивилизацию» [71, с. 185].

Ф. Энгельс называет первым большим общественным разделением труда выделение скотоводческих и земледельческих племен [71, с. 180]. Однако это событие, совпадающее с так называемой средней степенью варварства, еще не может обусловить начало процесса образования городов, т. к. противопоставляет в процессе производства друг другу не конкретных членов общества, а целые племена, а то и группы племен.

Вторым крупным общественным разделением труда было отделение ремесла от сельского хозяйства. Характеризуя высшую степень варварства, Ф. Энгельс писал: «Богатство быстро возрастало, но как богатство отдельных лиц; в ткачестве, в обработке металлов и в других ремеслах, все более и более обособлявшихся друг от друга, развивалось во все возрастающей степени разнообразие и искусство изготовления изделий; земледелие стало теперь давать наряду с хлебом, стручковыми растениями и плодами также масло и вино, изготовлению которых научились. Столь разнообразная деятельность не могла уже выполняться одним и тем же лицом; произошло *второе крупное разделение труда*: ремесло отделилось от земледелия... С разделением производства на две крупные основные отрасли, земледелие и ремесло, возникает производство непосредственно для обмена,— товарное производство, а вместе с тем и торговля не только внутри племени и на его границах, но уже и заморская. Все это, однако, еще в весьма неразвитом виде, благородные металлы начинают становиться преобладающим и всеобщим товаром-деньгами, но металл еще не чеканят, а обменивают просто по весу [71, с. 184].

Именно здесь видим предпосылки для образования городов: ремесло, отделяющееся от земледелия, на определенном этапе начинает концентрироваться в отдельных поселениях; происходит территориальное разделение труда — уже не только между отдельными производителями, но и между целыми поселениями. Те пункты, которые в результате удобного географического местоположения или других причин имеют наиболее благоприятные условия для развития тех или иных отраслей ремесленного производства, постепенно начинают выдвигаться как все более и более растущие ремесленные центры, способные обеспечить своей продукцией определенные сельскохозяйственные округа.

Одновременно с отделением ремесла от сельского хозяйства развивается и торговля. Естественно, ремесленник, специализирующийся в какой-то одной отрасли производства (кузнец, ювелир, гончар и т. д.),

не может существовать за счет лишь непосредственного потребления продуктов собственного производства. Суть отделения ремесла от сельского хозяйства и выделение самостоятельных отраслей ремесленного производства именно в том и состоит, что эти отрасли начинают работать на обмен.

Бурное развитие этого процесса обуславливает начало третьего крупного общественно-разделительного разделения труда — появление купечества. Между контрагентами акта товарного обмена встает посредник — купец, который очень скоро превращается в солидную общественную силу. «Цивилизация, — пишет Ф. Энгельс, — упрочивает и усиливает все эти возникшие до нее виды разделения труда, особенно путем обострения противоположности между городом и деревней (причем экономически господствовать может город над деревней, как это было в древности или же деревня над городом, как это было в средние века), и присоединяет к этому третье, свойственное ей разделение труда решающей важности — создает класс, который занимается уже не производством, а только обменом продуктов, создает *купцов*» [71, с. 186—187].

Ремесленник и купец так же неразрывны между собой, как ремесло и торговля. Те поселения, которые начинают претендовать на роль ремесленных центров, становятся центрами торговли. И наоборот, те поселения, которые приобретают торговый характер, становятся центрами ремесла. Так возникают торгово-ремесленные или ремесленно-торговые центры — города.

Ремесло и торговля с самого начала связаны с индивидуальной, частной собственностью. И ремесленник, и купец — прежде всего собственники, и это не может не наложить особый отпечаток на процесс образования городов. «Противоположность между городом и деревней может существовать только в рамках частной собственности», — писали К. Маркс и Ф. Энгельс [119, с. 47]. Отсюда, между прочим, тенденция укреплять города, которая так активно проявляет себя в ранний период их истории.

Начало образования городов у древних славян

Первые признаки отделения ремесла от сельского хозяйства у восточных славян лесостепной полосы наметились еще в эпоху около рубежа новой эры.

Первым в самостоятельную отрасль производства выделилось металлообрабатывающее дело. Этому послужило, по меньшей мере, две причины: во-первых, залежи железной руды существуют не везде, во-вторых, добыча и обработка железа требуют от производителя наличия специального, довольно сложного оборудования и профессиональных навыков и умения. В Восточной Европе еще в последние столетия перед новой эрой существовали значительные для своего времени металлургические центры с развитым и налаженным производством, которое

осуществлялось в довольно широких масштабах и, надо полагать, обеспечивало своей продукцией более или менее значительные округа (Каменское городище на Нижнем Днепре, поселение Галлиш — Ловачка в Закарпатье и др.).

Второй древнейшей отраслью ремесленного производства выступает гончарное дело. У восточных славян (по крайней мере у лесостепных племен) начало выделения гончарного дела в самостоятельную отрасль производства относится к двум первым столетиям новой эры. Свидетельством этого является массовое распространение со II в. н. э. посуды, изготовленной на гончарном круге, которая всегда является надежным признаком производства, рассчитанного на продажу [164, с. 44].

Третьей древнейшей отраслью ремесла, выделившегося в самостоятельную отрасль производства еще в первые столетия новой эры, было ювелирное дело, т. е. обработка цветных металлов. В первой половине и середине I тысячелетия н. э. культура восточных славян отличается значительным для того времени развитием ювелирного производства (так называемый комплекс пальчатых фибул).

Археологам сейчас известно немало поселений первой половины и середины I тысячелетия н. э., на которых обнаружены остатки ремесленных мастерских: металлообрабатывающих (Слободище Житомирской области, Иванковцы Хмельницкой области и др.), гончарных (Неслухов Львовской обл., Лука-Врублевцевская и Лепесивка Хмельницкой и др.), ювелирных (Грищинцы Киевской обл., Пастырское Черкасской и др.).

Этим закладываются предпосылки для образования первых ремесленных поселений, которые были зародышами будущих городов. Разумеется, их еще нельзя считать городами в полном смысле этого слова; процесс создания городов в это время лишь начинался. Эти памятники отражают самое начало сложного и длительного процесса, заканчивающегося где-то в IX—X вв. вместе с образованием первого восточнославянского государства — Киевской Руси.

Начало образования города Киева

Превращение Киева в город происходило в тех же хронологических рамках. Протокиевские поселения на Старокиевской горе, Замковой горе, на Подоле и т. д. были еще обыкновенными сельскими поселениями, которые с точки зрения развития производства принципиально не отличались от других восточно-славянских поселений того времени. Но уже с первых столетий н. э. можно говорить о некоторых признаках развития ремесленно-торговой деятельности их жителей. Правда, остатков ремесленных мастерских того времени в Киеве пока еще не обнаружено (возможно, это объясняется недостаточной степенью исследованности и плохой сохранностью древнейших культурных слоев). Зато

имеются бесспорные и яркие свидетельства о торговой деятельности жителей протокиевских поселений. Имеем в виду многочисленные находки римских монет и предметов римского производства.

Римские монеты распространялись среди европейских племен первых столетий новой эры, в том числе и восточных славян, вследствие торговых сношений с Римской империей. Но использовались они и для нужд внутренней торговли, развитие которой обуславливалось началом отделения ремесла от сельского хозяйства и выделением внутри его ряда самостоятельных отраслей. Развитие внутренней торговли у восточных славян в начале новой эры требовало наличия общего эквивалента, т. е. денег, как средства обмена, и именно эту функцию начали выполнять серебряные римские денарии.

В настоящее время на территории Киева зарегистрировано более 30 находок римских монет; часть из них является более или менее значительными кладами, а часть, без сомнения, имеет в виду неоднократные находки. Общее количество монет, найденных в Киеве, превышает 5—6 тыс. экземпляров.

Эти находки в своей совокупности охватывают огромную территорию от Куреневки на севере до Пирогова на юге и от Лукьяновки на западе до Днепра на востоке. Считать, что это могла быть территория одного населенного пункта — даже наибольшего и самого выдающегося для своего времени — было бы совсем неуместно. На самом деле все эти находки связываются с несколькими поселениями. Как уже отмечалось, довольно значительное количество их встретилось на Подоле. Это — одно из мест концентрации находок, так же как и район Старого города и Замковой горы. Спорадически находки римских монет и вещей встречены почти по всей площади Киева: в районе Липок на Печерске, на Зверинце, в районе ул. Толстого, на Лукьяновке, на ул. Фрунзе (быв. Кирилловская) и т. д.

Вообще выделение киевских находок римских монет в некоторой мере должно считаться условным. Эти находки не ограничиваются рамками современного города и встречаются в окрестных селах: на западе (Белгородка, Черногородка), юго-западе (Софиевская Борщаговка, Большая Бугаевка), юге (Козин, Козиевка, Старые Безрадици), на левом берегу Днепра и т. д. В общем территория Киева (за исключением Старого города и Подола) не богаче находками такого рода, чем любая другая равноценная по площади территория лесостепной полосы. Если же этих находок зафиксировано здесь больше, чем во многих иных местах, то объясняется это главным образом тем, что территория города, интенсивно заселенная на протяжении длительного времени, неоднократно перекапывалась; находки, обнаруживавшиеся при этом, чаще попадали в поле зрения исследователей или коллекционеров-любителей и тем самым становились достоянием науки.

Но совсем иное дело — большое количество находок (свыше двух третей всех, попавшихся на территории современного города), сконцентрированных в районе Старокиевской горы, Львовской площади, Замоквой горы и Подола, т. е. той группы поселений, которая была ядром древнего Киева (протокиевское гнездо). Как свидетельством торговой деятельности жителей данных поселений эти находки трудно переоценить, а количество их допускает мысль, что с точки зрения развития торговли протокиевское гнездо уже в первые столетия новой эры действительно имеет первостепенное значение. Вероятно, значительную роль в этом играло положение Киева на границе между двумя естественно-географическими зонами — лесостепной и лесной, на большой реке, которая с давних пор служила важной коммуникационной артерией между югом и севером.

Столь же большое значение имеют и вещи римского производства, найденные на территории Киева. И они выступают свидетельством торговли восточных славян с Римской империей, хотя, разумеется, трудно определить, все ли они являются результатом сношений жителей протокиевских поселений непосредственно с римлянами или попали сюда благодаря посреднической торговле. В отношении их территориального распределения видим ту же закономерность: отдельные находки стоят вне системы (как, например, находка светильника на Лукьяновке), но в большинстве случаев также связываются с территорией Старого города и Подола.

Следовательно, находки римских монет и вещей римского производства подкрепляют друг друга и подтверждают мысль о развитии торговой деятельности жителей протокиевских поселений, расположенных в районе Старого города и Подола, там, где спустя несколько столетий возникает ядро древнего города. Именно отсюда, полагаем, начинается процесс постепенного преобразования протокиевских поселений в город Киев, которому было суждено в дальнейшем стать столицей самого большого славянского средневекового государства.

Значение городища Сооружение древнейшего Киевского городища-замка имело большое значение для дальнейшего развития Киева как города. Появление замков в древней Руси, как и во всей Европе, было явлением вполне закономерным, связанным с социально-экономическим развитием европейских народов, с их переходом от первобытнообщинного строя к феодализму. Замки — это орудие господства феодалов-землевладельцев над основной массой феодально зависимого населения. За их стенами и башнями феодалы находили себе защиту от протеста закрепощаемых крестьян. Одновременно замки были нужны феодалам для защиты своих владений и имущества от других феодалов, пытавшихся увеличить свое достояние с помощью грубой физической силы.

Первые зародыши феодальных отношений у восточных славян относятся к середине I тысячелетия н. э., а завершение процесса феодализации Руси приходится на IX—X вв. Приблизительно в этих хронологических рамках на Руси и начинают появляться раннефеодальные замки. Киевский замок, построенный на рубеже VI—VII вв., возможно, является самым древним, а к IX—X вв. вся Русь покрывается ими очень густо. Недаром норманны, появившиеся на Руси впервые в IX в., называли ее «Гардарики» — «Государством градов» (т. е. замков). Попытка истолковать это имя в смысле «страны городов» претерпела вполне закономерную неудачу: разумеется, на Руси IX в. не было и не могло быть такого количества настоящих городов.

В таком же плане следует рассматривать и сообщение Баварского Анонима (источник IX в.) о «городах», которые имелись у перечисленных им восточнославянских племен. Количество этих городов говорит само о себе: согласно географу, бужане, например, имели 230 городов, уличи — 318, воляныне — 70 и т. д.

Археологическим проявлением строительства замков на Руси является огромное количество древнерусских городищ, значительная часть которых возникла в IX—X вв. (а некоторые — еще раньше). Еще в VIII в. А. Чарнецкий (Доленга-Ходаковский) собрал сведения более чем о 15 000 городищ [152]. Безусловно, не все они возникли к IX—X вв., но во всяком случае цифра весьма красноречива: она хорошо согласуется и с данными Баварского географа и с тем впечатлением, которое отразилось в норманском названии Руси. Не может быть сомнений, что и Баварский Аноним и норманские скальды имели в виду именно городища, которыми территория Руси покрыта очень густо.

Что же представляли собой древнейшие древнерусские городища? Каково было их социальное значение? По этому поводу в литературе высказывались разные гипотезы. Доленго-Ходаковский, например, считал их святилищами. Другие исследователи полагали, что это были либо города в полном понимании слова [54, с. 233], либо места, куда собиралось население во время военной опасности [98, с. 61—62], либо укрепления, которые древнерусские племена сооружали для защиты своих территорий [172]. Некоторые авторы стремились объединить все эти предположения, допуская, что отдельные городища могли иметь разный социальный смысл [56, с. 96—110].

Но в последнее время приобретает общее признание мнение, согласно которому древнерусские городища в подавляющем большинстве представляют собой остатки феодальных замков, и что их появление непосредственно связано с процессом феодализации Руси [232, с. 134 и далее; 21; 31; 206; 68]. Точно такой же процесс совершался и у западных славян, и там он имел такой же исторический смысл.

Рис. 21. Строительство града (миниатюра Кенигсбергской летописи).

Этот процесс хорошо прослеживается, в частности, на примере Среднего Приднепровья и всей лесостепной полосы. Здесь более древние городища, сооружавшиеся для защиты отдельных общин от внешних врагов, прекратили свое существование еще перед началом новой эры. На протяжении I тысячелетия н. э. здесь существовали исключительно открытые села, совершенно лишенные искусственных укреплений. Это определялось состоянием общества в ту пору: наличие довольно сильных межплеменных политических объединений, способных организовать оборону страны в целом с помощью специальных военных соединений, делало укрепление каждого конкретного населенного пункта ненужным и нецелесообразным.

Киевское городище, построенное где-то на рубеже VI и VII вв., пока что является древнейшим средневековым городищем в этом районе; к VII—VIII вв. следует отнести еще некоторые городища (Плиссеское, Хотомельское, Бабковское и др.); но в IX в. начинается массовое сооружение их по всей огромной территории Руси. Этот процесс был связан с процессом феодализации Руси, который начался где-то в VI—VII вв., а в IX в. привел к сложению феодальной формации в древней Руси.

То, что первое восточнославянское средневековое городище, т. е. первый замок у восточных славян, было построено именно в Киеве, очевидно, нельзя считать случайным. Вероятно, уже в это время Киев выдвигается как значительный политический центр Среднего Приднепровья. Если считать Кия полянским князем, т. е. человеком, стоявшим

во главе определенной группы племен, это событие нельзя не признать закономерным: сооружение укрепления — пусть еще и примитивного — как резиденции политической верхушки определенной общественной организации было прямой исторической необходимостью.

Для дальнейшей эволюции киевских поселений, в частности для превращения их в настоящий город — центр ремесла и торговли, — сооружение городища-замка имело огромное значение. Все известные древнерусские города в основе своей имеют укрепленные части — детинцы или кремли. Подавляющее большинство раннесредневековых городов возникали вокруг стен замков или монастырей путем постепенного обрастания их ремесленно-торговыми районами. Конкретно этот процесс мог приобретать разные формы; иногда город развивался на базе более древнего поселения или многих поселений, предшествующих сооружению укрепления (пример этому и демонстрирует Киев), иногда — вследствие принудительного поселения феодально зависимых ремесленников вокруг замка (так, например, было в Холме), иногда — путем постепенного оседания вольного ремесленно-торгового люда и т. д.

Но общим является то, что именно замок, укрепление было аккумулярующим пунктом, вокруг которого концентрировалось ремесленно-торговое население. Когда возникают замки, та часть населения, которая занималась ремеслом и торговлей, начинает тяготеть к их укреплениям. В связи с этим зародыши торгово-ремесленных центров, возникшие в более древние времена, где замки не были построены, постепенно приходят в упадок и в конце концов либо совсем прекращают свое существование (как, например, Пастырское городище), либо превращаются в обыкновенные села. Вместо них возникают новые центры, которые концентрируют ремесло и торговлю вокруг только что построенных фортификаций.

Тенденция к концентрации ремесла и торговли вокруг укреплений объясняется двумя основными причинами. Во-первых, вследствие господства натурального хозяйства торговля, которая велась преимущественно предметами роскоши или экзотическими товарами, и ремесло были ориентированы в основном на удовлетворение потребностей общественной верхушки; именно поэтому в замках ремесленник и купец искали и находили потребителей своих товаров. Во-вторых (и это главное), ремесленно-торговое население стремилось селиться вокруг укрепленных стен замка, поскольку было связано с наиболее подвижной и легко отчуждаемой формой собственности. Основным богатством крестьянина является земля, которую нельзя ни забрать с собой, ни уничтожить; неожиданное нападение врага не угрожало ему экономической гибели; самое страшное, что мог враг ему сделать — уничтожить урожай одного года. Безусловно, это было несчастье, но не гибель. Иное

дело — ремесленник или купец. Их богатство — товар, который можно было разграбить. Для них нападение врага было чревато полным разорением и экономической гибелью. Поэтому за укрепленными стенами замка они искали убежища на случай неожиданных набегов (которые в те времена случались нередко) — как для самих себя, так и для своего движимого имущества, которое составляло экономическую основу их деятельности.

Поэтому и сооружение древнейшего Киевского городища сыграло весьма существенную роль в истории Киева, сделав возможной концентрацию ремесленно-торгового населения именно в данном пункте Среднего Приднепровья.

Сооружение городища было следствием выдвижения Киева как первого политического центра данной территории и в свою очередь обусловило его дальнейшее утверждение в этой роли; укрепленное поселение, безусловно, лучше могло обеспечить осуществление функций административно-государственного центра. По всей вероятности можно утверждать, что именно сооружением Киевского замка на рубеже VI—VII вв. были заложены основы его могущества в будущем и той выдающейся всемирно-исторической роли, которую ему суждено было сыграть в ранней истории Руси.

Устройство Киевского городища

Древнейшее Киевское городище занимало северную часть Старокиевской горы и было отделено от основной части горы глубоким рвом и валом.

Площадь укрепления была незначительной по сравнению с площадью Города Владимира, не говоря уже о Городе Ярослава; она не превышала 2 га, а длина рва составляла всего лишь около 150 м. Подавляющее большинство древнерусских городищ даже в XI—XIII вв. были небольшими: их средний диаметр составлял 60—80—100 м. Таким образом, Киевское городище конца VI — начала VII в. превышало их в полтора или два раза; следовательно, было не таким уж незначительным, как это кажется на первый взгляд.

В XI — в начале XII в., когда возникла «Повесть временных лет», первого Киевского городища уже не существовало: его укрепления были ликвидированы еще к концу X в. Однако память о нем жила среди населения, и местонахождение его было точно известно киевлянам так же, как и размеры. Рассказывая о посольстве древлян в Киев в 945 г., летописец отмечает: «Град же бе Киев, идеже есть ныне двор Гордятин и Никифоров, а двор княж бяше в городе, идеже ныне двор Воротиславль и Чюдин» [151, с. 40].

Следовательно, в середине X в. Киевское городище занимало ту площадь, на которой на рубеже XI и XII вв. находились четыре феодальных двора. Эти дворы принадлежали киевским боярам Гордате, Никифору, Воротиславу и Чюдину, частично известным из других

источников [151, с. 114, 121 и др.]. Таких дворов на территории Города Владимира было много, среди них несколько княжеских и монастырских [23]; поэтому, киевский град (замок) в середине X в. представлял лишь незначительную часть будущего Города Владимира.

Фортификационная система древнейшего Киевского городища предусматривала использование природных средств (склоны горы) и имела искусственные оборонительные сооружения, созданные руками людей. Старокиевская гора хорошо защищена самой природой: с трех сторон ее окружают крутые склоны и обрывы, которые сами по себе представляли неплохую преграду для врага. Подняться по ним, когда сверху в штурмующих летели стрелы, копыя, камни, лился кипяток, было делом нелегким.

Но поскольку Киевское городище довлاديمирова времени занимало не всю площадку горы, а лишь ее северо-западную часть, для обороны его были использованы лишь обрывы в сторону Кожемяцкого яра и частично в сторону Подола (вдоль современной ул. Андреевский спуск). Южная сторона городища естественной защиты не имела. Здесь были построены искусственные фортификационные сооружения.

Весьма существенную часть оборонительной системы I Киевского городища составлял ров, описанный в предыдущем разделе. Первоначальная глубина его достигала 4 м. Это обычная глубина, характерная для рвов большинства древнерусских городищ. Наклон склона рва равнялся 45°. Он был достаточным, чтобы затруднить подъем вдоль него, но в то же время предотвращал смещение земли, неминуемое при большой крутизне склонов. Учитывая очень высокое расположение городища над уровнем реки и отсутствие ключей на плато Старокиевской горы, можно считать, что ров был сухим.

Вдоль рва с внутренней стороны шел вал, от которого, однако, почти ничего не сохранилось. Но в том, что он существовал, убеждает нас не только факт наличия валов у всех древнеславянских городищ (в том числе и самых ранних), но и простая логика вещей. Ведь земля, выбранная из рва во время его сооружения, должна была куда-то деваться; следовательно, вал и ров не могли возникнуть один без другого. Масштабы и характер вала непосредственно зависели от характера и масштаба рва и наоборот.

Исходя из этого, можно предположить и в нашем случае, что масштабы вала равнялись масштабам рва, что он имел высоту около 4 м при наклоне поверхности в 45°. Это давало общую высоту укрепления до 8 м — достаточно солидная преграда для врага.

Не очень выразительные остатки этого вала были обнаружены во время раскопок 1912 г. В газете «Киевская мысль» в одном из августовских номеров сообщалось, что по гребню вала были заметны

остатки свай, забитых в землю на расстоянии 15 см друг от друга [81, с. 118]. В отчете экспедиции о вале ничего не говорится, однако подтвержден факт выявления деревянных конструкций, которые представляли собой «остатки забора, или чего-то похожего» [138, с. 66].

Итак, во всяком случае, отмечаем наличие на валу каких-то деревянных конструкций.

Остается невыясненным, существовал ли вал лишь вдоль рва, или тянулся также и над склонами в сторону долины Днепра, Почайны и Кожемяцкого яра, где он мог быть насыпан за счет земли, снятой при подправке внешних склонов плато. Учитывая, что даже в X—XII вв. искусственные укрепления древнерусских городищ зачастую ограничивались napольной стороной, такое предположение выглядит совсем не обязательным. Ничего определенного нельзя сказать также и в отношении строительно-конструктивных деталей городища в целом: в части сооружений типа башен, въездных ворот и т. п., хотя наличие последних разумеется само собой.

Древнерусское городище-замок как с точки зрения конструктивной, так и социальной представляло единое сооружение, возведенное по единому, хорошо продуманному плану. Это был большой двор, окруженный фортификационной линией, в который выходили жилые помещения и хозяйственные сооружения, приспособленные для обслуживания одного хозяйства, принадлежавшего полянскому князю, жившему в конце VI — начале VII в.

Капище Однако социальные функции древнейшего Киевского городища не исчерпываются тем, что оно было хозяйственно-административным центром, вместе с тем оно было и святилищем, религиозным центром, что в свою очередь обеспечивало ему не только социальное и политическое, но и идеологическое господство над полянской землей. В связи с этим важное значение имеет известное киевское капище, обнаруженное раскопками В. В. Хвойки в 1908 г. [215, с. 66].

Этот памятник был открыт приблизительно в средней части городища (около входа в современное здание Исторического музея). На глубине 2,9—3,2 м от поверхности грунта находились остатки каменного фундамента эллиптической формы (4,2 м длиной и 3,5 м шириной) с четырехугольными выступами с четырех сторон, обращенными по сторонам света. Фундамент был сложен из необработанных глыб песчаника, часть которых имела сквозные отверстия, на глиняном растворе. Вокруг сооружения обнаружен пол с выглаженной поверхностью, а с западной стороны — массивный столб, в котором слои сильно обожженной глины чередовались с прослойками пепла и угля. При раскопках обнаружено большое количество костей и черепов животных, главным образом домашних.

Рис. 22. Киевское языческое капище (рисунок В. В. Хвойки).

В 1937 г. Киевская экспедиция Института археологии АН УССР под руководством Т. Н. Мовчановского осуществила повторное раскрытие обнаруженного Хвойкой сооружения [92, с. 109—111]. Эти раскопки в основном подтвердили данные раскопок 1908 г., кое-где исправили некоторые детали, но вместе с тем добавили и новые важные сведения. Были обнаружены остатки каменного сооружения, по типу, близкого к описанному Хвойкой, но не такого правильного, как это изображено на рисунке первого исследователя. Также были обнаружены и остатки глиняного «столба», но в виде не цилиндра, а большой кучи пережженной глины и пепла диаметром около 1—1,5 м. Очевидно, первое исследование сооружения в 1908 г. нарушило его, что и нашло свое отражение в том его состоянии, которое предстало перед исследователями в 1937 г.

Вместе с тем раскопки 1937 г. обнаружили некоторые дополнительные подробности, не отмеченные В. В. Хвойкой. Во-первых, камни, из которых было сложено сооружение, были не только из песчаника, но также из гранита и кварцита. Поскольку в ближайшей окрестности Киева гранита и кварцита нет, приходится думать, что они были привезены откуда-то с Волыни, с Роси или с низа Днепра. По мнению авторов раскопок 1937 г., кладка была осуществлена насухо, без раствора, но это утверждение не аргументировано: остатки глиняного

раствора (особенно при повторном исследовании) обнаружить не так просто. Главным же достижением раскопок 1937 г. было обнаружение пода овальной в плане печи 1,05 м длиной и 0,95 м шириной, расположенной рядом с западным выступом сооружения, но почти на 1 м ниже его. Происхождение и назначение этой печи, к сожалению, остались невыясненными.

Что же представляет собой описанное сооружение, исследованное в 1908 и 1937 гг.? Первый исследователь памятника В. В. Хвойка считал его культовым сооружением: «Весьма вероятно,— писал он,— что остатки эти принадлежат славянскому языческому капищу, а столб представляет собой жертвенник, на котором в течение продолжительного времени совершалось жертвоприношения, на что указывают многочисленные кости животных и слои глины, чередующиеся с прослойками золы и угля» [215, с. 66]. «Временами жертвенник выравнивался и на него накладывался новый слой глины, почему в конце концов и образовался высокий массивный столб» [215, с. 66].

Точку зрения о ритуальном, культовом характере сооружения признавало и большинство других исследователей. К. В. Болсуновский истолковывал это сооружение как жертвенник Гермеса-Святовиды (26). Л. Нидерле писал, что на месте раскрытого В. В. Хвойкой сооружения «несомненно находилось место культа, хотя нельзя сказать, был ли это настоящий храм, или только открытое святилище с алтарем» [134, с. 307—308]. Л. А. Динцес считал, что это — культовое место, когда-то обнесенное деревянной оградой [65, с. 75], от которой якобы остались даже обгорелые остатки бревен, хотя сам Хвойка об этом не упоминает. Б. А. Рыбаков считает киевское капище остатками храма, подчеркивая, что размер жертвенника здесь был значительно большим, нежели в храмах Арконы и Ретры в Прибалтике [89, с. 88—89].

Совершенно фантастическую картину киевского капища нарисовал известный исследователь истории архитектуры Н. И. Брунов, который предложил читателям даже две разные версии, впрочем мало похожие друг на друга. По первой — это было каменное сооружение в виде эллиптической в плане башни с четырьмя небольшими притворами [37, с. 301—302]. По второму варианту киевское капище превратилось в храм, подобный Арконскому — деревянное строение на четырех столбах с крышей, с каменной фигурой божества внутри [38, с. 58—59].

М. К. Каргер обнаруженное В. В. Хвойкой сооружение сопоставлял с каменными выкладками, которые бывают в основаниях древнерусских курганов, и считал его жертвенным местом «неясного типа» [92, с. 111]. В связи с такой трактовкой он выдвинул совершенно удивительное предположение, что этот памятник сначала находился на территории могильника, хотя в действительности местоположение капища приходится именно на центр городища, считать же капища

более древним, чем городище, нет никаких оснований (что, в конце концов, подчеркивает и сам Каргер, датируя памятник VIII—IX вв.).

Особое мнение, принципиально отличное от всех других, высказали авторы раскопок 1937 г., которые считали сооружение фундаментом оборонительной башни [92, с. 110]. Но никаких аргументов в подтверждение этой точки зрения не было приведено.

К сожалению, свидетельства источников об идеологических представлениях славянских племен до образования Киевского государства очень скупы. Прокопий Кесарийский, автор VI в., писал о склавинах и антах: «Они считают, что один лишь бог, творец молний, является владыкой над всеми, ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды» [Прос. ВГ, III, 14, 23]. Коль были жертвы, то безусловно, были и жертвенные места; и множество костей домашних животных, найденных во время раскопок В. В. Хвойки, могут быть объяснены именно как остатки животных, принесенных в жертву языческим богам.

Большой интерес представляет описание восточнославянских святилищ, приведенное Ибн-Фадланом. Из него видно, что у древних восточных славян существовали и изображения языческих богов, и специальные места культа. Изображения богов в подавляющем большинстве до нас не дошли, т. к. были сделаны из дерева, которое плохо сохраняется в земле. Но вместе с тем, по крайней мере в некоторых местах, их делали из камня, и в таком случае археология становится нам полезной. На Подолии еще совсем недавно на многих древних поселениях сохранялись каменные скульптурные изображения идолов. Наиболее известным является знаменитый збручский идол, сброшенный в р. Збруч, очевидно, во времена христианизации Руси в конце X в. Одной из последних находок этого рода являются три статуи из с. Иванковцы (Хмельницкой области), которые были обнаружены на территории поселения поздней черняховской культуры.

Можно также вспомнить культовые «городища» Барсучья Горка на Могилевщине [193], во Вщиже [167, с. 108—113], в Тушемле на Смоленщине [205] и др., которые представляли собой большие укрепленные сооружения.

В с. Хребтиев на Днестре святилище VIII—IX вв. также представляло собой небольшое городище без культурного слоя, с двумя линиями невысоких валов [29]. Еще в конце прошлого столетия на этом городище стояла каменная статуя языческого идола («баба») [58, с. 294].

В Киеве никаких данных, указывающих на наличие каменных идолов, не имеется. Идолы, поставленные Владимиром Святославичем на созданном им киевском пантеоне в конце X в., были деревянными [151, с. 56]. Вероятно, деревянными были и изображения тех богов,

которым поклонялись посетители раннего киевского капища; никаких следов их не могло сохраниться.

Трудно сказать, находилось ли это капище на открытом воздухе, подобно Иванковецкому святилищу или святилищу Перуна в Новгороде [234, с. 250—252], или внутри какого-то монументального сооружения, подобного тем, которые существовали у прибалтийских славян, в Арконе, Ретре и Винете. Но независимо от полной реконструкции киевское капище является выдающимся памятником восточнославянской идеологии второй половины I тысячелетия н. э.; связанным с населенным пунктом, который именно в это время выдвигается как наиболее важный экономический, административно-политический и культурный центр Восточной Европы.

Могильник

За валами городища находился большой могильник, который, надо полагать, представлял непосредственную традицию расположенного тут же кладбища первых столетий новой эры, о котором была речь выше. К сожалению, пока что не имеем хорошо сохранившихся погребений, надежно датированных VI—VII вв., но следует иметь в виду, что этот период археологически менее всего разработан; не исключено, что некоторые из раскопанных, но точно не датированных погребений приходятся именно на это время: существование поселения и в эту эпоху делает такое предположение вполне возможным.

Однако бесспорным фактом является то, что подавляющее большинство исследованных погребений относится к IX—X (возможно к VIII—X) вв. Это объясняется по меньшей мере двумя причинами: во-первых, более поздние погребения уничтожали более ранние, вследствие чего шансы сохраниться у тех были значительно меньшими. Во-вторых, Киев IX—X вв. переживал особенно бурный рост, связанный с завершением процесса образования древнерусского феодализма и превращения города в столицу великого государства — Киевской Руси.

Исследование могильника, начавшееся более шестидесяти лет тому назад и продолжающееся до наших дней, показало, что его площадь не ограничивалась районом непосредственно около городища, а охватывала значительно большее пространство [10, с. 97—98; 219; 215; с. 56; 39, с. 136—139; 48, с. 27—29; 235; 91; 53]. Отдельные, случайно уцелевшие погребения IX—X вв. либо более древние были обнаружены на Житомирской ул., Рейтерской, вблизи Софийского собора, на усадьбе Михайловского монастыря, в районе Золотых Ворот и т. д. Подавляющее же большинство погребений было уничтожено жилыми кварталами Города Владимира и Города Ярослава либо городским строительством более позднего времени. Сейчас можно насчитать свыше ста десяти погребений, исследованных на территории Старого города [92, с. 138—212].

Подавляющее большинство из них показывает обряд труположения. Скелеты обычно лежали в глубокой прямоугольной яме, головой на запад, с незначительными отклонениями. Лишь в одном случае покойник лежал головой на северо-восток и в двух — на юг. Умерших, как правило, хоронили в деревянных гробах, сбитых с помощью железных гвоздей, в вытянутом положении. Иногда покойник посыпался пеплом, золой и углем, в чем усматривают какие-то пережитки обряда трупосожжения, а один скелет был посыпан семенами льна. Так же лишь в одном случае засвидетельствовано покрытие гроба берестой. Наиболее богатые семейные погребения имели специальные деревянные сооружения типа склепов.

Обряд трупосожжения зафиксирован лишь в восьми случаях. Иногда прах сожженного покойника помещался в урну, но чаще оставлялся на кострище, которое сверху перекрывалось курганной насыпью. Иногда на кострище обнаруживались урны; следовательно, сначала покойника сжигали, затем останки собирали и помещали в горшок, который ставили тут же, непосредственно на месте кремации [80, с. 128].

Инвентарь рядовых погребений не отличается богатством. Кроме керамики, изготовленной как на гончарном круге, так и лепленной вручную (в большинстве горшки), встречаются металлические вещи (железные ножи, иногда с костяными ручками, кресала, пряжки, кольца, височные кольца, серьги и пр.), изделия из кости (гребни, острия), точильные камни, бусы и т. д. Иногда встречаются монеты, обработанные в виде подвесок; амулеты из клыков кабана. Женские погребения в общем богаче мужских.

Совершенно иную картину видим в погребениях феодальной знати, которые отличаются выразительным богатством инвентаря. Имуущественная дифференциация погребений, так ярко выраженная в киевском некрополе, является непосредственным отражением социальной дифференциации восточнославянского общества конца I тысячелетия н. э., которая сделала большой шаг вперед в сравнении с предыдущей эпохой.

Прежде всего в так называемых «дружинных», т. е. феодальных, погребениях находим много оружия: железные мечи так называемого франкского (а в действительности общеевропейского) типа, нередко инкрустированные серебром и золотом, с богато украшенными рукоятками и ножами; кинжалы, боевые топоры, наконечники копий и стрел, щиты, шлемы, кольчуги. Зачастую встречались и остатки конской сбруи: удила, шпоры, в одном случае — остатки седла. Значительно богаче представлены и украшения: гривны, подвески, декоративные нашивные бляшки (в том числе и от панциря), пряжки, сережки, бусы и т. д., а также монеты. Отметим находки так называемых черепахообразных фибул скандинавского типа, которые были основанием для

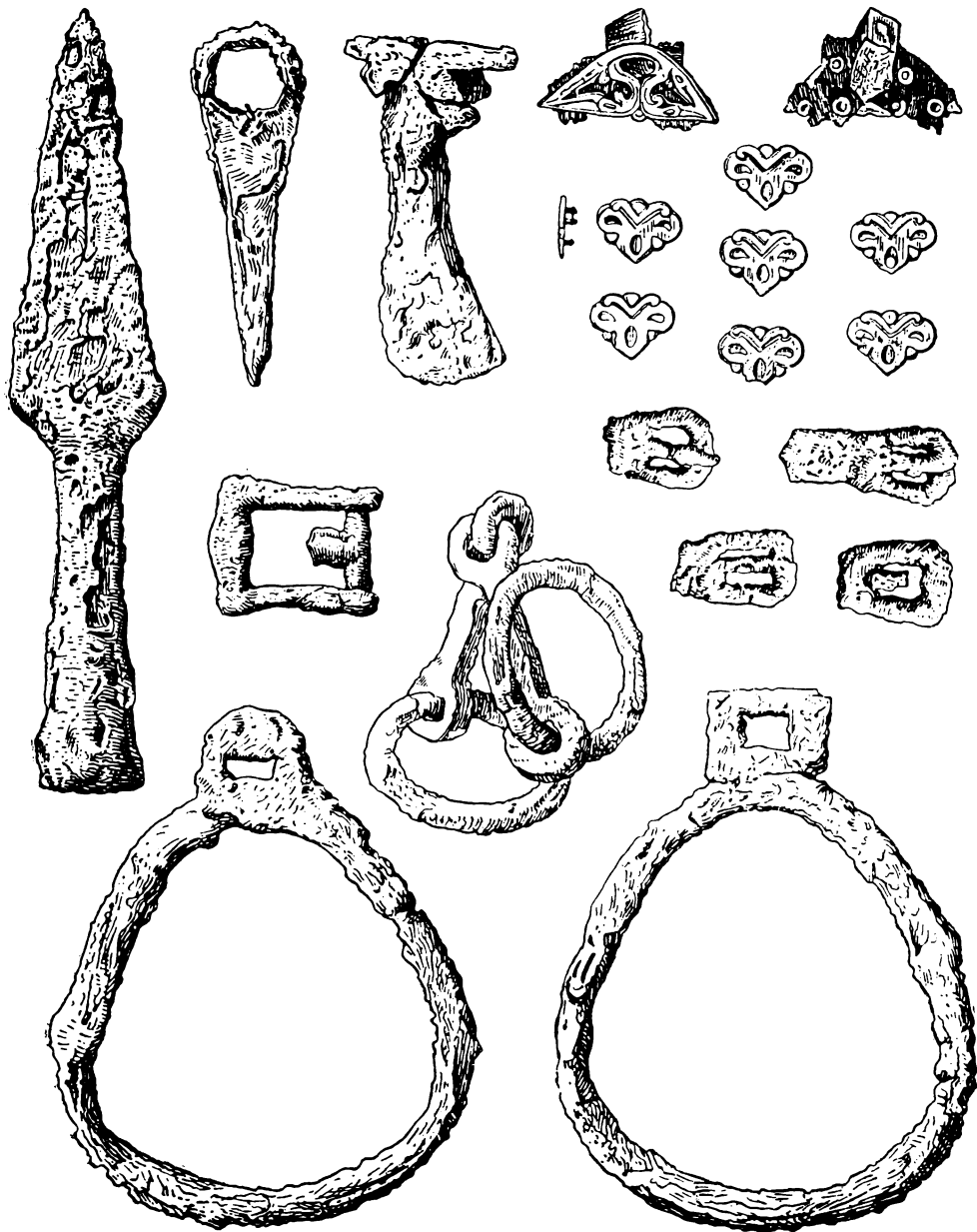

Рис. 23. Инвентарь погребения IX—X вв.

утверждений относительно норманского происхождения древнерусской дружины [12, 13]. Поэтому так важно подчеркнуть исключительную редкость этих фибул в погребениях киевского некрополя: на Старокиевской горе фибула скандинавского типа встретилась лишь один раз, и то переделанной в медальон [78, с. 54—55; 79, с. 69; 39, с. 137]. Кроме того, подобные фибулы были найдены в двух погребениях в районе Кирилловской ул. [14]. Это подтверждает славянский характер основной части феодальных погребений древнего Киева, так же как и других некрополей древней Руси (Гнездовского около Смоленска, Шестовицкого около Чернигова).

Наконец, можно отметить кресала и огнива, оселки (как предполагают для заточки стрел), кости для игры, стеклянные шашки. Уникальную находку представляет бронзовая курильница, обнаруженная в погребении, раскопанном в районе Софийского собора [70, табл. XXXIX].

Некоторые из дружинных погребений сопровождаются захоронением лошади. Особую категорию представляют парные погребения, т. е. погребение дружинника-феодала вместе с женой-рабыней. Таких погребений обнаружено немного (лишь пять), но они свидетельствуют о весьма глубокой социальной дифференциации восточнославянского общества конца I тысячелетия н. э.

Наиболее богатыми считаются дружинные погребения, сопровождающиеся и рабыней, и боевым конем. К этой категории принадлежит лишь одно погребение, обнаруженное раскопками Т. Н. Мовчановского на территории Исторического музея в 1936 г. [235, с. 59; 92, с. 178—182]. Оно находилось в деревянном склепе 3,5 м длиной, углубленном почти на 4 м от уровня современной поверхности и перекрытом деревянной крышей. В склепе лежали человеческие скелеты — мужской и женский — и часть лошадиного скелета (череп и несколько позвонков). Погребальный инвентарь был разграблен (что уже само по себе свидетельствует о его богатстве), но и то, что сохранилось, отличается разнообразием и эффективностью. Здесь обнаружены остатки вооружения (оковка щита); ожерелье из сердоликовых бусин и восьми серебряных дирхемов, обработанных как подвески, три серебряные сережки художественной филигранной работы; большая серебряная пряжка-фольгама с золотыми и позолоченными деталями, представляющая настоящий шедевр ювелирного искусства; серебряное богато украшенное кольцо с чернью; две жемчужные бусины, а также бронзовый ключик от шкатулки или сундука — вещь, непосредственно связанная с институтом собственности.

Могильник IX—X вв., расположенный около стен древнейшего Киевского городища, демонстрирует законченную в основном картину феодализма, процесс образования которого хронологически совпадает

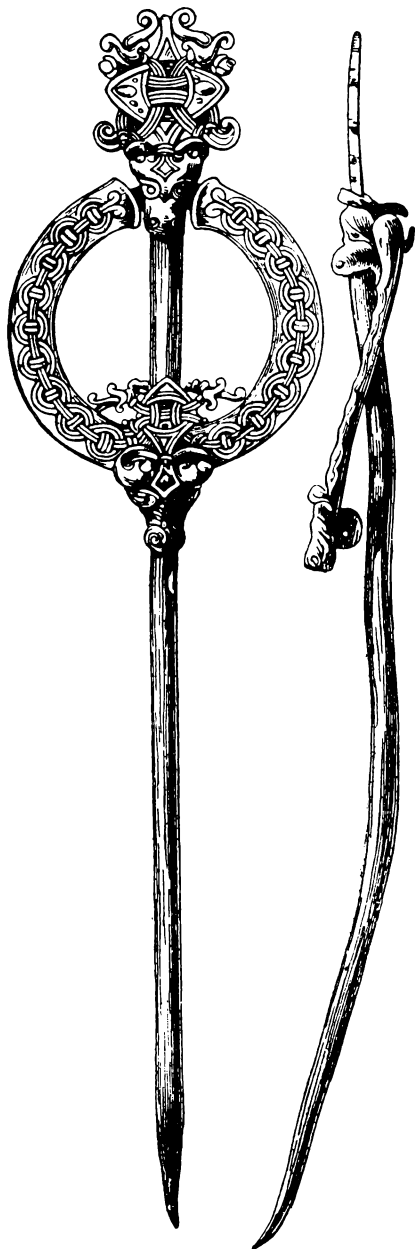

Рис. 24. Фибула-пряжка из погребения IX—X вв.

с процессом возникновения Киевского государства. Итак, видим, что наряду и параллельно с процессом превращения протокиевского ядра поселений в ремесленно-торговый центр оно приобретало и значение центра, сосредотачивающего в своих стенах представителей высшего феодального класса, который формировался в рассматриваемое время. Во второй половине I тысячелетия н. э. Киев был значительным политическим центром Восточной Европы — столицей полянского княжества — непосредственного предшественника и зародыша Киевского государства.

Археология, как видим, не только подтверждает это, но и рисует процесс совершенно конкретно, наглядно и убедительно, не просто устанавливая наличие факта, как такового, но и демонстрируя степень его развития.

Другие районы Киева в конце I тысячелетия Городище на Старокиевской горе было центром Киева второй половины I тысячелетия н. э., к которому тяготели все другие расположенные вокруг поселения. Процесс слияния их в единый городской организм развивался параллельно выдвиганию Киева как города в течение VII—X вв., когда окончательно оформилась его топография, в основном намеченная еще в начале новой эры. Кроме городища, районами возникшего города были: Замковая гора, Шекавица, край плато вдоль современной ул. Житомирской (в частности, так называемая гора Детинка) и Подол вместе с Кожемяцким и Гончаровским оврагами.

На Замковой горе культурный слой второй половины I тысячелетия фиксирован достаточно выразительно. Отметим керамику, очень близкую к керамике так называемой роменской культуры, распространенной на Левобережье Днестра в VIII—X вв. [116; 160, с. 145—146]. Это — лепная посуда, изготовленная из очень грубой, плохо обработанной глины с примесью шамота или крупного песка, довольно плохо обожженная. Из форм представлены лишь две: горшки и сковородки с низеньким бортиком. Характерен волнистый и линейный орнамент или защипы по венчику. Вместе с тем найдена и керамика более высокого качества, изготовленная на гончарном круге.

Раскопками 1940 г. удалось обнаружить остатки жилища IX—X вв., частично уничтоженного обрывом горы. Сохранились ямки от столбов, остатки глинобитных стен, а также большая печь, сделанная из глины с примесью соломы. Рядом с жилищем обнаружены остатки обгорелого забора из тонкой лозы, возможно от стен [160, с. 145].

Территория Замковой горы в эпоху Киевской Руси представляла собой важный ремесленный район города. Следы раннего развития ремесла (по крайней мере в IX—X вв.) здесь является любопытная формочка для отливки некоторых видов украшений, а также — так называемых «варварских» подражаний дирхемам — имитаций арабских

монет. Эта формочка была найдена еще до революции при случайных обстоятельствах (при земляных работах), хотя отнесение ее к культурному слою поселения не может вызвать сомнений [135-а, с. 334—335].

О том, что Щекавица также была заселена в это время, уже говорилось выше. Земляные работы, проводимые на горе, дают в том или ином количестве древнерусский материал, в том числе и сравнительно ранний (не позднее IX—X вв.) [22, с. 68—69].

Территория края плато вдоль современной ул. Житомирской, где во времена Киевской Руси находился Копырьев конец, также втягивается в состав городской территории. Здесь большой интерес, в частности, составляет площадка горы Детинки, расположенной между Кожемяцким оврагом и современной Львовской площадью — районом, заселенным еще до рубежа новой эры. Эта гора представляет собой вытянутый на север выступ плато, ограниченный с запада долиной Киянки, соединяющейся с Глубочицкой долиной, а с востока и севера — Кожемяцким оврагом. На Детинке обнаружено несколько погребений XII в. и остатки жилищ более раннего времени (XI — начала XII в.) [100]. Однако здесь попадает и более древний материал, в том числе и лепная керамика, что свидетельствует о заселении Детинки не только в IX—X вв., а и в более раннее время.

Важным районом новообразованного города был и Подол, где находки конца I тысячелетия н. э. (IX—X вв., а может и более раннего времени) встречаются, можно сказать, повсеместно. Это хорошо зафиксировано наблюдениями за земляными работами, в частности, во время газификации Подола в 1949—1950 гг. [182, с. 180—181]. Во многих точках Подола обнаружена стратиграфия культурных наслоений, в основе которой встречается керамика IX—X вв. и более древние обломки лепной посуды. Находки отдельных вещей, в том числе византийских и арабских монет, подтверждают, что жизнь на Подоле была очень оживленной и во времена образования Киевского государства.

В 1950 г. были проведены археологические раскопки на углу ул. Волосской и Героев Триполья [20]. Было обнаружено несколько объектов XI—XIII вв., а ниже их, в основе культурной стратиграфии — сильно разрушенные позднейшими слоями остатки более древнего времени. По предположению автора раскопок, ему удалось открыть следы металлообрабатывающего производства IX—X вв.

Существует мнение, что в эпоху ранней Руси Подол был непригодным для жизни. Ссылаются на сообщения летописи о прибытии в Киев древлянских послов в 945 г.: «И послаша деревляне лучшие мужи, числом 20, в лодыи к Ользе, и присташа под Боричевым в лодыи. Бе бо тогда вода текуши въздоле горы Киевския и на Подольи не сядяху людье, но на горе» [151, с. 40]. Однако из летописного кон-

текста вытекает, что речь идет об исключительных условиях; люди не жили на Подоле именно в тот момент, когда прибыли послы. Поскольку события проходили весной, то причину явления понять нетрудно: Подол был залит паводковыми водами Днепра, вследствие чего древлянские послы и не застали там людей. Поэтому летописное сообщение свидетельствует не об отсутствии жизни на Подоле в X в., а скорее о его наличии. Это и находит свое подтверждение в археологических материалах.

Старокиевская гора, Замковая гора, Шекавица, Детинка с прилегающими участками в районе Львовской площади и Подол — все эти районы в своей совокупности составляли территорию собственно города Киева. И все они не были новосозданными; всюду так или иначе имеются следы жизни в предыдущую эпоху.

Вместе с тем Киев был окружен пригородными селами, слободами, усадьбами и замками, возникновение которых также относится в преобладающем большинстве ко второй половине I тысячелетия. Можно считать, что окружение Киева, которое мы знаем из источников XI—XIII вв., окончательно складывалось именно в это время.

Расположенное на юг от Киева село Берестово известно из письменных источников уже в X в. Тут находился дворец киевского князя Владимира Святославича. Рядом с ним над Аскольдовой могилой расположено урочище Угорское, где отмечены следы жизни от рубежа новой эры; находки арабских монет подтверждают существование здесь поселений и в конце I тысячелетия н. э. Район между Киевом и Берестовым не был заселен и во времена Киевской Руси: Крещатая долина, отделяющая плато Липок от Старокиевского плато, была заповедным парком, местом княжеской охоты. Эта роль ее также, надо полагать, определена еще в конце I тысячелетия н. э. В районе будущего Клова жизнь возникла не позже X — начала XI в. Свидетельством этого является клад, найденный на бывшей усадьбе Л. И. Бродского (ныне — ул. Р. Люксембург) [92, с. 125]. Он состоял из трех золотых браслетов и двух золотых гривен — уникальных предметов во всей древнерусской археологии (о существовании золотых гривен знаем из письменных источников). Дату клада фиксируют 13 монет, наиболее поздние из которых были чеканены при императорах Василии II и Константине VIII (976—1025 гг.).

Замыкалась киевская периферия на юге Китаевским городищем IX—X вв. и связанными с ним селищем и могильником. Вспомним, что и Пироговское городище было построено в то же время.

На севере аналогичную роль играл Вышгород, возникновение которого также относится ко времени не позже IX в. В X—XIII вв. Вышгород был самостоятельным городом с достаточно развитым ремеслом. Археологическое исследование Вышгорода, продолжающееся длительное

время, дало прекрасный материал, подтверждающий существование города в IX—X вв., а возможно и еще раньше.

Дорога к Вышгороду шла вдоль края плато высокого коренного берега Днепра (так называемые Кирилловские высоты). И здесь существовало несколько древнерусских поселений и городище, усадеб, слобод, по меньшей мере часть из них возникла еще в конце I тысячелетия. В частности, отметим могильник на Кирилловских высотах, связанный с древним городищем вблизи Иорданской церкви. К великому сожалению, это городище сейчас полностью уничтожено оползнями склонов. Зато прекрасные материалы дают погребения расположенного здесь могильника, которые датируют его временем VIII—X вв. Среди них особенный интерес представляет женское погребение с труположением и достаточно богатым инвентарем (серебряные и золотая сережки, бусы, серебряные подвески, фибулы скандинавского типа, точильный оселок), исследованное в усадьбе Марра [6, с. 43; 5, с. 251—252]. Погребение датируется арабской монетой, чеканенной в 759—760 гг.

Славянские курганы IX—X вв. (а возможно и VIII—X вв.) исследовались в других районах Кирилловских высот (Юрковица, усадьбы Зарембских, Зиваля, Багреева, Свитославского и т. д.) [215, с. 53—57; 52; 92, с. 134—138]. Они свидетельствуют, что в конце I тысячелетия н. э. эти высоты были заселены достаточно густо.

В западном направлении подходы к Киеву во времена его подъема защищал Белгород — город и крепость, построенные в конце X в. князем Владимиром Святославичем. Однако археологические материалы из Белгородского городища (находки лепной керамики) показывают, что до строительства городских укреплений поселение здесь существовало, наверное, в течение всего I тысячелетия н. э.¹

Широкая территория между Белгородом и собственно Киевом остается археологически неисследованной. Здесь, в частности, находится верховье р. Лыбедь, впадающей в Днепр выше Китаева. На левом берегу Лыбеди, очевидно также в конце I тысячелетия н. э., возникло село Предславино, существование которого письменными источниками засвидетельствовано в X в. [151, с. 56]. На противоположной стороне долины, в ур. Пронивщина, имеется древнерусский могильник IX—X вв. [180], связанный с каким-то поселением, возможно, именно с Предславином.

Таким образом, в IX—X вв. территория раннесредневекового Киева, намеченная еще в предыдущей эпохе, складывается окончательно, хотя в наших знаниях существуют определенные пробелы (Предславино, Дорогожичи, Рудица, Выдубечи и др.). Это касается как тер-

¹ Сборы В. Дяденко.

ритории собственно города, которая охватывала Старокиевскую и Замокую горы, Шекавицу, Детинку и прилегающие районы плато, Подол с Кожемяцким оврагом, так и Большого Киева, т. е. периферии города, которая слагалась из пригородных сел, слобод, усадеб, замков и т. п.

Экономическое развитие Киева

Процесс образования городской территории точно совпадает с процессом возникновения города, т. е. превращения Киева в большой ремесленно-торговый и административный центр. Этот процесс развивался как проявление общего социально-экономического развития восточных славян.

Экономическому развитию Киева в эпоху раннего средневековья особенно содействовало его удобное географическое местоположение на перекрестке главных торговых дорог в районе, отличающемся очень выгодными естественными условиями.

Киев расположен на границе зоны лесостепи и леса. Лесостепная полоса обеспечивала жителей киевской окраины плодородными землями, наиболее пригодными для обработки с помощью тогдашней техники и способными обеспечить прибавочный продукт сельскому производителю. Лес давал дерево, роль которого в производстве того времени была универсальной. Хорошо разветвленная гидрографическая сеть гарантировала возможность сравнительно легкого сообщения и вместе с лесными массивами создавала прекрасные условия для развития промыслов (охоты, бортничества, рыболовства и пр.). Продукция промыслов занимала ощутимое место в древнеславянском товарном производстве и внешней торговле: письменные источники единогласно называют меха, мед, воск и тому подобные товары среди основных предметов вывоза из Руси в Византию, арабские страны, в Западную Европу.

Наконец, необходимо отметить богатство киевской окраины теми видами полезных ископаемых, которые могли бы использоваться в условиях древнерусского производства. Это — знаменитые киевские глины, которые являются прекрасным сырьем для керамического производства; неограниченные залежи песка, необходимого как для керамического, так и для стекольного производства; близость к месторождениям гранита на Роси и на Тетере и розового овручского шифера, который употреблялся во многих отраслях древнерусской промышленности (строительство, ювелирное дело, резьба, изготовление пряслиц и пр.). Особое же значение имело наличие больших залежей болотной железной руды, которая была основным сырьем для древнерусской черной металлургии. Такими залежами особенно богаты долины небольших полесских рек, которых немало вокруг Киева.

Все это не могло не отразиться на состоянии экономики древнего Киева, создавая широкие возможности для ее процветания.

Но пожалуй самым важным преимуществом географического местоположения Киева была исключительно развитая сеть коммуникаций, которая обеспечивала ему постоянную связь не только со всеми районами Руси, но и с главными странами Европы и Востока. Важнейшей среди этих дорог был Днепровский водный путь, известный как путь «из варяг в греки», значение которого подчеркивается в «Повести временных лет» [с. 11—12]. С помощью этого пути Русь осуществляла экономические (да и не только экономические) связи почти со всеми европейскими странами.

Днепровский путь «из варяг в греки» дополнялся водными путями по Припяти и Десне. Первый вел в западноевропейские страны, прежде всего славянские; второй связывал днепровских полян со странами мусульманского востока и Хозарией; надо полагать, что уже в это время существовали переволоки от Десны или Днестра на Оку и тем самым — в бассейн Волги. Следовательно, расположение Киева при впадении Десны в Днепр и очень близко от устья Припяти, приходится на перекресток самых важных коммуникаций, направленных с юга на север и с запада на восток. Вместе с тем необходимо отметить и некоторые сухопутные дороги, которые связывали Киев с такими районами, куда не было прямого водного пути. Главнейшими из них были Соляной и Залозный пути, возникновение которых, очевидно, уходит далеко в глубь веков.

Соляной путь вел из Киева в Прикарпатье, которое было центром соледобывающей промышленности у восточных славян, во всяком случае еще в первые столетия нашей эры: об этом свидетельствуют находки римских монет в древних шахтах Солотвины [34, с. 136]. Залозным путем ездили «гречники», т. е. купцы, торговавшие с греками (византийцами). Он шел на юг, в область Причерноморья, к византийским владениям (если не в самую Византию). Район Керчи (древнерусский Корчев) со времен раннего средневековья становится выдающимся центром древнерусской металлообрабатывающей промышленности (о чем свидетельствует его славянское название, равнозначное современному «город кузнецов»).

Экономическое развитие Киева на протяжении VII—X вв. составляет основу процесса возникновения города, т. е. превращение группы сельских поселений в ремесленно-торговый центр. К сожалению, археологический материал пока еще не дает возможности осветить этот вопрос так подробно, как хотелось бы. Подавляющее большинство археологических объектов, раскопанных в древнейшей части Киева, относится ко времени перед разгромом города Батыем, т. е. к первой половине XIII в.; более древние объекты были в большинстве своем уничтожены кварталами XII—XIII вв., и лишь местами уцелели остатки древних культурных слоев (например, капище).

Раскопки В. В. Хвойки, проведенные на территории древнейшего городища, открыли ряд ремесленных мастерских (ювелирной, стекольной и т. д.) [215, с. 71], но время существования их приходится на период расцвета Киевской Руси, когда этого городища уже не существовало. По сути, единственным источником, на основании которого можно судить о развитии киевского ремесла в более ранние времена, является инвентарь могильника [92, с. 372—373], в той мере, в которой имеются основания считать этот инвентарь вещами местного производства (что касается большинства вещей массового характера, это не вызывает сомнения). Однако значение этого материала в плане исследования производственной деятельности киевских ремесленников, безусловно, требует оговорок.

Лучше всего в материалах могильника представлено ювелирное производство: большинство украшений, найденных в погребениях, составляли местные изделия. Эти находки (подвески, сережки, кольца, пряжки, декоративные бляшки и т. д.) свидетельствуют о высоком уровне профессионального мастерства киевских ювелиров. Техническая сторона ювелирного дела во второй половине I тысячелетия н. э. достигла немалой степени совершенства. Восточнославянские мастера знали целый ряд сложных приемов (зернь, скань, филигрань, инкрустацию, позолоту, которая осуществлялась разными способами, и т. д.). Материалы, характеризующие уровень ювелирного ремесла в Киеве конца I тысячелетия н. э., вместе с тем являются важным свидетельством общего развития ремесленного производства у жителей города.

Сложнее обстоит дело с предметами вооружения, которые, в свою очередь, показывают довольно высокую степень развития ремесленного (металлообрабатывающего) производства. В отношении по крайней мере части из них можно допускать иностранное происхождение, хотя нет сомнения, что большинство вещей было изготовлено в Киеве.

Говоря о металлообрабатывающем деле в Киеве конца I тысячелетия н. э., вспомним следы железодельного производства, обнаруженные на Подоле. По утверждению В. А. Богусевича, ему в 1950 г. удалось обнаружить «углубления круглой формы диаметром около 1,5 м, дно которых выложено толстым слоем глины, над которым находилось скопление железных шлаков и криц, а также куски известки. Вокруг было большое количество древесного угля, сажи и щепы» [20, с. 45]. Эти углубления В. А. Богусевич считает остатками железоплавильных горнов. Тогда же были обнаружены остатки сооружения (навеса или сарая) на четырех столбах, с которым связывались находки кусков железного шлака, угля и щепы, а также типичной керамики IX—X вв. Это сооружение, по мнению автора раскопок, также связано с металлообрабатывающим производством.

К сожалению, описанные объекты отличаются слишком плохой сохранностью и отнюдь не могут похвалиться особенной ясностью. Поэтому приведенные данные требуют серьезной проверки.

Любопытным свидетельством развития ювелирного ремесла в Киеве на переломе тысячелетий является упоминавшаяся выше литейная формочка, найденная на Замковой горе. Эта формочка была изготовлена из «зернистого песчаника»; с одной стороны она имела матрицу для отливки колечек и монеты-подражания самонидского дирхема, с противоположной стороны — орнамент в виде сетки и также матрицу для отливки какого-то изделия, на одной из боковых сторон — рисунок, напоминающий форму маленького меча [135-а, с. 334—335].

Эта формочка представляет исключительный интерес не только сама по себе, как орудие ювелирного производства и, следовательно, свидетельство наличия на Замковой горе мастерской по производству украшений где-то около IX—X вв., но прежде всего — как свидетельство изготовления в Киеве местных монет, подражающих арабским образцам.

В связи с этой находкой была высказана мысль, что такие подражания (довольно часто встречающиеся на территории Восточной Европы) были не монетами в собственном смысле слова, а украшениями [135-а, с. 334—335]. Однако, это мнение основано на недоразумении. Находка на Замковой горе свидетельствует о том, что изготовлением подобных монет занимались ювелиры, но это ничего не меняет по сути, так как известно, что в средние века монетное дело нередко было прерогативой именно золотых дел мастеров. Об этом, в частности, свидетельствует «Житие св. Элуа», главный герой которого был одновременно и ювелиром и чеканщиком монеты при дворе франкских королей Хлотаря II и Дагоберта; там же упоминается и метр Аббон, также бывший ювелиром и одновременно чеканивший монету в Лиможе.

Что же касается древнерусских подражаний арабским монетам, то их подлинное назначение отлично фиксируется многочисленными находками в кладах, где они выступают вместе с настоящими дирхемами. Следовательно, их монетная функция — вне сомнений.

Значительным материалом для освещения развития гончарного производства является посуда, встречающаяся не только в погребениях, но и в культурных слоях поселений. В конце I тысячелетия н. э. в Киеве совсем выходит из употребления посуда, изготовленная вручную, т. е. посуда домашнего производства. Начиная с IX в., здесь полностью господствует гончарная посуда, т. е. посуда массового, ремесленного производства, рассчитанного на продажу. Этот факт подчеркивает значение Киева как ремесленного центра. На периферийных поселениях так называемой роменской культуры, например, лепная керамика преобладала еще в течение всего X в.

Находки изделий из кости, камня, стекла свидетельствуют о наличии и этих отраслей производства, хотя и среди них могли быть призовые предметы (особенно стеклянные).

Надо надеяться, что будущие археологические исследования на территории Киева, особенно на Подоле, который во времена Киевской Руси был главным ремесленным районом города, позволят обнаружить и непосредственные остатки производственных мастерских конца I тысячелетия н. э. Наличие в топонимике Киева очень древних имен, связанных с ремесленной деятельностью (Гончары, Кожемяки), дает хорошие перспективы в этом отношении: очевидно, уже в IX—X вв. отдельные виды ремесла концентрировались в определенных районах города. Поэтому остатки гончарного ремесла в Киеве следует искать на склонах оврага, названного Гончарами, так же как остатки кожевенного производства — в районе Кожемяк. К сожалению, именно эти районы пока что совсем не привлекали внимания археологов.

Находки монет VIII—X вв.

Что же касается развития торговой деятельности жителей Киева конца I тысячелетия н. э., то большое значение имеют неоднократные находки иностранных — арабских и византийских — монет, попадавшихся в разных местах древнейшей части Киева. Сравнительно меньшее количество византийских монет, найденных в Киеве (как и вообще на восточнославянских землях), объясняется равномерным торговым балансом между Русью и Византией, вследствие чего на Русь шли не монеты, а товары потребления.

Период V—VIII вв. в истории Восточной Европы считается «периодом безденежья». После интенсивного прилива римских монет в первые столетия новой эры на рубеже IV и V вв. поступление иностранной монеты на восточнославянские земли почти прекращается. Причиной этого была тревожная обстановка так называемого переселения народов — широкого движения «варварских» племен и народов против Римской империи. Лишь в VII—VIII вв. обстановка в Восточной Европе начинает постепенно нормализоваться, а в IX—X вв. внешняя торговля восточных славян, в частности с Византией и арабскими странами, значительно оживляется, и это сразу отражается на поступлении монет. Именно поэтому на территории восточных славян находим очень много римских монет, особенно II в. н. э. и монет IX—X вв., в то время как монеты III—IV и VIII вв. встречаются у нас значительно меньше, а V—VII вв. представлены лишь единичными находками.

Эта картина находит свое отражение и в киевских древностях. Однако среди киевских находок римских монет довольно большой процент составляют монеты III—IV вв., вообще сравнительно редкие на наших землях. Это может быть свидетельством не только нормального развития киевской торговли между II и V вв., но и определенного уси-

ления ее к середине I тысячелетия н. э.: можно полагать, что в IV в. торговля в Киеве была более развита, чем во II в.

Нельзя не вспомнить и те находки монет V—VI вв., которые известны в Киеве: монету Феодосия Великого, найденную на Кудрявце, монету Евдоксии, найденную на Подоле, монеты Анастасия и Юстиниана I, найденные на Замковой горе, монету Юстиниана I, найденную на Подоле. Учитывая особенную редкость монет этого времени в Восточной Европе, они являются исключительно важным свидетельством развития торговли в Киеве во времена сооружения древнейшего Киевского городища.

Находки монет VII—X вв. в Киеве встречались неоднократно, причем в течение названного времени заметно количественное нарастание, которое отражает постепенное повышение роли иностранной торговли в экономической жизни жителей города. Отметим, что, с одной стороны, более ранние монеты часто встречались в составе кладов IX—X вв., что указывает на их длительное обращение на протяжении нескольких столетий. С другой стороны, в Киеве почти нет кладов, которые включали бы лишь монеты X в. (хотя такие клады встречались в других местах Восточной Европы). Это свидетельствует о продолжительности процесса накопления сокровищ и вместе с тем об оживлении торговли деятельности в Киеве в течение всего времени VIII—IX вв.

Важными являются находки в районе Старого города, где был центр Киева IX—X вв.

На ул. Б. Подвальной, в усадьбе И. А. Сикорского, в медном котелке было найдено 2930 серебряных монет [139, с. 198, 253; 82, с. 97]. Большинство из них (2458) — дирхемы Аббасидской династии, чеканенные между 749 и 900 гг. Кроме того, здесь было 117 дирхемов Самонидской династии, чеканенных в 900—907 гг., омейядский дирхем 708 г., одна истахрийская монета 745 г., монета тугдийской чеканки 792 г. и пять варварских подражаний аббасидским дирхемам [92, с. 122]. Следовательно, хотя клад и зарыт не раньше начала X в., но состоит, в подавляющем большинстве, из более ранних монет — от начала VIII в. Кроме монет, в состав находки входили шесть золотых браслетов.

В районе современной Советской площади было найдено пять монет, среди которых был и арабский дирхем, к сожалению, точно не определенный [191, с. 39; 15, с. 147].

Вблизи Софийского собора была найдена медная византийская монета императора Иоанна Цимисхия (969—976 гг.) [213, с. 92; 15, с. 10]. В этом же районе найдена была еще одна византийская монета — золотой солид Константина VII и Романа II (945—959 гг.) [92, с. 125]. На ул. Чкалова, в усадьбе Н. Ф. Беляшевского, была найдена херсонская монета императора Василия I (867—868 гг.) [15, с. 41].

Отметим еще находку византийской монеты VIII в. на территории позднейшего Михайловского Златоверхого монастыря, которая, однако, связана с жилищем XII—XIII вв. [92, с. 327].

Несколько раз арабские и византийские монеты встречались в погребениях киевского некрополя. Это были: а) самонидский дирхем, чеканенный в самом конце IX в. либо на рубеже IX—X вв. при халифе Исмаиле ибн-Ахмате [79, с. 131; 39, с. 137; 92, с. 143]; б) два дирхема, обработанные как подвески, из которых один был чеканен в 905—906 гг., а второй остался не определенным из-за плохой сохранности [92, с. 146—147]; в) два серебряных дирхема, чеканенные в 911—912 гг. (на одном из них было ушко для подвешивания, а второй имел дыру; на нем был выцарапан крест — интересный факт, свидетельствующий о раннем проникновении христианства в Киев) [79, с. 128—129; 39, с. 138; 92, с. 174—176]; г) целое ожерелье из дирхемов (8 шт.) и сердоликовых бусин; одна монета оказалась очень потертой, а семь других были самонидскими дирхемами, чеканенными в 900—923 гг. [92, с. 178—182]; д) византийская монета — имитация золотого солида императоров Василия I и Константина (869—879 гг.), обработанная в виде подвески [79, с. 69; 39, с. 137]; е) шесть арабских дирхемов Самонидской династии самого начала X в.: один был чеканен в 900 г., три при халифе Насре ибн-Ахмате, другой представлял собою варварское подражание, а третий остался неопределенным [50, с. 145—146]; ж) византийская медная монета императора Льва VI (886—912 гг.) [53, с. 124—125].

Неоднократно встречались также находки арабских и византийских монет на Замковой горе. Помимо уже упомянутых монет Анастасия и Юстиниана I, здесь найден редкостный по составу клад монет IX—X вв., чеканенных в Херсонесе. В состав его входили 28 монет императора Василия I (867—868 гг.), две — Василия I и Константина (869—879), пять — Романа I (919—944), одна — Романа II (959—963) и одна — Никифора Фоки (963—969) [160, с. 146; 92, с. 125]. Не были ли монеты вывезены из Херсонеса во время Крымской эпопеи Владимира Святославича? Но отсутствие здесь монет Василия II делает такое предположение маловероятным: самая поздняя монета, найденная в кладе, — Никифора Фоки, отстоит от времени похода Владимира на Корсунь более чем на 20 лет. Между тем торговые сношения Киева с Херсонесом были в IX—X вв. довольно тесными; херсонесские монеты и кроме этого клада встречались в Киеве и его окрестностях неоднократно. Поэтому вероятнее всего считать, что эти монеты попали в Киев торговыми путями.

В 1894 г. на Замковой горе была найдена серебряная византийская монета, которая, к сожалению, осталась неопределенной [92, с. 125]. По описанию, на аверсе было изображение человеческой головы (оче-

видно, портрет императора), а на реверсе — византийский крест. Такие монеты характерны для сравнительно раннего времени, в связи с чем эта находка представляет большой интерес. Во время раскопок 1940 г. на этой же горе был найден самонидский дирхем, чеканенный в 943 г. [160, с. 146]. В 1885 г. на горе за Воздвиженской церковью (т. е. снова-таки на Замковой горе) была найдена арабская монета, которая, однако, осталась хронологически неопределенной [83, с. 32; 15, с. 42].

Как и в первой половине I тысячелетия н. э. большую роль в торговой жизни Киева VIII—X вв. играл Подол. Поэтому и находки арабских и византийских монет здесь встречались неоднократно, в том числе и в виде кладов. Так, на кладбище вблизи Иорданской церкви был найден клад, содержащий 192 арабские монеты (11 из них были обработаны как подвески), два серебряных кольца со связанными концами, серебряную подвеску, украшенную зернью, и кусок серебряной проволоки (возможно, тоже монетный металл?) [46, с. 138—139; 15, с. 21—24]. Монеты оказались в большинстве самонидскими дирхемами, чеканенными между 895 и 936 гг. Лишь одна монета была тагеридской чеканки 905—906 гг. Кроме того, здесь было 12 подражаний дирхемам самаркандских Самонидов.

В этом же районе, на ул. Фрунзе (усадыба Марра), был найден один из самых интересных киевских кладов VIII—IX вв. [11, с. 414]. В состав его входили в основном вещи, а именно: скандинавская черепахоподобная фибула из серебра, несколько сережек, кольцо и подвеска, а также арабская монета, обработанная в виде подвески — аббасидский дирхем халифа Абу-Джафара эль-Мансура, чеканенная в 764 г. Этот клад, зарытый, очевидно, в IX в., интересен тем, что здесь памятником внешних связей Киева выступает не только монета, но и фибула скандинавского происхождения. На этой же усадьбе найдена аббасидская монета 759 г. [118, с. 13; 92, с. 121]. В 1889 г. на Подоле был найден еще один большой клад арабских монет, которые, к сожалению, остались неопределенными [15, с. 40]. В 1888 г. на Подоле (быв. усадьба Иванишева) был найден небольшой клад из девяти византийских монет [15, с. 49]. Эти монеты были анонимными, в связи с чем их определение затруднено; обычно их считают монетами Иоанна Цимисхия (969—976 гг.). Подобная же безыменная монета (очевидно, также Цимисхия) была найдена в Кожемяцком овраге, который непосредственно примыкает к Подолу [15, с. 40]. На территории Братского монастыря, в центральной части Подола, была найдена византийская монета X в. [83, с. 677].

Наконец, необходимо отметить клад арабских монет, найденный в 1845 г. в районе современной больницы им. Павлова [169; 15, с. 10]. Он содержал около 200 арабских монет, начиная от VIII в., но вместе

с тем и золотоордынские монеты, чеканенные в Бухаре в 50-х годах XIII в. Этот клад важный с точки зрения исторической оценки киевских находок арабских монет: он был зарыт в землю (или, точнее, не вырыт из земли) во времена монгольского нашествия, но состоял в основном из значительно более ранних монет. Это является свидетельством продолжительного обращения ранних монет в восточнославянском обществе, в частности и в Киеве.

В районе ул. Фрунзе известны также монетные находки в могилах. Так, в погребении, раскопанном вблизи пивного завода (усадьба Риккерта) в конце прошлого столетия, встретились две серебряные византийские монеты, одна из них была определена как монета императоров Романа I, Константина VII и Стефана (931—944 гг.) [14]. В усадьбе Марра обнаружено вышеупомянутое погребение, в котором найден арабский дирхем, чеканенный в 759—760 гг. при халифе Абу-Джафаре аль-Мансуре. Этот дирхем имел ушко для подвешивания [5, с. 251—252; 6, с. 43]. Отметим также находку монеты Константина Багрянородного (913—959) в очень интересном погребении купца, обнаруженном на высоких кручах правого берега Днепра над Подолом и Куревнейкой (ул. Дорогожицкая) [25, с. 7—8].

Две важные находки встретились на Печерске. Первая из них — большой клад арабских монет, найденный еще в 1706 г. во время сооружения Печерской крепости [170, с. 57; 15, с. 7]. В Петербург было привезено из этого клада 2380 монет, которые, однако, не были определены, а со временем попали в нумизматический отдел Азиатского музея и там депаспортизовались.

Второй клад был найден около Аскольдовой могилы во время земляных работ [118, с. 13; 92, с. 118—119]. Он насчитывал несколько тысяч монет (исследователи оценивают его состав по-разному, но сходятся на том, что количество дирхемов, входивших в него, превышало тысячу экземпляров). Большинство монет из этого клада погибло бесследно: лишь около 500 было определено и стало достоянием науки. Самым древним среди них был дирхем Омейядской династии, чеканенный в 746—747 гг. Далее шли аббасидские дирхемы, чеканенные в 771—891 гг.; дирхемы Тагеридов, битые в 862—878 гг.; дирхемы Самонидов, чеканенные в 893—906 гг. Кроме монет, в кладе были обнаружены и некоторые вещи, в частности два золотых витых браслета с утолщенными концами. Помещался клад в глиняном горшке, который был разбит во время находки.

В 1851 г. И. Фундуклей передал минц-кабинету Киевского университета 25 дирхемов из клада, найденного в Киеве. Поскольку их хронология (первая половина VIII — начало X в.) [191, с. 28] совпадает с хронологией только что описанного клада, существует мнение, что речь идет о части той же находки [92, с. 119]. Но другие исследо-

ватели считали, что в начале 50-х годов XIX в. в Киеве было найдено два клада арабских монет [15, с. 12].

Находки в районе Печерска, надо полагать, топографически связываются с поселением, существовавшим здесь еще от рубежа новой эры, а в VIII—X вв. превратившимся в пригородное село Берестово.

Из числа монетных находок конца I тысячелетия н. э., встретившихся в других районах города, отметим находку византийского золотого солида конца X в. в районе Бессарабки (Василия II и Константина VIII) [15, с. 39; 4, с. 39], а также клад, найденный в 1899 г. в бывшей усадьбе Бродского в районе нынешних Липок, о котором уже упоминалось. Впрочем, обе эти находки относятся к несколько более позднему времени, чем все описанные раньше. Топографически они связываются с летописным Кловом.

В 1908 г. в Киеве была найдена монета — «варварское» подражание византийской монете Василия I и Константина (869—879 гг.). Точное место находки неизвестно, но наиболее правдоподобно связывать ее с районом Старого города (Верхний город или Подол), где сосредоточивается основная масса подобных находок [136-а, с. 149—150].

Последней находкой арабских монет в Киеве были четыре дирхемы, чеканенные в 809—810 гг. халифом Амином, найденные в точно не обозначенном месте в 20-х годах нашего столетия во время прокладки дачных подземных коммуникаций [211, с. 290].

**Киев — торговый
центр**

Таким образом, в своей совокупности находки арабских и византийских монет VIII—X вв. на территории Киева являются достаточно многочисленными. Любопытно сравнить их с данными находок римских монет. Правда, статистические выкладки будут далеко не точными, поскольку полный подсчет общего количества монет и даже монетных находок, встретившихся на территории Киева, как в одном, так и во втором случае невозможен. Очень часто имеем дело с весьма схематическими сообщениями, как например: «неоднократно встречались находки», «часто находят» и т. д.; особенно это касается определения кладов («большой клад», «несколько тысяч» и т. п.). Но такие неточности касаются как ранних, так и поздних находок, поэтому их сравнение все же может быть полезным.

Всего на пять первых столетий (I—V вв. н. э.) на территорию Киева приходится не менее 40 находок кладов и отдельных монет, насчитывающих около 5—6 тыс. римских монет, а на три последних столетия (VIII—X вв.) приходится около 30 находок, насчитывающих свыше 10,5—11 тыс. арабских и византийских монет, т. е. вдвое больше за почти вдвое меньшее время. К тому же подсчеты количества римских монет являются более точными, нежели арабских.

В самом деле о кладе, найденном в 1951 г., известно, что он насчи-

тывал несколько тысяч арабских монет, а это может означать и 2—3 тыс. (как предполагал Савельев; это число берем и мы), но и 4—5 тыс., и 5—6 тыс. и т. д. О кладе, найденном на Подоле в 1889 г., сказано лишь, что он был большим (в отношении к находкам арабских монет это может означать несколько тысяч экземпляров), но мы учитываем лишь минимум в 100—200 монет. Следовательно, приведенные цифры в части монет VIII—X вв. слишком занижены, а в этом случае разница будет еще заметнее. Это свидетельствует о серьезном росте киевской торговли в течение середины и второй половины I тысячелетия н. э., которое станет еще более очевидным, если учесть, что внешняя торговля славян в конце тысячелетия имела более уравновешенный баланс, вследствие чего приток иностранной монеты в это время был сравнительно меньшим.

Вместе с тем необходимо отметить, что большее количество монет VIII—X вв., найденных в Киеве, распределяется на меньшее количество находок, несмотря на общий рост городского населения.

Это свидетельствует о концентрации монетной массы (а тем самым и торговой деятельности) в руках определенной части населения Киева, т. е. о дальнейшем углублении социального разделения труда; о начале выделения купеческой прослойки, а также о большей степени концентрации денежной формы богатства у отдельных представителей зажиточных слоев общества.

Отметим также, что находки римских монет встречались в разных, иногда очень отдаленных местах (р-н Выдубецкого монастыря, долина р. Лыбедь, Пирогово, Китаево и т. д.), тогда как находки арабских и византийских монет сконцентрированы лишь в пределах основного ядра города (Старокиевская гора, Замковая гора, Подол) и в районе Берестова. Это нельзя объяснить иначе, как следствием территориальной концентрации торговли в пределах основной части города, хотя, безусловно, далеко не каждая находка монеты непосредственно связана с торговой деятельностью населения. Особенно это касается находок в погребениях, где монеты зачастую выступают в демонитизированном виде.

Говоря о выделении в Киеве купеческой прослойки, нельзя не упомянуть об исключительно любопытном погребении одного из представителей этой прослойки, исследованном еще в конце прошлого столетия [25; 27, с. 20]. В 1882 году на усадьбе Киевского археолога-аматора Т. В. Кибальчича (Дорогожицкая ул., 40), которая находилась на плато высокого коренного правого берега Днепра, было обнаружено погребение с труположением. При скелете, лежавшем в глубокой (до 3 м) яме, были найдены две медные чашки и коромысло от весов, девять гирь для них и поломанная византийская монета Константина Багрянородного. Гири были железные, но сверху обтянутые бронзой

пластинкой. Очевидно, погребенный был человеком, в своей деятельности связанным с торговлей. Подобные погребения представителей древнерусского купечества известны и в других местах (Пересопница и др.).

М. К. Каргер, полемизируя с В. Б. Антоновичем, считавшим, что находки арабских монет в Киеве являются свидетельством широкой торговли между столицей Руси и Туркестаном в VIII—X вв., утверждает, что известные на сегодняшний день клады арабских монет в Кие-

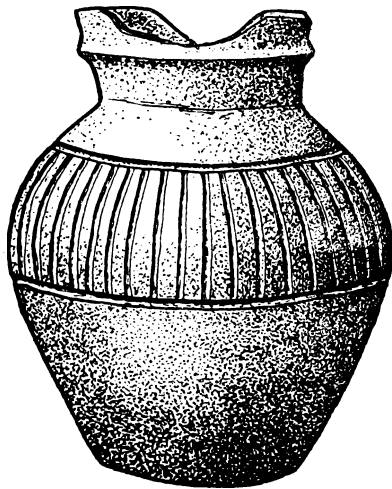

Рис. 25. Сосуд салтовского типа из могильника, исследованного на территории Пионерского сада.

р
э
у
до
жны
рассматриваться как свидетельство торговли лишь в это время [92, с. 122—125]. Очевидно, уважаемый автор считает, что монеты, попадавшие в Киев, обязательно должны были закапываться в землю на второй день после их привоза. Но такое суждение было бы слишком наивным. Без конкретной необходимости монеты в землю никто не зарывал, и определенное время они находились в сфере обращения (практически — до самого монгольского нашествия, как об этом свидетельствует клад 1845 г.). В связи с этим важно не то, что клады эти были зарыты в X в. (или может быть еще позже?), а то, что в этих кладах неизменно выступают монеты VIII—IX вв., которые количественно нередко преобладают над монетами X в. С нашей точки зрения это обстоятельство может быть свидетельством ранних связей Киева с халифатом или с землями, находившимися под влиянием последнего, ибо трудно представить себе, чтобы все эти монеты могли попасть в Киев лишь в течение X в.

Можно считать, что международная торговля Киева в IX—X вв. была очень интенсивной. Уже в это время в Киеве постоянно проживали иностранные купцы. В частности, название урочища Угорское, зафиксированное в связи с событиями IX в. [151, с. 20], возможно, обозначает слободу, заселенную купцами из Венгрии (Угорщины).

Некоторые археологические материалы свидетельствуют об определенных связях Киева с Хозарией. Так, в парке над Днепром (быв. Купеческий сад) было обнаружено свыше 30 погребений с труположением [179]. Скелеты лежали в вытянутом положении, головой на запад; в некоторых случаях были заметны остатки деревянных гробов. Вещей

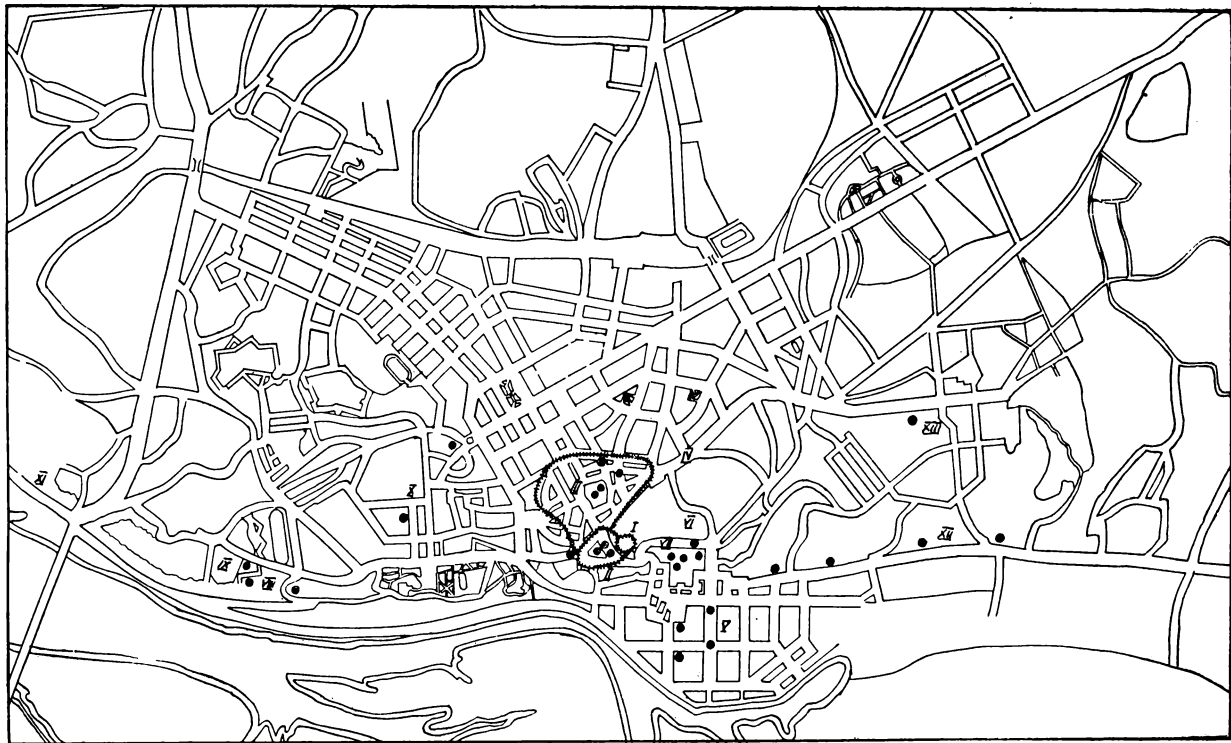

Рис. 26. Топография Киева VIII — начала XI вв.:

I — древнейшее Киевское городище, *II* — Город Владимира, *III* — Город Ярослава, *IV* — Копырьев конец, *V* — Подол, *VI* — Гончары, *VII* — Кожемяки, *VIII* — Берестово, *IX* — Лавра, *X* — Клов, *XI* — Выдубечи, *XII* — Кирилловский монастырь, *XIII* — Дорогожичи. Кружками обозначены приблизительные места находок арабских и византийских монет VIII—X вв.

было найдено очень мало: два сосуда, обломки керамики с линейным и волнистым орнаментом, три шиферных пряслица и несколько колец из низкопробного серебра. Один из сосудов — типичный славянский горшок IX—X вв., украшенный волнистым и линейным орнаментом, а второй — кувшин, напоминающий керамику салтовского типа. Он сделан на гончарном круге из хорошо обработанной глины коричневого цвета, с лощеной поверхностью и орнаментом в виде двух горизонтальных линий, соединенных частыми вертикальными линиями. Автор публикации высказывает предположение, что этот сосуд является «памятником хозарского пребывания в Киеве» [179, с. 182], ссылаясь на то, что древняя топография города знает урочище «Хозары», которое локализуется где-то в устье Почайны.

Вблизи Ирининской церкви еще в 1874 г. обнаружены погребения, среди которых были погребения в катакомбах. В числе вещей, найденных при трупах, встретились два амфорных черепка с византийскими клеймами, а также серебряная сережка, глиняное грузило, прясло из «розового и фиалкового сланца» (т. е. шиферные?), точильный брусок и кусок распиленного оленьего рога [154, с. 6; 95, с. 96—97]. Учитывая обряд погребения в катакомбах, характерный для салтовской культуры, но совершенно не свойственный древним славянам, можно допустить, что этот могильник принадлежал выходцам из Хозарии.

Таким образом, на конец I тысячелетия н. э. Киев превратился в действительно значительный торгово-ремесленный центр, который играл в экономической жизни страны весьма заметную роль. В X в. этот факт находит свое отражение в письменных источниках. Константин Багрянородный подчеркивает, что именно Киев был главным средоточием внешней торговли, которую Русь проводила с другими странами, в том числе с Византией (Const. AI, IX). Арабские авторы IX—X вв. хорошо знают Киев (Куябу) и русских купцов, так или иначе связанных с Киевом. Договоры Руси с греками, которые должны были обеспечить торговые интересы Руси на юге, в районе Черного моря, называют Киев на первом месте среди других городов страны.

Все эти материалы слишком хорошо известны, чтобы на них останавливаться специально. Не может быть сомнений, что в конце I тысячелетия н. э. — в IX—X вв. — Киев был уже не просто городом в полном понимании этого слова, а наиболее значительным и наиболее известным торгово-ремесленным центром Восточной Европы.

Так был завершён процесс развития протокиевских поселений в крупнейший город древней Руси.

Глава V

ОБЪЕДИНЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ ВОКРУГ КИЕВА

В IX в. социально-экономическое развитие восточных славян приводит к образованию у них классового, феодального общества и возникновению восточнославянской государственности. Советская наука считает IX в. временем начала феодальной формации у восточных славян и истории первого восточнославянского феодального государства — Киевской Руси, хотя в это время его границы еще не достигли максимальных масштабов.

Процесс объединения древнерусских земель имел одной из своих сторон выдвижение и утверждение Киева как общерусского политического центра. Во времени это совпадает с завершением процесса преобразования Киева в большой ремесленно-торговый центр и представляет другую сторону развития Киева как города. Поэтому без рассмотрения этой стороны ранней истории Киева проблема его возникновения не может считаться достаточно освещенной.

Норманизм и антинорманизм

Процесс возникновения древнерусского феодализма начался задолго до IX в. Недаром акад. Б. Д. Греков называет период VI—VII вв. в истории восточных славян «полупатриархальным — полуфеодальным» [55, с. 533]. Основу этого процесса составляет возникновение феодальной собственности на землю. Уже в VI—VII вв. можно говорить если не о появлении частной земельной собственности, то о господстве частного землевладения. Постепенно земля объявляется собственностью возникающего феодального класса, начинающего эксплуатировать тех, кто эту землю обрабатывает, присваивая себе часть их труда в виде дани.

Однако представление о Руси IX—X вв. как о феодальном государстве, очевидное для всех советских ученых, встречает возражение со стороны некоторых буржуазных историков (Г. Вернадский, Х. Яблонский, Г. Штекль и др. [40; 41; 231; 233]). Этот взгляд корреспондирует «теории» о бесклассовости древней Руси, пропагандированной в украинской националистической историографии.

Между тем, факты бесспорно показывают, что процесс образования классов у восточных славян, начавшийся где-то в первой половине I тысячелетия н. э., к IX в. в основном уже завершился созданием феодальной системы общественных отношений. В частности, материалы из Киева и особенно изложенные в предыдущей главе материалы дружинного некрополя иллюстрируют завершение этого процесса достаточно ярко. В IX—X вв. Русь имеет уже все признаки раннефеодального общества.

Разделение древнерусского общества на два антагонистических класса — феодалов и феодально зависимых крестьян — сделало необходимым и появление орудия, которое могло бы обеспечить господство первых над вторыми. Этим орудием и было древнерусское государство.

Вопрос о возникновении древнерусского государства еще более 200 лет тому назад стал предметом горячей дискуссии, которая в той или иной форме продолжается и в наши дни — дискуссии между концепциями норманизма и антинорманизма. «Норманская теория» возникла в первой половине XVIII в. в стенах Петербургской академии наук, где ведущая роль в то время принадлежала немецким ученым. Творцом норманизма следует считать Г. З. Байера, но наиболее решительную и крайнюю формулировку эта «теория» нашла в диссертации Г. Ф. Миллера в 40-х годах XVIII в. Как известно, выступление Г. Ф. Миллера вызвало острые возражения со стороны прогрессивной части русских ученых того времени и в первую очередь М. В. Ломоносова, которого можно считать первым представителем антинорманизма [112].

Начиная с этого времени, споры между сторонниками норманизма и антинорманизма проходят красной нитью через всю историографию XIX и начала XX вв. Лишь советской науке, благодаря принципиально новой методологической постановке вопроса о сути процесса образования древнерусского государства, удалось окончательно разбить основу норманской теории и освободить от нее нашу науку.

В чем же суть теории норманизма и какое отношение она имеет к начальной истории Киева?

Теоретическим фундаментом развитого норманизма стала сформулированная И. Ф. Г. Эверсом, С. М. Соловьевым и К. Л. Кавелиным «теория родового строя» (или «родового быта»). Сторонники этой теории противопоставляли родовой строй государственному политическому строю, считая, что государство было принесено на Русь в середине IX в., в результате норманского завоевания, причем правящий слой древнерусского общества якобы состоял исключительно из норманнов или их потомков. Более того, утверждалось, что вообще этот слой общества древней Руси состоял лишь из княжеского рода, который, соб-

ственно, и держал всю политическую власть в своих руках, распределяя ее так или иначе между своими членами.

Такая концепция очень хорошо согласовалась с классическим норманизмом, поскольку представляла Киевское государство как результат политического творчества чужой норманской династии сначала в Новгород, а затем в Киеве. Но эта концепция совершенно не вязалась с данными о начальной истории Киева, которые показывали наличие определенной политической организации на Руси задолго до первого появления здесь норманнов-викингов. Из летописных текстов вытекало, что династия Рюрика была отнюдь не первой княжеской династией на Руси, что норманны, о которых идет речь в летописной традиции, пришли на готовое. В связи с этим и возникла нигилистическая тенденция (впервые четко сформулированная тем же С. М. Соловьевым [186, с. 94—95]) вообще отбрасывать летописные сведения о первых киевских князьях и об основании Киева, объявить летописную легенду «этимологическим мифом».

В связи с этим историю Киева начинали от Аскольда и Дира, норманское происхождение которых, по обыкновению, ни у кого из сторонников норманизма не вызывало никакого сомнения.

Между тем, научная несостоятельность норманской теории происхождения древнерусского государства сейчас вполне очевидна. Исследованиями советских историков и прогрессивных ученых других стран установлено, что древнерусское государство образовалось в результате продолжительного и независимого от внешних влияний внутреннего развития восточнославянских племен, в результате распада у них первобытнообщинного строя и возникновения классовых отношений.

Однако норманская концепция и сейчас находит поддержку среди представителей реакционной буржуазной историографии. Норманистские взгляды отстаивают Г. Вернадский, Г. Пашкевич, М. Таубе, А. Стендер-Петерсен и много других авторов [40; 41; 144; 189; 190; 194]. Характерным признаком концепций этих авторов является то, что все они вынуждены так или иначе считаться с достижениями советской науки и в связи с этим делают отдельные уступки во второстепенных вопросах, лишь бы сохранить главный тезис.

Поэтому вопрос о роли Киева как будущего центра Киевской Руси в процессе возникновения древнерусского государства, приобретает особенную актуальность.

Анты и Русь Начало процесса генезиса классового общества и государства у восточных славян приходится на первую половину и середину I тысячелетия н. э.— на так называемый антский период [132]. Из сообщений письменных источников (преимущественно византийских) известно, что анты имели достаточно сильную политическую организацию, способную, между прочим, выставлять

войска в несколько десятков тысяч и даже 100 000 воинов [Мен., с. 247]. Во главе политической организации антов стояли цари (рексы), часть из которых известна по именам. Так, в IV в. знаем антского царя Божа, который вел упорную борьбу с экспансией готов [Iord., 247]. Много сообщений об антских и склавинских царях и вельможах находим в памятниках середины I тысячелетия н. э. Так, знаем царя (Ῥηξ) Мусокия, который, по свидетельству Феофилакта Симокатты [Theoph. Sim., VI, 9. 1], имел своих подданных; Ардагаста [Theoph. Sim., VI, 7, 1—5], который управлял своей страной; склавинского царя Даврита [Мен., с. 248], власть которого была столь крепкой, что аварский каганат — одна из наиболее сильных военно-политических государственных организаций Восточной Европы VI—VII вв. — не мог справиться с ним. Менандр называет антского дипломата Межамира, одновременно подчеркивая его родственные (т. е. династические) связи с другими деятелями — Келагастом и Идарием, надо полагать, хорошо известными читателям VI в. [Мен., с. 247], и т. д.

Антское политическое объединение было непосредственным предшественником будущей Руси, и именно в нем необходимо искать корни древнерусской государственности. Итак, не в середине IX в., с приходом норманнов, начинается история древнерусского государства, а по меньшей мере на 4—5 веков раньше, и не в мифической норманской колонизации, а в сфере внутреннего социально-экономического развития самих восточных славян.

Конец V — начало VII в. был периодом достаточно бурным в истории восточнославянских племен. Первая половина VI в. ознаменовалась началом широкого движения антов и склавинов против Византийской империи, которое было составной частью общей борьбы «варварских» племен против рабовладельческого мира. Начиная со второго десятилетия VI в., славяне ведут активное наступление на Византию, осуществляют широкую колонизацию северной части Балканского полуострова; появляются на Пелопоннесе, основывают отдельные колонии в Малой Азии, в Сирии и т. д. Все это, безусловно, приводит к значительному отливу славянского населения на юг, на территорию империи.

Но с 568 года колонизационное движение славян было осложнено аварским нашествием и началом упорных славяно-аварских войн, продолжавшихся до середины VII в. и очень тяжело отразившихся на состоянии славян. Очевидно, анты сумели отстоять свою независимость, но были настолько истощены, что их политическое объединение фактически распалось.

Тяжелый характер славяно-аварских войн отмечен как в иностранных (Менандр, Феофилакт, Фредегар и др.), так и в древнерусских источниках — в «Повести временных лет», где говорится о «примучивании» обрами дудлебов [с. 14].

Дулебы вместе с белыми хорватами были пограничными племенами и первыми приняли на себя удары аваров, осевших в Карпатской котловине, на территории современной Венгрии и Словакии. Значительная часть хорватов вынуждена была даже вообще покинуть свои насижненные места и под давлением захватчиков переселиться на юго-запад — в область современной Хорватии. Дулебы же остались на месте, но подверглись жестокому притеснениям.

В связи с этими событиями в положении восточнославянских земель происходят существенные изменения. До VI—VII вв. наиболее развитыми могли считаться земли Подолии и Южной Волини, которые теснее были связаны с античным миром через бассейн Днестра. В середине VII в. именно этот район подвергся наибольшему опустошению. Центр общественной жизни переместился на восток — в Среднее Приднепровье, но не в пограничные со степью районы, которые, вероятно, тоже весьма пострадали от кочевников, а ближе к лесной полосе, т. е. в район Киевщины в узком понимании слова.

Именно в этот сложный для восточных славян период было построено древнейшее Киевское городище — политический центр среднеднепровских полян. Поэтому неудивительно, что именно ему ходом событий была определена роль центра притяжения, буквально начиная от самого его появления. Вместо разбитого антского политического объединения приходит новое, более широкое, известное под названием Русь.

А. Н. Насонов поставил вопрос о том, что начальную Русь VI—IX вв. территориально нельзя отождествлять с Русью X—XIII вв., ибо «этот термин («Русская земля», «Русь»), получивший общерусское значение, первоначально относился к территории южнорусской земли» [133, с. 7]. Это мнение было поддержано и развито Б. А. Рыбаковым на основании уже не только летописных, но и археологических источников.

Термины «Русь», «Русская земля» в летописях имеют двоякий смысл: с одной стороны, они означают все восточнославянские земли (Русь в широком значении слова), а с другой — лишь южную часть этих земель — Киевщину и прилегающие районы (Русь в узком понимании слова) [212]. Очень часто летописные тексты противопоставляют Русь многим областям и отдельным городам древнерусского государства. Так, например, часто говорится о поездках на Русь из Новгорода, Смоленска, Галича и т. д. Если свести в единую систему такие места, то за пределами Руси в узком значении слова окажутся Новгород, Владимир-на-Клязьме, Ростов, Суздаль, Рязань, Смоленск, Полоцк, Галич, Владимир-Волынский, а также области вятичей, радимичей, древлян [161, с. 28—29].

Одним словом, Русь в узком значении слова — это территория Среднего Приднепровья с городами Киевом, Черниговом и Переяславлем.

Этот факт является пережитком эпохи, когда восточнославянские земли еще не были объединены в едином государстве. Более того, Б. А. Рыбаков, сопоставляя свидетельства письменных источников, археологические материалы и данные топонимики, пришел к выводу, что древнейшее ядро Руси было еще более узким и территориально охватывало только сравнительно небольшой треугольник между районом Киева и Поросьем [161].

Археологическим эквивалентом Руси в узком понимании слова Б. А. Рыбаков считает так называемую культуру пальчатых фибул VI—VII вв., до недавнего времени известную нам на основании характерного комплекса ювелирных изделий. Только сейчас, в результате раскопок, проведенных на Пастырском городище и в некоторых других местах, можно увязать «комплекс пальчатых фибул» с определенным типом археологических памятников, который очень тесно связан с черняховской культурой и представляет ее генетическое продолжение. Так проблема ранней среднеднепровской Руси приобретает свое археологическое обоснование.

Как мы уже знаем из предыдущих глав, «культура пальчатых фибул» представлена и на территории Киева; по количеству ювелирных изделий этого типа Киев занимает одно из первых мест. Значение центра Руси находится в этом свое непосредственное выражение: находки эти приобретают особенный интерес, когда мы обращаемся к политической стороне дела.

Полянское княжество «И по сих братьи (Кию, Щеку и Хориву.— М. Б.) держати почаша род их княженъе в полях, а в древлях свое, а дреговичи свое, а славени свое в Новегороде, а другое на Полоте, иже полочане. От них же кривичи, иже седят на верх Волги, и на верх Двины и на верх Днепра, их же град есть Смоленск; туде бо седять кривичи. Тоже север от них» [151, с. 13].

В этих словах видим характеристику того общественного строя, который образовался у восточных славян в VII—VIII вв. (в послеаварские времена), а именно: наличие здесь нескольких межплеменных объединений, известных нам как летописные «племена», хотя этот термин можно применять лишь в весьма условном плане (по сути это были большие территориальные объединения, в состав которых входило по несколько союзов племен). Всего таких объединений во второй половине I тысячелетия н. э. было, как видим, шесть: полянское или русское (ср. заявление летописца: «поляне, яже ныне зовомая Русь» [151, с. 21]), древлянское, дреговичское, ильменское, кривичское (Полоцкое), северянское. Вне этого списка остались радимичи и вятичи, очевидно, потому, что автор «Повести временных лет» считал их западными славянами [с. 14], и так называемая юго-западная группа племен (уличи, тиверцы, дулебы, хорваты, волыняне, бужане), которая,

вероятно, входила в состав полянского объединения. Киев был центром полянского объединения, которое имеют все основания называть Полянским княжеством; недаром ведь летописная традиция так упорно называет Кия полянским князем.

Не знаем, какие именно земли входили в состав владений Кия; ограничивались ли они только собственно полянскими землями (возможно, даже их приднепровской частью?) или уже в то время начался постепенный процесс объединения древнерусских земель вокруг Киева. Любопытным является намек на связь Кия с древлянами, имеющий место в некоторых вариантах летописной легенды. Не можем принять версию позднего новгородского летописания о том, что древляне якобы нанимали Кия и его братьев [51, с. 69—70]. Низведение киевского князя до уровня обыкновенного наемника очень хорошо согласовалось бы со свойственной новгородскому летописанию тенденцией ко всяческому унижению южной Руси, однако не находит никаких подтверждений в фактическом материале. Скорее речь идет о стычках между киевскими (полянскими) и древлянскими князьями за власть, а может быть и за земли где-то в пограничных районах. Недаром «Повесть временных лет», отражая киевскую тенденцию, отмечает, что поляне «по сих же летех, по смерти братье сея быша обидимы древлянами и инеми околними» [с. 16].

Любопытно, что здесь, кроме древлян, вспоминаются и другие «окольные», т. е. соседи: очевидно, политическое соперничество у полян возникло не только с древлянами.

Полянское княжество с территорией в пределах Киевщины и Поросья (по Б. А. Рыбакову — начальное ядро Руси) представляло первый этап в политическом подъеме Киева как государственного центра восточных славян. Хронологически этот этап приходится на VI—VII вв.

Дальнейшим шагом в этом процессе было выдвижение Киева как центра всей южной Руси (Русь в узком понимании слова А. Н. Насонова и Б. А. Рыбакова). Как совершался этот шаг, остается неясным из-за полного отсутствия источников. Имеем лишь сведения о финале этого скачка: в IX в. Киев выступает как один из трех центров Руси, вокруг которых были объединены все основные древнерусские земли. Сведения об этом находим у арабских писателей, свидетельствующих о наличии трех центров Руси: Куябы, Славии, Арсании.

Главным среди этих источников является свидетельство арабского писателя первой половины X в. Истахри: «Русы слагаются из трех племен, из которых одно ближе к Булгару, а царь его живет в городе, называемом Куяба, который город больший Булгара; второе племя называют Славия, а еще племя называют Арсания, а царь его находится

в Арсе. Купцы прибывают в Куябу» [49, с. 193]. Почти дословно эти сведения повторяет Ибн-Хаукаль, который жил также в X в. [49, с. 120—121]. Значительно позже о трех центрах Руси вспоминает Идриси — автор XII в. [165].

Три центра Руси, о которых говорится в названных памятниках, представляли собой политические объединения многих племен, а не племена даже в том понимании, в котором этот термин употребляется в летописи. Это подтверждается количеством центров: три — в то время, как нам известно, что летописных «племен» было значительно больше. Следовательно, этап объединения Руси, отраженный в произведениях Истахри и Ибн-Хаукаля, показывает более высокую ступень этого процесса. Время написания «Книги климатов» Истахри (которая, очевидно, была источником и для Ибн-Хаукаля)¹ приходится на середину X в., но приведенные в ней сведения относительно русских земель, в том числе и о трех центрах, касаются более древнего времени. Во времена Игоря трех центров как отдельных политических организмов уже не существовало. Таким образом, речь идет об этапе, промежуточном между эпохой Кия и летописных «племен» как самостоятельных общественно-политических единиц и эпохой, когда Русь завершала свое объединение.

Самые большие разногочия среди исследователей вызывает локализация третьего центра — Арсании или Артании, которую относили то к области более поздней русской Тмуторокании [85; 143], то к области Рязанской земли [129], то к Приуралью [217] и т. д. Что же касается Куябы и Славии, то в первом случае имеем в виду Киев, а во втором — Новгород. Речь идет о центрах южной Руси (или Руси в узком понимании слова) и северной Руси.

Следовательно, картина, отраженная в сообщениях арабских писателей, отражает второй этап в процессе консолидации восточнославянских земель: вместо шести первичных объединений, известных как летописные племена, появляются два больших объединения — северная и южная Русь, Киев и Новгород, концентрирующие вокруг себя все основные русские земли.

К сожалению, в нашем распоряжении нет никаких точных сведений относительно границ этих объединений. Поэтому можем только догадываться, что в состав южного объединения входили земли полян, северян, древлян (возможно, частично). Расширение географического содержания термина «Русь» было отражением территориального расширения власти Киева на все Среднее Приднепровье и еще шире. Именно в этом положении и застаёт Киев письменная история.

¹ Существует мнение, что Истахри, в свою очередь, позаимствовал материалы у писателя конца IX в. Джейхани, произведения которого не дошли до нас.

Аскольд и Дир Начиная с 852 г., изложение в «Повести временных лет» ведется по годам. Воспоминание о походе Руси на Константинополь в 852 г.— первый факт древнерусской истории, сведения о котором летописец сумел отыскать в византийских источниках. Но первое десятилетие росписи по годам (852—862 гг.) не содержит никаких конкретных данных из русской истории, кроме неуверенного сообщения о дани, которую чудь, меря, весь, кривичи и ильменские славене платили варягам, а поляне, северяне и вятичи — хозарам.

862 год — первый год, точно зафиксированный в хронологии древнего Киева; к этому году относится сообщение о первом датированном событии в истории города. «Повесть временных лет» рассказывает: «И бяста у него (Рюрика.—*М. Б.*) два мужа не племени его, но боярина, и та испросистася ко Царюгороду с родом своим. И поидоста по Днепру, и идуче мимо и узреста на горе градок. И упрощаста и реста: «Чий се градок?» Они же реша: «Была суть 3 братья, Кий, Щек, Хорив, иже сделаша градоко съ, и изгибоша, и мы седим род их платяче дань козаром». Аскольд же и Дир остава в граде семь, и многи варяги съвокуписта, и начаста владети польскою землею, Рюрику же княжашу в Новгороде» [с. 18—19].

Итак, согласно приведенным сообщениям, к 862 г. относится конец династии Кия; в этом году власть якобы была захвачена норманнами, боярами Рюрика — Аскольдом и Диром.

Однако точность передачи событий летописцем вызывает очень серьезные сомнения. Характер изложения здесь непосредственно связан с общей наивно-норманистической концепцией, свойственной той редакции «Повести временных лет», которая сохранилась до нашего времени. Тезис о захвате Киева норманнами представляет существенную часть общего взгляда на начало истории древней Руси, как они представлялись древнерусскому публицисту. Отсюда — провозглашение Аскольда и Дира «боярами Рюрика», отсюда и дата (862 г.), приуроченная ко времени легендарного призыва. Недаром норманистская литература безоговорочно считает этот год настоящим началом истории Киева вообще.

Но сопоставление разных по происхождению источников приводит к убеждению, что этот рассказ представляет собой совсем не тот источник, в котором можно положиться на каждую букву. Скорее наоборот. Версия, изложенная в «Повести временных лет», в древнерусском летописании присутствует лишь в тех сводах, которые так или иначе представляют традицию «Повести временных лет». Но наряду с этой существовали и другие версии, которые, однако, были по тем или иным причинам отклонены официальным летописанием, придерживавшимся наивно-норманистской концепции генезиса Руси.

Рис. 27. Хазарская дань (миниатюра Кенигсбергской летописи).

Так, в Никоновском своде сообщается об участии Аскольда и Дира в походе Руси на Константинополь, который «Повесть временных лет» относит к 852 г. [157, с. 7; 151, с. 17]. Отсюда вытекало бы, что Аскольд и Дир княжили в Киеве задолго до 862 г. Отметим, что Никоновская летопись вообще ничего не знает о связях Аскольда и Дира с Рюриком и его окружением: наоборот, здесь находим весьма любопытное сообщение о том, что когда Рюрик после смерти своих братьев начал раздавать земли мужам из числа своих приближенных, и в том числе Полоцк, то «того же лета воеваша Асколд и Дир Полочан и много зла створиша» [с. 9]. Не следует ли рассматривать здесь начало соперничества между Киевом и Новгородом за власть над другими землями?

Итак, существовала и такая версия, согласно которой Аскольд и Дир были не варяги, а местные князья. Она четко изложена в произведении Длугоша, пользовавшегося древнерусскими летописями, которые до нас не дошли. Длугош пишет: «После смерти Кия, Шека и Хорива их дети и потомки по прямой линии господствовали над Рутенами (Русью.— М. Б.) в течение многих лет. Наконец наследство перешло к двум родным братьям — Аскольду и Диру, оставшимся (княжить) в Киеве, тогда как много других из народа Рутенов, которые из-за большого роста населения искали себе новых мест для жительства, будучи недовольными их главенством, пригласили трех князей из варяг, т. к. не могли прийти к соглашению относительно избрания кого-либо из своей среды. Первый из этих (князей) по имени Рурек сел в Новгороде, второй — Синев — в Белом озере; третий — Трувор — в Зборске» [66, с. 48]. Следовательно, по Длугошу, Аскольд и Дир не только русы

Рис. 28. Аскольд и Дир (миниатюра Кенигсбергской летописи).

(т. е. славяне) по происхождению, но и прямые потомки Кия, Щека и Хорива, законные наследники власти в Киеве, которым следовало не захватывать власть в Киеве, а беречь ее от посягательств северной Руси, пригласившей на княжество варяжских князей. Согласно дальнейшему рассказу Длугоша, Аскольд и Дир погибли от руки Игоря — сына Рюрика, после чего в Киеве утвердилось династия Рюриковичей.

Этот же вариант находим у Стрыйковского: «Когда на Руси, лежащей на юге, Аскольд и Дир, потомки Кия, в Киевском княжестве господствовали, народы русские широко размножились на северных и восточных землях» [192, с. 113]. Очевидно, отсюда такой вариант попал и на страницы киевского «Синописа», который также считает Аскольда и Дира прямыми потомками Кия [с. 27].

В некоторых древнерусских летописях находим компромиссную точку зрения, возниющую как стремление примирить Длугоша с «Повестью временных лет». Согласно этой позиции, Аскольд и Дир были славянами и потомками Кия, но принадлежали к непосредственному окружению Рюрика [51, с. 127—129].

Другие данные источников также противоречат мнению о варяжском происхождении Аскольда и Дира и о насильственном захвате ими власти в Киеве. В частности, Дир был известен арабскому писателю X в. Масуди, который вполне уверенно называет его славянским царем [49, с. 137]. Одним из основных аргументов норманистов, как известно, является скандинавский характер некоторых имен древнерусских князей и дружинников IX—X вв. (Рюрик, Олег, Ольга, Игорь и др.); но объяснить имена Аскольда и Дира как норманские не удастся. Все это дает основания считать Аскольда и Дира представителями местной, славян-

ской (полянской) династии, княжившей в Киеве до его захвата Олегом.

Внимательное рассмотрение летописных сведений приводит к мысли, что Аскольд и Дир не были современниками. Не говоря уже о том, что трудно представить себе одновременное княжение двух лиц в одном центре, но и некоторые другие детали имеющихся сведений заставляют серьезно задуматься в этом отношении. Действительно, согласно сообщениям источников, они были убиты одновременно Олегом (или Игорем) в одном месте — на юг от Киева. Но на месте убийства имелась лишь могила одного Аскольда (отсюда и современное название урочища — Аскольдова могила). Могила же Дира находилась в самом Киеве — там, где во времена Ярослава была построена церковь св. Ирины, т. е. на территории дружинного некрополя [151, с. 20]. Чем же объяснить, что одного из двух убитых братьев погребают на месте гибели, а второго переносят за несколько километров под стены города и хоронят на кладбище, где были могилы и других представителей киевской общественной верхушки? Поскольку Аскольд назван первым, предположение о том, что Диру было оказано больше внимания как старшему брату, исключается.

Поэтому полное основание имеют исследователи, считающие, что в 882 г. был убит лишь один Аскольд, а Дир, привлеченный сюда по каким-то специальным соображениям, в действительности должен был править либо до, либо после Аскольда. Что касается последнего вопроса, мнения исследователей расходятся: одни считают Аскольда предшественником Дира, другие — наоборот. Но поскольку роспись киевских князей, начиная от Олега, известна вполне точно, считаем единственно возможной мысль, что Дир правил до Аскольда и в 882 г., когда Киев был захвачен Олегом, уже лежал под курганом на Старокиевском плато. Подтверждение этого видим и в сообщении Масуди, который знал лишь одного Дира.

Не исключено, что версия об одновременном правлении и одновременной гибели Аскольда и Дира возникла на основании болгарского перевода «Хроники» Георгия Амартолы, распространенного на Руси, где Аскольд и Дир объединены как организаторы похода 866 г. Если бы кто-либо увидел в этом заявлении противоречие нашему тезису о одновременности княжения Аскольда и Дира, ссылаясь на достоверность Амартолы, то скажем, что, возможно, оба брата действительно принимали участие в походе, но князем в то время был страший — Дир, а Аскольд выступал лишь как соучастник; но с 866 г. по 882 г. прошло 16 лет; за это время Дир мог умереть, а Аскольд — заменить его на Киевском престоле. Только старания позднейшего летописца привести известные ему факты в соответствие с созданной им исторической концепцией о призвании варягов обусловило их объединение в одних и тех же хронологических рамках.

Олег Начало третьего, окончательного этапа в слиянии всей Руси в одно древнерусское государство с центром в Киеве связано с именем Олега.

Безусловно, нельзя полагать, что окончательное объединение древнерусских земель вокруг Киева произошло по воле конкретных лиц (Олега и его наследников). Этот процесс был результатом вполне объективных причин, связанных с социально-экономическим развитием восточнославянского общества, с переходом его к государственному строю. Это было исторической необходимостью, и централизаторская политика киевских князей X в. находилась полностью в русле объективной закономерности, что и обусловило ее успешную реализацию.

«Повесть временных лет» рассказывает об этом событии так: «Поиде Олег, поим воя многи, варяги, чюдь, словени, мерю, вель, кривичи, и приде к Смоленську съ кривичи, и прия град, и посади мужь свои. И придоста к горам к киевским, и уведа Олег, яко Оскольд и Дир княжита, и похорони вои в лодьях, а другия назади остави, а сам приде, нося Игоря детьска. И приплу под Угорьское, похоронив вои своя, и присла ко Асколду и Дирови, глаголя, яко «Гость есмь, и идем в Греки от Олга и от Игоря княжича. Да придета к нам к родом своим». Аскольд же и Дир придоста, и выскакаша все прочии из лодья, и рече Олег Асколду и Дирови: «Вы нестя князя, ни рода князя, но аз есмь роду княжа», и вынесоша Игоря: «А се есть сын Рюриков». И убиша Асколда и Дира, и несоша на гору, и погребоша и на горе, еже ся ныне зоветь Угорьское, кде ныне Ольмин двор; на той могиле поставил Ольма церковь святого Николу; а Дирова могила за святою Ориною. И седе Олег княжа в Киеве, и рече Олег: «Се буди мати градом русьским». И беша у него варязи и словени и прочи прозвашася русью. Се же Олег нача города ставити, и устави дани словеном, кривичем и мери, и устави варягом дань даяти от Новагорода гривен 300 на лето, мира деля, еже до смерти Ярославе даяше варягом» [151, с. 20].

В этом рассказе видим немало легендарного; убийство Аскольда и Дира преподносится в типичных формах народной поэзии. Неправдоподобным является приезд Олега, выдающего себя за купца, в Киев. Конечно, прибытие большого войска по Днепру сверху (мимо Вышгорода, который был северным форпостом города) не могло бы остаться не замеченным киевлянами. Совсем неясной представляется суeta Олега под Киевом: прибыв сверху и спрятав большую часть воинов в лодках, он явился в город, неся Игоря (для того, чтобы предьявить его киевлянам как князя?); но сразу же после этого следует сообщение о том, что он проплыл мимо Киева и остановился под Угорским. Там он снова спрятал воинов в лодках и снова понес Игоря в город, навстречу Асколду и Диру. Эта двоекратность приготовлений Олега (один раз не доезжая Киева, второй — миную его) уже сама по себе вызывает

Рис. 29. Убийство Аскольда и Дира (миниатюра Кенигсбергской летописи).

настороженность: очевидно, летописец объединил разные варианты предания и не совсем удачно.

Также неправдоподобным кажется и поведение Аскольда и Дира в этой ситуации. Они были лицами достаточно высокими — владельцами самого крупного центра в Среднем Приднепровье; обыкновенный купец, каким назвался Олег, вряд ли мог рассчитывать на какое-то особое внимание с их стороны. Тем менее вероятно, чтобы они специально вышли из города навстречу неизвестному им безродному купцу, да еще и без охраны, без войска, как в этом нас стремится убедить летописец. Если отнестись к этому рассказу серьезно, придется признать Олега человеком в высшей степени наивным, коль скоро он мог рассчитывать достичь своей цели столь грубым образом, а поведение Аскольда и Дира — слишком легкомысленным.

Поэтому летописный рассказ о захвате Киева Олегом требует к себе очень осторожного отношения. Отметим, что и другие детали биографии Олега также имеют легендарный характер. Вспомним эпизоды о постановке кораблей на колеса во время похода на Византию в 907 г.; о попытке греков отравить русского князя, о смерти Олега от змеи, жившей в черепе его любимого коня и т. д. В литературе давно распространено мнение о том, что фигура Олега в летописи вообще имеет скорее эпический, а не исторический характер [214].

Однако при всем этом считаем, что предания об Олеге имеют в своей основе точно такое же реальное историческое ядро, как и ле-

Рис. 30. Поход на Царьград (миниатюра Кенигсбергской летописи).

генда о Кие, Щеке и Хориве. Сам факт возникновения этих легенд был обусловлен реальной деятельностью Олега. И если взвесить то, чем именно Олег заслужил такое внимание в народной памяти, то сквозь безусловные наслоения фольклорного характера перед нами встает фигура князя, объединившего русские земли вокруг Киева.

Захват Олегом Киева означал смену династии на киевском престоле, уничтожение династии Кия и утверждение династии Рюрика. Если взять под сомнение этот факт, тогда летописная версия вообще потеряет всякий смысл, даже смысл самого своего существования. Ведь легенда об узурпации власти Аскольдом и Диром, о хитрости Олега под Киевом, представление Игоря киевлянам как законного русского князя и т. д. имеет целью лишь одно: оправдать захват Олегом власти в Киеве и тем самым обосновать права дома Рюриковичей на Киевский великокняжеский престол.

Кроме того, в летописях находим и некоторые другие детали, представляющие специальный интерес. К ним относится, например, заявление о строительстве городов и регламентации дани; в этих мерах, безусловно, отражается административно-организаторская деятельность Олега, направленная на усиление и обеспечение его власти после захвата Киева. Но наиболее важными являются данные относительно территориального распространения власти Олега.

Отправляясь в поход в 882 г., Олег имел под властью, помимо варягов, два славянских «племена» — новгородских славен и кривичей

и некоторые неславянские племена (чудь, меря и весь). Захват Киева дал ему власть над полянами; но другие «племена», которые в то время признавали главенство Киева (не говоря уже о тех, которые платили дань хозарам), подчинились его власти далеко не сразу. Во всяком случае последующие летописные строки рисуют деятельность Олега, направленную на покорение других «племен».

Под 883 годом читаем: «Поча Олег воевати деревляны и примучив а, имаше на них дань по черне куне.

В лето 6392 (884). Иде Олег на северяне, и победи северяны, и възложи на нь дань легъку, и не даст им козаром дани платити речь «Аз им противен, а вам не чему».

В лето 6393 (885). Посла к радимичам, рька: «Кому дань даете?» Они же реща: «Козаром». И рече им Олег: «Не дайте козаром, но мне дайте». И вьдаша Ольгови по шьягу яко же и козаром даяху. И бе обладая Олег поляны и древляны, и северяны, и радимичи, а с уличи и тиверцы имяше рать» [151, с. 20—21].

Таким образом, власть Олега была распространена еще на четыре больших «племени» — полян, древлян, северян и радимичей; вне его власти остались дреговичи и вятичи; точно так же, надо полагать, безрезультатно окончилась и попытка подчинить уличей и тиверцев. Но под 907 г. в рассказе о сборах Олега в поход на Византию узнаем, что в то время ему подчинялись словене, кривичи, поляне, древляне, радимичи, северяне, вятичи, хорваты, дулебы, тиверцы, а также неславянская чудь [151, с. 23]. Когда все эти «племена» были включены в состав Руси — неизвестно.

Централизаторская деятельность Олега встречала противодействие со стороны хозар, однако достоверность и этого заявления вызывает определенные сомнения. Б. А. Рыбаков, например, считает, что сообщение «Повести временных лет» об освобождении некоторых племен от хозарской дани Олегом принадлежит к тем же эпическим элементам, что и упомянутые выше предания об этом князе, и имеют в виду ту же цель возвеличить власть узурпатора южной Руси: «Нестор, создавая литературный образ Вещего Олега — объединителя Руси, должен был создать для него и подвиги, достойные той роли, которую придумал для него. Олег под пером Нестора не только объединяет северную и южную половины Руси, не только воюет с греками, но и освобождает славянские племена от хозарской зависимости. Северный князь, обманом захвативший Киев и наложивший дань на южнорусские племена, здесь предстает в роли освободителя этих племен от еще более тяжелой хозарской дани» [166, с. 88].

Эта точка зрения требует проверки (в частности, в хозарско-еврейской переписке подтверждается факт зависимости северян и, возможно,

Рис. 31. Древлянское восстание 945 г. (миниатюра Кенигсбергской летописи).

вятичей от хозар). Но, как бы ни был решен вопрос о хозаро-славянских отношениях IX в., переход северян и радимичей под власть Олега, очевидно, был реальным фактом.

Преемники Олега Так начался третий, последний этап продолжительного процесса объединения древнерусских земель вокруг Киева, занявший целое X столетие. Хотя власть Олега и была распространена почти на все древнерусские племена, объединение, созданное им, оказалось очень неустойчивым.

Политический строй государства Олега основан был на весьма шаткой почве. Подчиненные им «племена», которые, по сути, представляли собой межплеменные политические объединения типа княжеств, сохраняли свою автономию, свою внутреннюю политическую власть в лице местных князей типа древлянского Мала или вятичского Ходоты, известных из письменных источников. Их связи с Киевом ограничивались признанием верховной власти киевского князя и выплатой ему определенной дани.

Результаты не заставили себя ожидать. Олег умер в 912 г., его сменил Игорь. А уже от 913 г. читаем: «Поча княжити Игорь по Олзе... и дравляне затворишася от Игоря по Олгове смерти» [151, с. 31]. Таким образом, достаточно было первому объединителю умереть, как дело его рук начало давать трещины. В следующем году, правда, «иде Игорь на дравляны, и победив а, и возложи на ня дань болши Олговы»

Рис. 32. Подвиг неизвестного юноши: спасение Киева от печенегов (миниатюра Кенигсбергской летописи).

[151, с. 31]. Однако в последующие годы Игорь продолжал борьбу за объединение русских земель вокруг Киева; в частности, больших усилий потребовало покорение уличей — одного из многих племен, которых не сумел покорить Олег.

Сведения об улической эпопее находим в I Новгородской летописи под 922 г.: «Игорь же сеяше в Киеве княжа, а воюя на Древяны и на Угличе. И бе у него воевода именовемь Свенделд; и примучи Угличе, възложи на ня дань, и вдасть Свенделду. И не владяшется един град, именовем Пересечен; и седе около его три лета, и едва взя. И беша сеяше Угличе по Днепру възниз, и посем приидоша межи Бъг и Днестр, и седоша тамо. И дасть же дань деревьскую Свенделду, и имаша по черне куне от дыма» [с. 109].

Хронология этой статьи явно неблагоприятна, ибо описанные в ней события охватывают время от 912 до 945 г. В дальнейшем некоторые события упоминаются вторично, но уже под другим годом. Так, под 940 г. отмечено, что «в се лето яшася Уличи по дань Игорю, и Пересечен взят бысть. В се же лето дасть дань на них Свенделду» [с. 110]. Следовательно, покорение уличей совершилось лишь в 940 г.

Централизаторская деятельность киевских князей и их окружения сталкивалась с центробежными силами, коренившимися среди правящей верхушки подчиненных племен. Политическая ситуация, сложив-

Рис. 33. Оборона Киева от печенегов (миниатюра Кенигсбергской летописи).

шаяся на Руси к середине X в., нашла свое отражение в событиях 945 г., связанных с древлянским восстанием — первым зафиксированным фактом классовой борьбы в Киевской Руси.

Древлянское восстание — очень сложный узел противоречий, раздиравших молодое феодальное государство. Вспыхнуло оно в результате чрезмерных вымогательств со стороны киевского князя, сделавшего попытку собрать с древлянской волости дань вторично (отбирая уже, надо полагать, не дополнительный, а необходимый продукт). Восстание, безусловно, началось снизу, но Игорь погиб от руки древлянского князя Мала. Очевидно, древлянская верхушка решила воспользоваться взрывом народного гнева, чтобы на волнах классовой борьбы освободиться от главенства Киева и избавиться от власти великого князя. Ясно, что ту дань, которая шла в пользу киевского князя или его вассалов типа Свенелда, эта верхушка с большей охотой оставляла бы себе.

Вдова Игоря Ольга жестоко подавила восстание, но дело ей пришлось иметь именно с Малом и другими представителями древлянской дружинной знати, которые еще продолжительное время оказывали сопротивление. «Что хотите доседети? — говорила Ольга осажденным в Искоростене древлянским феодалом. — А все гради ваши предашася мне, и ялися по дань, и делают нивы своя и земле своя; а вы хотите измерети гладом, не имучеся по дань» [151, с. 42]. Следовательно,

сопротивление Искоростеня продолжалось, когда древлянская страна была уже покорена и грады (т. е. замки) тех, кто в Искоростене еще лелеял надежду вернуть себе былую власть, признали главенство киевской княгини и платили ей дань. Попытка сопротивления киевскому господству и стремление выйти из-под власти киевского князя дорого обошлись древлянам: Ольга «взложила на ня дань тяжку; 2 части дани идега Киеву, а третья Вышгороду» [151, с. 43] (Вышгород был тогда резиденцией Ольги). Вся эта тяжесть, понятно, ложилась на плечи народных масс.

Борьба за объединение русских земель продолжалась и при сыне Игоря — Святославе. При нем к Киеву было присоединено последнее «племя», которое еще оставалось за пределами Киевской Руси, — вятичи. Под 964 г. «Повесть временных лет» рассказывает: «И иде (Святослав.— М. Б.) на Оку реку и на Волгу, и налезе вятичи, и рече вятичем: «Кому дань даете?» Они же реша: «Козаром по щяльгу от рала даем» [с. 46—47].

Итак, сведения о выплате вятичами дани хозарам еще раз подтверждаются летописью, и это сообщение объяснить стремлением возвеличить Олега уже нельзя. Попытка присоединить вятичей к Киевской Руси вызвала тяжелую войну с Хозарским каганатом, окончившуюся окончательным уничтожением последнего. «В лето 6473 (965). Иде Святослав на козары; слышавше же козари, изидоша противу с князем своим Каганом, и съступишася битися, и бывши брани, одоле Святослав козаром и град их и Белу Вежю взя» [151, с. 47]. Приходится признать, что освобождение вятичей от хозарской зависимости совершалось вопреки их воле и через преодоление их сопротивления. «Вятичи победи Святослав,— пишет «Повесть временных лет»,— и дань на них възложи» [с. 47].

Эта победа обошлась Святославу довольно дорого: разрушение Хозарского каганата открыло на Русь свободный путь печенегам, и в конце концов сам князь погиб от их руки на Днепровских порогах. Зато впервые в истории все восточнославянские земли были объединены в одном государстве, правда, еще весьма пестром и непрочном. Дальнейшей задачей была реорганизация этого государства, укрепление центральной власти и введение новой власти на местах.

Реформы Владимира Эти преобразования были осуществлены во время княжения Владимира Святославича (980—1015 гг.), представлявшего собой личность очень яркую в истории Руси и справедливо считающегося одним из самых выдающихся ее деятелей. Его энергии Русь обязана целым рядом акций, направленных на укрепление центральной власти великого князя и подавление децентрализаторских, центробежных тенденций, действовавших в недрах «племенных» княжеств.

Приход Владимира к власти был усложнен жестокой междуусобной борьбой за власть между тремя сыновьями Святослава (Олегом, Ярополком и Владимиром), продолжавшейся 8 лет (972—980 гг.) и закончившейся победой Владимира. Первые годы его княжения были беспокойными: государство, обессиленное и истощенное бесконечными походами, снова начало давать трещины. В 982 г. «заратишася вятичи, и иде на ня Володимир и победи я второе». В 983 г. «иде Володимир на Ятвягы и победи ятвягы, и взя землю их». В 984 г. «иде Володимир на радимичи. Бе у него воевода Вольчий Хвост, и посла и Володимер перед собою Вольчья Хвоста, сътрете радимичи на реце Пишане, и победи радимиче Вольчий Хвост. Тем и Русь корятся радимичем...» [151, с. 58—59]. Повторялась старая история: смерть киевского князя и приход к власти нового князя рассматривались как повод к антикиевским выступлениям на периферии.

Одновременно Владимир проводит активную внешнюю политику: возвращает в состав Киевской Руси Червенские города (981 г.), осуществляет поход против волжских болгар (985 г.) и т. д. Но чем дальше, тем более очевидной становилась необходимость определенных изменений во внутренней структуре Русского государства, которые сделали бы впредь невозможной децентрализаторскую деятельность «племенной» верхушки.

Одним из важнейших начинаний, осуществленных Владимиром с целью усиления центральной власти киевского князя, было введение христианства как государственной религии на Руси. Христианство распространялось на Руси и раньше (в частности, как известно, бабка Владимира, Ольга, была христианкой), однако официальной религией оставалось язычество. Одной из характерных черт последнего была территориальная расчлененность: на Руси не существовало единого, общего для всех земель пантеона богов; каждая область поклонялась своим, местным богам. В связи с этим сепаратистские тенденции в отдельных районах приобретали зачастую религиозную окраску, как борьба за автономию культа своих «племенных» богов. Религиозные реформы Владимира имели целью выбить это идеологическое оружие из рук противников сильной власти киевского князя.

Первой, неудачной попыткой в этом направлении было учреждение в Киеве единого языческого пантеона под главенством громовержца Перуна, который вместе с тем был и дружинным богом. Этот пантеон должен был объединить в себе всех главных местных богов и обеспечить единый для всей Руси культ [151, с. 56].

Попытка, однако, потерпела неудачу: язычество, как религия первобытнообщинного строя, уже изжило себя и совершенно не соответствовало тем реальным историческим условиям, которые сложились на Руси к X в. Поэтому Владимир вынужден был прибегнуть к введению

Рис. 34. Киевский пантеон (миниатюра Кенигсбергской летописи).

одной из монотеистических религий, которые были идеологией классового общества и тем самым в большей мере соответствовали условиям Руси раннесредневековой эпохи. Такими религиями были тогда: ислам, иудейство и христианство в двух его разновидностях (католичество и православие). После длительного обдумывания Владимир избрал последнее. В 988 г. христианство было провозглашено государственной религией Руси, что имело очень большое значение для усиления реальной власти киевского князя.

Но наиболее важным мероприятием Владимира, направленным на укрепление древнерусского государства, была его административная реформа, осуществленная в том же 988 г. Суть ее состояла в окончательной ликвидации «племенной» автономии. До тех пор Русь представляла собой совокупность княжеств, которые признавали главенство киевского князя и платили ему дань, но сохраняли себя в составе Руси как почти самостоятельные политические организмы. Ясно, что эта система в значительной мере держалась лишь на силе киевского князя, и достаточно было хотя бы на минуту ослабить вожжи, чтобы отдельные «племена» снова и снова выходили из повиновения и пытались отделиться от Киева.

Теперь вместо «племенных» княжеств в качестве административно-территориальных единиц были введены земли вокруг больших городов, в которых были посажены сыновья или посадники Владимира: «и по-

Рис. 35. Строительство в Киеве в начале XI в. (миниатюра Кенигсбергской летописи).

сади Вышеслава в Новгороде, а Изяслава Полотыске, а Святополка Турове, а Ярослава Ростове. Умершую же старейшему Вышеславу Новгороде, посадиша Ярослава Новгороде, а Бориса Ростове, а Глеба Муроме, Святослава Деревех, Всеволода Володимери, Мстислава Тмуторокани» [151, с. 83].

Таким образом, вместо племенных князей вся власть на местах перешла к лицам, непосредственно зависимым от киевского князя и поэтому вынужденным исполнять его волю. Местная автономия «племен» вместе с присущей ей тенденцией к отделению от Киева была подрезана в корне. Для обеспечения реальной власти новых правителей Владимир предпринимал специальные меры, сооружая целый ряд замков (главным образом в пограничных районах), в которые садил лиц, происходивших из других районов, и следовательно, не связанных с местными политическими традициями. «И рече Володимер: «Се не добро, еже малъ город около Киева». И нача ставити города по Десне, и по Востри, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне. И поча нарубати муже лучшие от словень, и от кривичь, и от чюди, и от вятичь, и от сих насели грады; бе бо рать от печенег. И бе воюяся с ними и одолая им» [151, с. 83].

Административной реформой Владимира был завершен продолжительный процесс объединения древнерусских земель вокруг Киева, в

результате чего он стал уже не только номинальным, но и реальным политическим центром всей Руси, в качестве которого он сохранялся в памяти трех братских народов — русского, украинского, белорусского в течение многих столетий, уже после того, как Киевская Русь перестала существовать и сам Киев давно потерял то значение общерусского центра, с каким он вышел на арену мировой истории.

* *
*

Двадцать столетий прошло с того времени, когда возникли первые киевские поселения, и свыше десяти — с момента, когда великий город на Днепре стал «матерью городам русским», столицей самого большого и самого сильного государства средневековой Европы, общей колыбели государственности трех братских народов — русского, украинского и белорусского. Много пережил за это время Киев; было в нем немало радостного и не меньше — печального; были славные победы, дни подъема и расцвета, но были и поражения и руины; иностранное господство и угнетение со стороны «своих» помещиков и капиталистов. Но наш народ никогда не склонял головы перед угнетателями; борьба за свободу и правду, за социальное освобождение красной нитью проходит через всю историю Киева.

Сейчас Киев — столица Украинской Советской Социалистической Республики — один из самых больших городов Советского Союза, крупнейший экономический, политический, культурный центр; город заводов, фабрик, вузов, передовой социалистической культуры; город-герой, родной сердцу каждого советского человека. Но не только этим дорог нам Киев — он дорог нам также своим славным прошлым, пройденным героическим путем, начавшимся 2000 лет тому, на рассвете истории нашего народа, и вписавшим немеркнущие страницы в славную историю нашей Родины.

ЛИТЕРАТУРА

1. В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, т. I, М.—Л., 1949.
2. М. Абебян, История древнеармянской литературы, т. I, Ереван, 1948.
3. АЛЮР, т. III, К., 1901.
4. В. Б. Антонович, Археологическая карта Киевской губ., М., 1895.
5. В. Б. Антонович, Археологические находки и раскопки в Киеве и Киевской губ. в течение 1876 г., ЧОНЛ, кн. 1, К., 1879.
6. В. Б. Антонович, О древнем кладбище у Иорданской церкви в Киеве, Тр. IV АС, т. I, Казань, 1884.
7. В. Б. Антонович, О пещерах каменного века на среднем течении Днепра, Тр. IV АС, т. I, Казань, 1884.
8. В. Б. Антонович, Описание киевского клада, содержавшего римские монеты III и IV ст., Древности, т. VII, М., 1877.
9. В. Б. Антонович, Описание монет и медалей, хранящихся в нумизматическом музее университета св. Владимира, вып. 1, К., 1896.
10. Антропологическая выставка, т. II, М., 1878.
11. П. Я. Армашевский и В. Б. Антонович, Публичные лекции по геологии и истории Киева, К., 1897.
12. Т. Арне, Die Warägerfrage und die sowjetische Forschung, Acta archeologica, v. XXIII, Kobenhavn, 1952.
13. Т. Арне, La Suede et l'Orient, Upsala, 1914.
14. Вагон де-Ваье, Sepulture du X siecle à Kiev, Extrait de memoires de la Societe nationale des Antiquaires de France, t. LV, Paris, 1896.
15. Н. Ф. Беляшевский, Монетные клады Киевской губ., К., 1889.
16. Н. Ф. Беляшевский, Раскопки в Киеве, АЛЮР, т. I, К., 1899.
17. Н. Ф. Беляшевский, Следы пребывания первобытного человека на берегах Днепра вблизи Киева, Тр. VIII АС, т. III, М., 1897.
18. Д. Т. Березовець, Харівський скарб, Археологія, т. VI, К., 1952.
19. М. Берлинский, Краткое описание Киева, СПб., 1820.
20. В. А. Богусевич, Археологічні розкопки в Києві на Подолі в 1950 р., Археологія, т. IX, К., 1950.
21. В. А. Богусевич, Походження і характер древньоруських міст Наддніпрянщини, Археологія, т. V, К., 1951.
22. В. А. Богусевич, Про походження і топографію древнього Києва за археологічними даними, Археологія, т. VII, К., 1952.
23. В. А. Богусевич, Про феодальні двори Києва XI—XIII ст., Археологія, т. XI, К., 1957.
24. В. А. Богусевич, Розкопки на горі Киселівці, АП УРСР, т. III, К., 1952.
25. К. Болсуновский, Древние гирьки, найденные в Киеве, и отношение их к различным суевым системам, К., 1898.
26. К. В. Болсуновский, Жертвенник Гермеса-Световида, К., 1909.

27. К. В. Болсуновский, Каталог предметов, выставленных в университете св. Владимира во время XI Археологического съезда, К., 1899.
28. П. И. Борисковский, Кирилловская палеолитическая стоянка, МИА СССР, № 2, М.—Л., 1940.
29. М. Ю. Брайчевський, Археологічна розвідка в Новоушицькому р-ні Хмельницької обл., АП УРСР, т. V, К., 1955.
30. М. Ю. Брайчевський, Археологічні свідчення участі східних слов'ян у політичних подіях римської історії III—IV ст. н. е., Археологія, т. VIII, К., 1953.
31. М. Ю. Брайчевський, К происхождению древнерусских городов, КС ИИМК, вып. XLI, М., 1951.
32. М. Ю. Брайчевський, О происхождении Оболонского клада, КС ИИМК, вып. 66, М., 1956.
33. М. Ю. Брайчевський, Пастирський скарб 1949 р., Археологія, т. VII, К., 1952.
34. М. Ю. Брайчевський, Римська монета на території України, К., 1959.
35. Ф. Браун, Разыскания в области готто-славянских отношений, СПб., 1899.
36. Ф. Браун, Черноморье, т. II, Одесса, 1880.
37. Н. И. Брунов, Беларуская архітэктурa XI—XII ст., Зборник артикулаў, Менск, 1928.
38. Н. И. Брунов, К вопросу об истоках русского зодчества, Вестник АН СССР, № 6, 1944.
39. С. П. Вельмин, Археологические изыскания Археологической комиссии в 1908—1909 гг. на территории древнего Киева, ВИВ, № 7—8, 1910.
40. G. Vernadsky, Kievan Russia, New Hawen, 1951.
41. G. Vernadsky, Feudalism in Russia, Speculum, v. XIV, № 3, 1939.
42. J. W e r n e r, Beiträge zur Archäologie des Attila — Reiches, Bd. I, München, 1952.
43. G. Vigfusson, Place of the Hamtheow-lay, Siegfried — Arminius and other papers, Grimm — Centenary, London, 1886.
44. Ф. Вовк, Искусство мадленской эпохи на Украине, АЛЮР, т. I, 1903.
45. Ф. Вовк, Магдаленське майстерство на Україні, ЗНТШ, т. XVI, Львів, 1902.
46. В. Т., О кладе куфических монет, найденном в Киеве в 1863 г., Древности, М., 1867 (май — июнь).
47. R. Heinzel, Ueber die Hervararsaga, Sitzungsberichte der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Philosoph.-historische Classe, 114, Wien, 1887.
48. С. С. Гамченко, Розкопки 1926 р. в Києві, КЗ ВУАК за 1926 р., К., 1927.
49. А. Я. Гаркави, Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, СПб., 1870.
50. В. Гезе, Заметки о некоторых киевских древностях, ЗОРСА, т. VII, вып. 1, СПб., 1905.
51. Ф. Гиляров, Предания русской начальной летописи, М., 1878.
52. Л. А. Голубева, Киевский некрополь, МИА СССР, № 11, М.—Л., 1949.
53. В. К. Гончаров, Археологічні розкопки в Києві 1955 р., Археологія, т. X, К., 1957.
54. Ю. В. Готье, Железный век в Восточной Европе, М.—Л., 1930.
55. Б. Д. Греков, Генезис феодализма в России, в кн. «Киевская Русь», М., 1953.
56. Б. Д. Греков, Киевская Русь, М., 1953.
57. М. С. Грушевский, Киевская Русь, т. I, СПб., 1911.
58. В. К. Гульдман, Памятники старины в Подолии, Каменец-Подольский, 1901.
59. В. Е. Данилевич, Монетные клады, принадлежащие миюц-кабинету университета св. Владимира, К., 1892.
60. В. М. Даниленко, Дослідження неолітичних пам'яток в районі Києва в 1949 р., АП УРСР, т. VI, К., 1957.

61. В. М. Даниленко, Дослідження пам'яток підгірського та бобринського типів на Київщині в 1950 р., АП УРСР, т. VI, К., 1956.
62. В. Н. Даниленко, Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР. Доклады VI конференции ИА АН УССР, К., 1953.
63. В. М. Даниленко та М. Л. Макаревич, Червонохутірський тілопальний могильник мідного віку, АП УРСР, т. VI, К., 1956.
64. Н. П. Дашкевич, Приднепровье и Киев по некоторым памятникам древне-северной литературы, УИ, т. XXVI, К., 1886.
65. Л. А. Динцес, Дохристианские храмы Руси в свете памятников народного искусства, СЭ, № 2, 1947.
66. Długosz, Historia polonica, Opera omnia, t. X, Cracoviae, MDCCCLXXII.
67. В. И. Довженок, Древнеславянские идолы из с. Иванковцы в Поднепровье, КС ИИМК, вып. XLVIII, М., 1952.
68. В. И. Довженок, Феодалный маеток в эпоху Київської Русі в світлі археологічних даних, Археологія, т. VIII, К., 1953.
69. Древности Приднепровья, вып. V, К., 1902.
70. Древности Приднепровья, вып. VI, К., 1907.
71. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, ОГИЗ, 1948.
72. П. П. Ефименко, Первобытное общество, К., 1953.
73. Н. Закревский, Описание Киева, т. I, М., 1868.
74. Ю. М. Захарук, Поселения софійського типу в околиці Києва, АП УРСР, т. VI, К., 1956.
75. Ю. Н. Захарук, Софиевский могильник (автореферат диссертации), Львов, 1952.
76. Ю. М. Захарук, Софіївський тілопальний могильник коло с. Софіївки, АП УРСР, т. IV, К., 1952.
77. ИАК, прибавление к вып. 9, СПб.
78. ИАК, прибавление к вып. 27, СПб., 1908.
79. ИАК, прибавление к вып. 31, СПб., 1909.
80. ИАК, прибавление к вып. 32, СПб., 1909.
81. ИАК, прибавление к вып. 48, СПб., 1913.
82. ИАК, прибавление к вып. 52, СПб., 1914.
83. Известия ЦАО при КДА за 1885, К., 1885.
84. В. С. Иконников, Опыт русской историографии, т. II, К., 1908.
85. Д. Иловайский, Разыскания о начале Руси, М., 1876.
86. Г. Ильинский, *Σαμβητάς* Константина Багрянородного, Юв. збірник на пошану М. С. Грушевського, т. II, К., 1928.
87. Иордан, О происхождении и деянии готов, М., 1960.
88. История Киева, т. I, К., 1959.
89. История русского искусства, т. I, М., 1953.
90. В. І. Канівець, Могильник епохи міді біля с. Чернин на Київщині, АП УРСР, т. VI, К., 1956.
91. М. К. Каргер, Археологические исследования древнего Киева, К., 1950.
92. М. К. Каргер, Древний Киев, т. I, М.—Л., 1958.
93. М. К. Каргер, К вопросу о древнейшей истории Киева, СА, т. X, М.—Л., 1948.
94. М. К. Каргер, К вопросу о Киеве в VIII—IX вв., КС ИИМК, вып. VI, М.—Л., 1940.
95. Каталог выставки XI Археологического съезда в Киеве, К., 1899.
96. Б. В. Кенс, Описание европейских монет X, XI и XII века, найденных в России, Зап. РАО, т. IV, СПб., 1852.
97. Київ, провідник, К., 1930.

98. С. В. Киселев, Поселения, Труды секции теории и методологии Ин-та археологии и искусствоведения РАНИОН, вып. II, М., 1928.
99. В. О. Ключевский, Курс русской истории, ч. I, Соч., т. I, М., 1956.
100. В. Козловська, Археологічні розкопки в 1930 р. у Києві на горі Дитинці, Хр. АМ., ч. 2, К., 1930.
101. Козьма Пражский, Чешская хроника, М., 1962.
102. Г. Ф. Корзухина, К истории Среднего Приднепровья в середине I тыс. н. э., СА, т. XXII, М., 1955.
103. К. Коршак, З праці семінару при археологічному відділі Всеукраїнського історичного музею у Києві, Хр. АМ, ч. I, К., 1930.
104. Н. И. Криштафович, О геологическом возрасте палеолитических стоянок в Европейской России летом 1904 г., Древности, т. XX, в. 2, М., 1907.
105. В. В. Кропоткин, Клады римских монет в Восточной Европе, ВДИ, № 4, 1951.
106. Ю. Кулаковский, Карта Европейской Сарматии, К., 1899.
107. А. Куник, Русский источник о походе 1043 г., в кн. Дорн, Каспий, СПб., 1875.
108. Ю. В. Кухаренко, К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры, СА, № 1, 1960.
109. Н. Леопардов, Сборник снимков с предметов древности, находящихся в Киеве в частных руках, серия 2, вып. 1, К., 1893.
110. Н. В. Лінка, Роботи експедиції «Великий Київ» за 1947 р., АП УРСР, т. III, К., 1952.
111. И. А. Линниченко и В. В. Хвойка, Находка орнаментированных костей мамонта, ЗООИД, т. XXIII, Одесса, 1901.
112. М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. 6, М.—Л., 1952.
113. В. Г. Ляскоронский, Киевский Вышгород в удельно-вечевое время, СПб., 1913.
114. В. Г. Ляскоронский, Римская монета в Южной Руси и сопредельных странах, Рукопись в КГУ.
115. В. Г. Ляскоронський, Римські монети, які знайдено на території міста Києва, Український музей, т. I, К., 1927.
116. С. Магура, До питання про стару слов'янську кераміку часів родоплемінного ладу, НЗ ІМК, кн. I, К., 1934.
117. С. Магура, Розкопки на горі Киселівці в Києві 1933 р., НЗ ІМК, кн. I, К., 1934.
118. А. Марков, Топография кладов восточных монет, СПб., 1910.
119. К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология, Сочинения, т. 3.
120. Н. Я. Марр, Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси, Избр. работы, т. V, М.—Л., 1935.
121. Н. Я. Марр, К семантической палеонтологии в языках неафетических систем., Л., 1931.
122. Н. Я. Марр, Скифский язык, Избр. работы, т. V, М.—Л., 1935.
123. Н. Я. Марр, Яфетические зори на украинском хуторе, Избр. работы, т. V., М.—Л., 1935.
124. МИА СССР, № 82, М., 1960 (предисловие).
125. Е. В. Махно, Раннеславянские (зарубинецко-корчеватовские) памятники в Среднем Приднепровье, СА, т. XXIII, М., 1955.
126. Е. В. Махно, Раскопки зарубинецких поселений в киевском Приднепровье в 1950 г., МИА СССР, № 70, М.—Л., 1959.
127. Е. В. Махно, В. А. Мізин, Бериславське поселення та могильник перших століть н. е., АП УРСР, т. X, К., 1961.
128. Д. В. Милеев, Вновь открытая церковь XI ст. в Киеве и положение

исследований в связи с новыми застройками города, Труды IV съезда русских зодчих, СПб., 1911.

129. А. Л. Монгайт, К вопросу о трех центрах древней Руси, КС ИИМК, вып. XVI, М.—Л., 1947.

130. K. Müllenhof, Deutsche Altertumskunde, Bd. III, Berlin, 1892.

131. C. Müller, Cl. Ptolemaei Geographia, v. I, Paris, 1883.

132. Нариси стародавньої історії Української РСР, К., 1957.

133. А. Н. Насонов, Русская земля и образование территории древнерусского государства, М., 1951.

134. L. Niederle, Rukověť slovanských starožitnosti, Praha, 1953.

135. Новгородская первая летопись, М.—Л., 1950.

135-а. Нумизматический сборник, т. II, М., 1913.

136. ОАК за 1890 г., СПб., 1892.

136-а. ОАК за 1908 г., СПб., 1910.

137. ОАК за 1909—1910 гг., СПб., 1913.

138. ОАК за 1912 г., Петроград, 1916.

139. ОАК за 1913—1915 гг., Петроград, 1918.

140. О. Огоновський, Слово о полку Ігореве. Поетичний пам'ятник руської письменності XII ст., Львів, 1876.

141. Онежские былины, т. I—II, М., 1938—1949.

142. Очерки истории СССР. III—IX вв., М., 1958.

143. В. А. Пархоменко, Три центра древнейшей Руси, ИОРЯС, т. XVIII, кн. 2, 1913.

144. H. Paszkiewicz, The Origin of Russia, London, 1954.

145. Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 3, М., 1861.

146. В. П. Петров, Про першопчатки Києва, УІЖ, № 3, 1962.

146-а. Н. И. Петров, Историко-топографические очерки древнего Киева, К., 1897.

147. Н. И. Петров, Коллекция древних предметов и монет, пожертвованных церковно-археологическому музею при КДА, К., 1895.

148. Н. И. Петров, Указатель церковно-археологического музея при КДА, К., 1897.

149. Н. В. Пигулевская, Сирийский источник VI в. о народах Кавказа, ВДИ, № 1, 1938.

150. А. Пискарев, Хронологическое обозрение пятидесяти подземных находок в России с 1820 по 1850 гг., ЗРАО, т. III, СПб., 1851.

151. Повесть временных лет, ч. I—II, М.—Л., 1950.

152. М. Погодин, Историческая система Ходаковского, Русский исторический сборник, т. I, кн. 3, М., 1837.

153. Е. Ф. Покровська, Хотівське городище, АП УРСР, т. VI, К., 1952.

154. П. Полевой, Очерки русской истории в памятниках быта, т. II, СПб., 1880.

155. А. Г. Преображенский, Этимологический словарь русского языка, т. I, М., 1959.

156. В. Я. Пропп, Русский героический эпос, Л., 1955.

157. ПСРЛ, т. IX (Никоновская летопись), СПб., 1862.

158. V. Rapparort, Die Einfälle der Goten in das Römische Reich, Leipzig, 1899.

159. А. М. Ременников, Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в., М., 1954.

160. Розкопки в Києві на горі Киселівці в 1940 р., Археологія, т. I, К., 1947.

161. Б. А. Рыбаков, Древние русы, СА, т. XVII, М., 1953.

162. Б. А. Рыбаков, Начало русского государства, Вестник МГУ, № 4—5, 1955.

163. Б. А. Рыбаков, Остромирова летопись, ВИ, № 10, 1956.

164. Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, М., 1948.
165. Б. А. Рыбаков, Русские земли на карте Идриси 1154, КС ИИМК, вып. XLVIII, М., 1952.
166. Б. А. Рыбаков, Русь и Хазария, Сб. «Акад. Б. Д. Грекову ко дню 70-летия», М., 1952.
167. Б. А. Рыбаков, Стольный Чернигов и удельный Вщиж, «По следам древних культур», Древняя Русь, 1953.
168. Б. А. Рыбаков, Уличи, КС ИИМК, вып. XXXV, М.—Л., 1950.
169. П. С. Савельев, О кладе с медными восточными монетами, найденном в 1845 г. близ Кирилловского монастыря в Киеве, Зап. РАО, т. III, СПб., 1851.
170. П. С. Савельев, Сообщение о трех примечательных находках восточных монет в Киеве, ЗРАО, т. V, СПб., 1853.
171. Saga о волсунгах, Academia, 1934.
172. Д. Я. Самоквасов, Северянская земля и северяне по городищам и могилам, М., 1908.
173. І. М. Самойловський, Археологічні досліди на території Києва з 1917 по 1947 р. Рукопись в архиве ІА АН УССР.
174. І. М. Самойловский, Корчеватовский могильник, МИА СССР, № 70, М.—Л., 1959.
175. І. М. Самойловський, Корчоватський могильник, Археологія, т. I, К., 1947.
176. І. М. Самойловський, Пам'ятки культури полів поховань у Києві, Археологія, т. VIII, К., 1952.
177. І. М. Самойловський, Розвідки і розкопки в Києві та його околицях в 1947—48 рр., АП УРСР, т. III, К., 1952.
178. І. М. Самойловський, Сліди трипільської культури у Києві, Археологія, т. VI, К., 1952.
179. І. М. Самойловський, Слов'янський могильник в Києві над Дніпром, Археологія, т. III, К., 1950.
180. І. М. Самойловський, Слов'янський могильник на р. Пронівщині під Києвом, Археологія, т. IX, К., 1954.
181. І. М. Самойловський, Тілопальний могильник коло с. Софіївки, АП УРСР, т. IV, К., 1952.
182. І. М. Самойловський, Г. Г. Мезенцева, Археологічні спостереження і розвідки в Києві та поблизу нього в 1949—1951 рр., АП УРСР, т. V, К., 1955.
183. Синопис, СПб., 1798 (8-е изд.).
184. Е. Ч. Скржинская, О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне, ВВ, т. XII, М., 1957.
185. Слово о полку Игореве, М.—Л., 1950.
186. С. М. Соловьев, История России, т. I, М., 1959.
187. А. А. Спицын, Расселение древнерусских племен по археологическим данным, ЖМНП, т. VIII.
188. А. А. Спицын, Русский палеолит, ЗОРСА, т. XI, СПб., 1915.
189. A. Stender-Petersen, Der älteste Russische Staat, Historische Zf, Bd. 191, H. 1, 1960.
190. A. Stender-Petersen, Die vier Etappen des russisch-warägischen Beziehungen, JGO, Bd. 2, H. 4, 1954.
191. К. Страшкевич, Клады, рассмотренные в моню-кабинете университета св. Владимира с 1838 по 1866 гг., К., 1866.
192. М. О. Strykowski, Kronika polska, litewska, zmódzka i wszyskiej Rusi, t. I, Królewiec, MDLXXXII.
193. В. Р. Тарасенко, Раскопки на городище Барсучья горка, КС ИИМК, вып. XV, М.—Л., 1947.

194. М. Таубе, *Rewue et la Russie avant l'invasion des Tatars*, Paris, 1947.
195. Д. Я. Телегин, Мезолитические стоянки в окрестностях Киева, КС ИИМК, вып. 65, М., 1956.
196. Д. Я. Телегин, Неолітичні пам'ятки Києва та його околиць, ВАН УРСР, № 3, 1956.
197. Д. Я. Телегин, Неолітичні поселення лісостепоного Лівобережжя і Полісся України, Археологія, т. XI, К., 1957.
198. Д. Я. Телегин, Отпечатки зерен ячменя на неолитических сосудах, «Природа», № 5, 1956.
199. А. И. Тереножкин, К вопросу об этнической принадлежности лесостепных племен Северного Причерноморья в скифское время, СА, т. XXIV, М., 1955.
200. А. И. Тереножкин, Некоторые актуальные вопросы скифоведения. Доклады VI конференции ИА АН УССР, К., 1953.
201. М. Тершаковець, Переказ про Кия, Щека і Хорива та їх сестру Либедь, Юв. збірник на пошану М. С. Грушевського, т. II, К., 1928.
202. М. Н. Тихомиров, Древнерусские города, М., 1956.
203. М. Ткаченко, Минуле Києва, «Київ (статті-довідки)», К., 1948.
204. П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, М., 1953.
205. П. Н. Третьяков, Городища-святинища левобережной Смоленщины, СА, № 4, 1958.
206. П. Н. Третьяков, Древлянские грады, Сб. «Акад. Б. Д. Грекову ко дню 70-летия», М., 1952.
207. А. Д. Удальцов, Племена Европейской Сарматии II в. н. э., СЭ, № 2, 1946.
208. Указатель выставки Киевского общества древностей и искусств 1897 г., К., 1897.
209. Ф. И. Успенский, Вопрос о готах, Тр. IX АС. т. II, М., 1897.
- 209-а. Ф. И. Успенский, История Византийской империи, т. I, Изд. Брокгауз-Ефрон.
210. Устюжский летописный свод, М.—Л., 1950.
211. Р. Фасмер, Список монетных находок, II, СГАИМК, т. II, Л., 1928.
212. А. Федотов, О значении слова «Русь» в наших летописях, Русский исторический сборник, т. I, кн. 2, М., 1837.
213. И. Фундуклей, Обзорение Киева в отношении к древностям, К., 1847.
214. М. Халанский, К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем, ЖМНП, июль, 1902; октябрь, 1903.
215. В. В. Хвойка, Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена, К., 1913.
216. В. В. Хвойка, Каменный век Среднего Приднепровья, Тр. XI АС, т. I, М., 1901.
217. Д. А. Хвольсон, Известия о хозарах, буртасах, мадьярах, славянах и руссах Ибн-Даста, СПб., 1869.
218. И. Хойновский, Археологические сведения о предках славян и Руси, К., 1896.
219. И. А. Хойновский, Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева, произведенные весной 1892 г., К., 1893.
220. О. Г. Шапошникова, Памятки неоліту та трипільської культури в районі Києва, Археологія, т. VIII, К., 1953.
221. Шаровольский, Сказание о мече Тирфинге, УИ, т. XLVII, № 9, К., 1907.
222. А. А. Шахматов, Повесть временных лет, Петроград, 1916.
223. А. А. Шахматов, Разыскания о древнейших русских летописных сводах, СПб., 1908.

224. А. Шлецер, Нестор (перевод Языкова), т. I, СПб., 1809.
225. Г. М. Шовкопляс, Археологічні пам'ятки гори Киселівки в Києві, Праці Київського істор. музею, вип. 3, К., 1958.
226. А. М. Шовкопляс, Керамический комплекс горы Киселевки в Киеве, КС ИА АН УССР, вып. 7, К., 1957.
227. А. М. Шовкопляс, Славянская керамика VII—IX вв. из Киева, КС ИА АН УССР, вып. 8, К., 1959.
228. И. Г. Шовкопляс, Добраничевская палеолитическая стоянка, КС ИИМК, вып. 59, М., 1955.
229. И. Г. Шовкопляс, Жилища Мезинской стоянки, КС ИМ АН УССР, вып. 6, К., 1956.
230. И. Г. Шовкопляс, Фастовская палеолитическая стоянка, КС ИИМК, вып. 65, М., 1956.
231. G. Stöckl, Russische Geschichte von der Entstehung des Kiewer Reiches bis zum Ende der Wirren, JGO, B. 6, H. 2, München, 1958.
232. С. В. Юшков, Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, М.—Л., 1939.
233. H. Jabfopowski, Das Problem bäuerlichen Abhängigkeit in Kiewer Reich, Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen des Osteuropa-Instituts, B. 9, Berlin, 1956.
234. В. Л. Янин, Великий Новгород, «По следам древних культур», Древняя Русь, 1953.
235. М. Ячменьов, Ф. Мовчанівський, Нові археологічні розкопки у Києві, Соціалістичний Київ, К., 1936.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЛЮР — Археологическая летопись Южной России
АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР
ВАН УРСР — Вісник Академії наук УРСР
ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВИВ — Военно-исторический вестник
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
Зап. РАО — Записки Русского археологического общества (старая серия)
ЗНТШ — Записки Наукового товариства ім. Шевченка
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества (новая серия)
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия ГАИМК
ИА (ИА) — Институт археологии Академии наук УРСР
ИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук УРСР
ИОРЯС — Известия отделения русского языка и словесности Российской академии наук
КДА — Київська духовна академія
КДУ — Київський державний університет
КЗ ВУАК — Короткі звідомлення Всеукраїнського археологічного комітету
КС ИА — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КС ИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчет археологической комиссии
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАНИОН — Российская ассоциация научных институтов общественных наук
СА — Советская археология
СГАИМК — Сообщения ГАИМК
СЭ — Советская этнография
Тр. АС — Труды Археологического съезда
УИ — Университетские известия университета св. Владимира
УІЖ — Український історичний журнал
Хр. АМ — Хроніка археології та мистецтва
ЦАО — Церковно-археологическое общество
ЧОНЛ — Чтения в Обществе Нестора-Летописца

- Const. AI — Constantini Porphyrogeneti De administrando imperio (Рус. перевод: ИГАИМК, вып. 91, М.—Л., 1934).
- Herod. — Herodotis Historia (Рус. перевод: ВДИ, № 2, 1947).
- Jord. — Jordanis Getica (Рус. перевод: Иордан, О происхождении и деяниях готов, М., 1960).
- Men. — Menandris Protectoris Fragmentae (Рус. перевод: ВДИ, № 1, 1941).
- Nic. OH — Nicephoris Opuscula historia (Рус. перевод: ВВ, т. III, 1950).
- Plin. NH — Plinii Naturalis historia (Рус. перевод: ВДИ, № 2, 1949).
- Ptol. — Ptolemaei Geographia (Рус. перевод: ВДИ, № 2, 1948).
- Proc. BG — Procopii De bello gothico (Рус. перевод: Прокопий из Кесарии, Война с готами, 1950).
- Sax. Gram. — Saxoni Grammatici Gesta Danorum (Strassburg, 1886).
- SHA — Scriptores historiae Augustorum (Рус. перевод: ВДИ, № 1—4, 1957; № 1—4, 1958; № 1—4, 1959; № 1, 1960).
- Sync. — Georgii Syncelli Chronologia (Воннае, 1929).
- Tac. Germ. — Taciti Germania.
- Theoph Sim. — Theophylacti Simocattae Historiae (Рус. перевод: Феофилакт Симокатта, История, М., 1957).
- Theoph. — Theophanis Chronographia (Рус. перевод: ВДИ, № 1, 1941).

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Древнейшие поселения	8
Глава II. Начало истории Киева	29
Глава III. Летописная легенда об основании Киева	66
Глава IV. Превращение Киева в городской центр	111
Глава V. Объединение древнерусских земель вокруг Киева	149
Литература	173
Список сокращений	181

*Печатается по постановлению ученого совета
Института истории АН УССР*

Михаил Юлианович Брайчевский
КОГДА И КАК ВОЗНИК КИЕВ

Редактор *В. А. Годлевская*
Художественный редактор *В. П. Кузь*
Оформление художника *В. И. Юрчишина*
Технический редактор *О. А. Кадашевич*
Корректор *М. М. Раскина*

БФ 05370. Зак. № 1626. Изд. № 237. Тираж 17000.
Формат бумаги 70×90¹/₁₆. Печ. физ. листов 11,5
Условн. печ. листов 13,45. Учетно-издательских листов 12,06
Подписано к печати 18. VII 1964 г. Цена 48 коп.

Издательство «Наукова думка», Киев, Репина, 3.

Книжная ф-ка «Октябрь» Государственного комитета
Совета Министров Украинской ССР по печати.
Киев, Артема, 23 а.

